

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

АНАТОМИЯ СКАНДАЛА

САРА ВОЭН

Annotation

Джеймс – любящий муж и отец, успешный политический деятель. И вот его обвиняют в ужасном преступлении. Софи, его жена, уверена: Джеймс невиновен, и она сделает все, чтобы защитить свою семью. Ведь если она на протяжении долгих лет хранила секрет Джеймса, то сможет спасти их брак и теперь.

Кейт – барристер, поддерживающий иск против Джеймса. Она убеждена: Джеймс виновен и должен за все заплатить. Кейт знает, каково это – быть жертвой, и она умеет задавать вопросы, ответы на которые не все хотят услышать...

Так кто же на самом деле Джеймс – жертва обстоятельств или преступник? И кто прав в своих убеждениях – Софи или Кейт? Возможно, этот скандал изменит их жизни навсегда и заставит Софи пересмотреть свое отношение к браку, а Кейт – воскресить давно забытых демонов...

- [Сара Воэн](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [От автора](#)
 - [Выражение признательности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Сара Воэн

Анатомия скандала

Sarah Vaughan
ANATOMY OF A SCANDAL

© Sarah Vaughan Ltd, 2018

© Перевод. О. А. Мышакова, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Моему отцу Крису с любовью

*Ему нужны виновные. И он находит тех, кто
виновен. Пусть даже не в том, в чем их обвиняют.*

Хилари Мантел. Внесите тела

Глава 1

Кейт

2 декабря 2016 года

Парик на письменном столе, куда я его швырнула, напоминает выброшенную на берег медузу. Вне зала суда я небрежно обращаюсь с этой важнейшей частью своего гардероба, выказывая парикю обратное тому, что ему полагается внушать, – уважение. Ручной работы, из конского волоса, стоит почти шестьсот фунтов. Мне хочется, чтобы он состарился и добрал солидности, которой мне не хватает. Чтобы пожелтел у кромки от многолетнего воздействия пота, а тугие кремовые букли обвисли бы или стали серыми от пыли. Через девятнадцать лет после того, как меня приняли в коллегия адвокатов, парик у меня по-прежнему как у старательного новичка, а не как у адвоката, унаследовавшего его от отца. А я мечтаю как раз о парике, потускневшем от почтенного возраста, статуса и преемственности.

Я сбросила туфли – черные лаковые лодочки с золотой косичкой спереди. Такие носили щеголи эпохи Регентства, герольдмейстеры палаты лордов – и адвокатессы, обожающие историю, формалистику и нелепость всего этого. Дорогая обувь очень важна. При разговоре с другими адвокатами или клиентами, с судебными приставами и полицейскими все мы время от времени опускаем взгляд, чтобы не показаться агрессивными. Так вот, любой, кто взглянет на мои туфли, увидит ту, кто разбирается в нюансах психологии и принимает себя всерьез. Они увидят женщину, одевающуюся так, будто она верит в свою победу.

Я, видите ли, люблю выглядеть соответственно положению. Люблю все делать правильно. Женщины-адвокаты могут носить воротничок – лоскут хлопка с кружевом, похожий на детский нагрудник и стоящий целых тридцать фунтов. Или могут одеваться, как я: белая туника под горло, а воротник крепится на кнопках спереди и сзади. Манжеты с запонками. Черный шерстяной жакет с юбкой или брюками и, смотря по профессиональным успехам и возрасту, черная мантия тонкой шерсти или шерсти с шелком.

Сейчас я не в мантии. Переодевание происходит в Олд-Бейли, в специальной комнате. Мантию долой. Отстегнуть воротник и манжеты. Недлинные светлые волосы, собранные в суде в конский хвост, распущены

и немного взбиты.

Без мантии я женственнее. В парике и очках в тяжелой оправе я выгляжу асексуально – и, безусловно, непривлекательно, хотя у меня высокие скулы. Два острых выступа, обозначившиеся к двадцати пяти годам, стали резче и тверже, как и я с годами стала резче и тверже сама.

Без парика я больше похожу на себя. На себя настоящую, а не ту, которой я бываю в суде, или на мои ранние инкарнации. Это я, Кейт Вудкрофт, королевский адвокат, специализация – уголовное право, член Внутреннего темпла^[1], эксперт по преступлениям на сексуальной почве. Сорок два года, разведенная, одинокая и бездетная. Я опустила голову на руки и длинно выдохнула, заставляя себя смириться. Нехорошо. Не могу расслабиться. У меня на запястье пятнышко экземы, и я втираю крем «Е 45», борясь с желанием расчесать его, ногтями содрать свою неудовлетворенность жизнью.

Вместо этого я поднимаю взгляд к высокому потолку моего кабинета. Настоящий оазис спокойствия в самом центре Лондона – восемнадцатый век, лепные украшения, золотые листья вокруг потолочной розетки, а сквозь высокие створчатые окна видны двор Внутреннего темпла и круглая церковь двенадцатого века.

Это мой мир – архаичный, анахроничный, привилегированный, эксклюзивный. Все, к чему я должна бы – и в нормальной ситуации стала бы – испытывать нескрываемую неприязнь. И, однако, я люблю его. Люблю, потому что все это – россыпь зданий на границе Сити, возле Стрэнда, сбегających к реке; помпезность и иерархия; статус, история и традиции – то, о чем существовании я раньше не подозревала и даже думать не могла, что буду здесь работать. Это показывает, насколько высоко я поднялась.

Вот почему, если я иду одна, а не с коллегами, и покупаю себе капучино, то горячий шоколад с лишним пакетиком сахара протягиваю девчонке, скорчившейся в спальном мешке на Стрэнде. Большинство людей не хотят ее замечать. Бездомные хорошо умеют становиться невидимыми – или мы хорошо умеем превращать их в невидимых, отводя взгляд от спальных мешков защитного цвета и от самих людей с серыми лицами и свалывшимися волосами, закутанных в слишком большие свитера, и от их тощих собак, когда спешим к манящему блеску Ковент-Гардена или к культурным сенсациям Саут-Бэнка.

Но походите вокруг любого здания суда, и вы увидите, как зыбко бывает благосостояние, как ваш мир может рухнуть в одну минуту, если вы замахнетесь на что-то, что вам не по плечу, или хоть на одну злосчастную

долю секунды преступите закон. Особенно если вы бедны. Ибо суды, как и больницы, магнитами притягивают тех, кому судьба всегда была мачехой, кто выбирал не тех мужчин или ложных друзей и так погряз в неудачах, что позабыл о моральных устоях. Богатым и здесь легче: вспомнить хоть уклонение от налогов, оно же мошенничество – так его можно трактовать для человека, у которого нет ловкого бухгалтера. Невезучесть – или отсутствие чутья – не преследует богатых так же неуклюже, как людей без средств.

Так, я в плохом настроении. Сразу можно определить, когда у меня плохое настроение: я начинаю думать, как неопытный политик. Как правило, я держу свои мысли в духе «Гардиан» при себе, чтобы не слишком выделяться среди более консервативных членов нашей палаты и не провоцировать ожесточенные дискуссии на официальных обедах, где подают еду, какая обычно бывает на свадьбах, – курицу или запеченного лосося, – и такое же неважное вино. Куда дипломатичнее ограничиться юридическими сплетнями: кто из адвокатов, устав от отсутствия заказов, подал заявку на место судьи в уголовном суде, кто скоро получит адвокатскую мантию, кто, не сдержавшись, нагрубил приставу в зале суда. На эти темы я могу болтать, одновременно обдумывая текущие дела по работе, сокрушаясь по поводу своей незадавшейся личной жизни и даже соображая, что купить назавтра на обед. Спустя девятнадцать лет я овладела искусством быть как все. Я в этом настоящий эксперт.

Но за неприступными стенами моего кабинета, куда могут попасть лишь избранные, я на минуту отпускаю себя – сидя за солидным двухтумбовым столом красного дерева, утыкаюсь головой в стиснутые кулаки, зажмуриваюсь и с силой вдавливаю в глаза костяшки пальцев. Я вижу звезды и белые черточки, разрывающие тьму и сияющие ярче бриллиантов в кольце, которое я себе купила, потому что больше никто мне кольца не купит. Лучше видеть белые взрывы, чем дать волю слезам.

Я только что проиграла дело. И хотя я знаю, что к понедельнику горечь поражения ослабнет и надо будет заниматься другими делами, которые я веду, и другими клиентами, которых я представляю, – все равно это мучительно. Такое со мной бывает нечасто. Я не люблю поражений, поэтому предпочитаю побеждать. Как и любой адвокат. Это естественно – нам необходимо доказательство, что карьера по-прежнему идет вверх. Так устроена состязательная система правосудия.

Помню, для меня стало настоящим шоком, когда нам это объяснили на пальцах в начале стажировки в адвокатской коллегии. Я пришла в юриспруденцию с высокими идеалами (некоторые сохранила – рутина меня

не сломила) и не ожидала услышать нечто жесткое.

– Истина – непростая штука. Нравится вам это или нет, но задача адвоката в состязательной системе правосудия – отнюдь не докапываться до истины, – говорил Джастин Кэру нам, двадцатилетним, вчерашним студентам Оксфорда, Кембриджа, Дарема и Бристоля. – Задача адвоката, по сути, сводится к тому, чтобы быть убедительнее оппонента. Дело можно выиграть даже с горой доказательств против вас, если вы умеете убеждать. Ну и, разумеется, любой адвокат стремится победить.

Но иногда мы проигрываем, несмотря на все наше умение убеждать. По моему опыту, это почти неизбежно, если свидетель оказывается ненадежным, если он не может подкрепить свое заявление доказательствами, если при перекрестном допросе его рассказ начинает походить на моток шерсти, который трепал котенок, – клубок противоречий, становящийся еще более запутанным, стоит начать его разматывать.

Так случилось и сегодня в деле Батлера, деле об изнасиловании, осложненном домашним насилием: Тед Батлер и Стейси Гиббонс прожили вместе четыре года, и большую часть этого времени Батлер позволял себе рукоприкладство.

Я с самого начала знала: дело проигрышное. У нас всегда готовы осудить незнакомца-насильника, пресловутого негодяя из темного переулка, но едва речь заходит о насилии в семье, присяжные «затрудняются с решением».

Вообще жюри, как правило, голосует в подобных делах справедливо, однако сегодня этого не произошло. Порой мне кажется, эти люди застряли в викторианской эпохе: раз она твоя жена, официальная или гражданская, нечего выносить сор за порог; что происходит за закрытыми дверями, там и остается. Поверьте, очень противно копаться в интимной жизни пары, выслушивать, что надевает жена, ложась в постель (большого размера футболку из супермаркета), или как муж всегда курит после секса, хотя у жены астма и ему прекрасно известно, что от табачного дыма она начинает задыхаться. Остается недоумевать, откуда вообще в зале зрители, зачем они пришли поглазеть на эту жалкую, удручающую драму. Или это интереснее мыльной оперы, потому что участники – реальные люди и свидетельница плачет по-настоящему? К счастью, им этого не видно, потому что она сидит за ширмой и может не смотреть на своего предполагаемого насильника – толстошеего и с поросычьими глазками. В попытке казаться респектабельным он вырядился в дешевый костюм, черную рубашку и такой же галстук, в которых выглядит скорее зловеще, и теперь бросает

взгляды на нее со скамьи подсудимых, отделенной от зала усиленным стеклом.

Это неприлично и пошло, это нескромно и бесстыдно, но я все равно задаю вопросы о самых интимных и страшных моментах, которые пережила Стейси, потому что в глубине души, несмотря на врезавшиеся в память слова уважаемого адвоката, хочу докопаться до истины.

Но защитник обвиняемого поднял тему порнографии – это стало возможным лишь потому, что мой оппонент сделал убедительное заявление о существовании прямой параллели между сценой из фильма для взрослых в DVD-проигрывателе, стоявшем в спальне Батлера и Гиббонс, и тем, что произошло с моей клиенткой.

– Возможно ли, – вопрошал мой ученый коллега Руперт Флетчер глубоким, властным баритоном, – что это была сексуальная игра, которую эта женщина теперь считает компрометирующей? Фантазия, которая, по ее мнению, зашла несколько дальше ожидаемого? В порнофильме женщину тоже привязывали – в точности как мисс Гиббонс. Возможно ли, что в момент проникновения Тед Батлер искренне считал, будто Стейси Гиббонс принимает участие в ролевой игре, которую они обсуждали ранее, играет роль, на которую согласилась добровольно?

Далее Флетчер изложил подробности порнофильма и зачитал эсэмэс моей клиентки: «Это меня возбуждает». И я увидела, как на лицах некоторых присяжных выразилось отвращение – например, у женщины средних лет, одетой чересчур нарядно для зала суда (видимо, она настроилась на процесс об ограблении или убийстве, и пикантные подробности дела Стейси открыли ей глаза). Было ясно, что сочувствие к Стейси исчезает быстрее, чем отступает отлив, обнажающий морское дно.

– Вы же фантазировали насчет связывания? – спрашивал Руперт. – Вы писали сообщение своему любовнику, недвусмысленно давая понять, что готовы попробовать? – Он сделал паузу, дожидаясь, пока рыдания Стейси разнесутся по лишенному окон залу суда.

– Да, – прозвучало ее невнятное признание, и с этой секунды уже не имело никакого значения, что Тед едва не задушил ее во время изнасилования или что запястья Стейси были до крови ободраны веревкой, когда она пыталась освободиться, – у нее хватило ума снять эти следы на айфон. После ее «да» все покатилося к чертям.

Я налила виски из стоявшего на тумбочке декантера. Я редко пью на работе, но сегодня был трудный день. Шел уже шестой час, приближались сумерки. Вечерние облака, подсвеченные золотом и нежными персиковыми оттенками, придавали особую прелесть внутреннему дворику. Мне всегда

казалось, что вечером выпить не грех. Односолодовый виски обжег горло и приятно согрел желудок. Интересно, отмечает ли Руперт победу в винном баре напротив Высокого суда? Он не мог не понимать – по следам на запястьях и шее жертвы, по усмешке, появившейся на лице его клиента, когда зачитывали вердикт, – что Батлер виновен на все сто, но победа есть победа. И все же, если бы я сегодня выступала на стороне защиты, у меня хватило бы порядочности не злорадствовать и уж тем более не покупать бутылку «Вдовы Клико», чтобы распить с помощником. С другой стороны, я избегаю защищать фигурантов подобных дел. Адвокат, занимающийся и обвинением, и защитой, считается более квалифицированным, но я не хочу идти на сделку с совестью, представляя интересы тех, кого считаю виновными. Я предпочитаю выступать на стороне обвинения.

Ибо я предпочитаю быть на стороне истины, а не только на стороне победителей, и если я верю свидетелю, для меня это достаточное основание взяться за дело. Вот почему я стараюсь выигрывать – не только ради престижа, но и потому, что хочу защитить таких вот Стейси Гиббонс, а также тех, чьи случаи менее сложны и более ужасны – как у шестилетней девочки, изнасилованной собственным дедом, одиннадцатилетнего мальчика, неоднократно подвергавшегося сексуальному насилию со стороны начальника своего скаутского отряда, или студентки, которую принудили делать минет, когда она возвращалась домой одна поздним вечером, – я всегда на стороне таких, как она... Критерий доказанности в уголовном суде весьма высок – он предполагает отсутствие обоснованного сомнения, а не просто значительную вероятность, как в гражданских делах. Вот почему Теда Батлера сегодня освободили в зале суда: было брошено зерно сомнения, представлена гипотетическая возможность, придуманная Рупертом с его приторным голосом, что Стейси, которую присяжные могли счесть грубоватой, согласилась на жестокий секс и лишь спустя две недели, обнаружив, что у Теда интрижка на стороне, обратилась в полицию. А то, что она была эмоционально травмирована и боялась позора, бесцеремонности и недоверия в суде, как в итоге и получилось, присяжным в головы не пришло.

Я долила виски в тяжелый хрустальный бокал и плеснула туда чуть-чуть воды. Два бокала – моя норма, и я об этом помню. Без дисциплины нельзя – притупляется острота ума. Пожалуй, пора идти домой, но мысль вернуться в мою трехкомнатную квартиру, где царит идеальный порядок, совсем не привлекает. Вообще, мне даже нравится жить одной. Я слишком своевольна, чтобы заводить отношения, слишком ревниво отношусь к своему личному пространству, слишком эгоистична и слишком конфликтна.

Я, как роскошью, наслаждаюсь своим одиночеством – мне не приходится приспосабливаться к чужим запросам, когда в голове у меня прокручивается очередное дело или я с ног валюсь после выступления в суде. Но когда я проигрываю, меня возмущает замкнутая тишина. Я не хочу быть одна и пережевывать свои профессиональные и личные несовершенства, поэтому задерживаюсь на работе, когда семейные коллеги давно разошлись по домам, и ищу истину в кипе документов, придумывая способ победить.

По деревянным ступеням восемнадцатого века простучали каблук других адвокатов, с лестницы долетел приглушенный смех. Начало декабря, все готовится к рождественским праздникам. Пятница. В воздухе так и чувствуется всеобщее облегчение: закончилась трудная неделя. Я не пойду с коллегами в паб: у меня лицо надуманное на крупную мышь, как говорила моя мать, а притворства с меня на сегодня достаточно. Не хочу, чтобы меня утешали и говорили, что вокруг сколько угодно самых разных дел, а браться за домашнее насилие – все равно что заведомо расписаться в поражении. Я не хочу через силу улыбаться, когда внутри все кипит, не хочу, чтобы мое настроение испортило общее веселье. К тому же там будет Ричард, мой бывший практикант – и любовник (но как о нас узнала его жена Фелисити, мы стали встречаться все реже). Не хочу раскачивать и тем более опрокидывать лодку их брака – и не хочу жалости Ричарда.

Раздался стук в дверь – резкий, короткий, дробный. Единственный человек, кого я сейчас смогу стерпеть, – Брайан Тейлор, мой помощник на протяжении всех девятнадцати лет работы на Свифт-корт, 1. У него сорок лет профессионального стажа, а здравого смысла и знания психологии больше, чем у многих юристов. Под гладко причесанными седоватыми волосами, аккуратно застегнутым костюмом и неизменным «мисс» (Тейлор свято блюдет иерархию, по крайней мере в офисе) кроется острая пронизательность, знание человеческой натуры и строгие нравственные принципы. Вообще Тейлор очень закрытый человек. Только проработав с ним четыре года, я узнала, что от него ушла жена, и еще через четыре года – что она ушла к другой женщине.

– Подумал, что вы еще на месте. – Тейлор просунул голову в дверной проем. – Я слышал о деле Батлера. – Он перевел взгляд с пустого бокала на бутылку виски и снова на бокал, но ничего не сказал.

Я пробормотала что-то уклончивое – вышло какое-то горловое рычание. Тейлор остановился у стола, заложив руки за спину, внутренне спокойный, хотя чувствовалось, что ему не терпится поделиться очередной мудростью. Я невольно подыграла ему, откинувшись на спинку кресла и

стараясь немного отвлечься от мрачного настроения.

– Вам необходимо что-то громкое. Резонансное.

– И не говорите... – У меня вырвался вздох облегчения: хоть кто-то знает меня достаточно хорошо, чтобы констатировать мои амбиции как факт.

– Вам необходимо, – продолжал Тейлор, хитро поглядывая на меня (его темные глаза так и сверкали от сенсационности пикантного дела), – нечто такое, что выведет вас на новый уровень. Позволит совершить прорыв в карьере.

У Тейлора что-то в руках. Так я и знала. С октября 2015 года все дела пересылаются в электронном виде, их уже не приносят обвязанными темно-розовой лентой, как пухлое *billet doux*^[2]. Но Брайану известно, что я люблю читать бумажные документы, корпеть над кипой бумаг, делать пометки, подчеркивать, выделять что-то маркерами, пока у меня не получится карта, по которой я и поведу дело в суде.

Тейлор всегда распечатывает для меня дела, и приятнее писем я не знаю. С уверенностью фокусника он положил досье на стол, как вынутого из шляпы кролика.

– И я принес вам именно такое дело.

Глава 2

Софи

21 октября 2016 года

Софи никогда не считала своего мужа лжецом.

Да, она знала, что он многое скрывает. Это часть его работы – по возможности экономить на правде. Для члена правительства это даже обязательно.

Чего Софи не ожидала, так это что муж станет ей лгать. Вернее, что он может вести двойную жизнь, о которой она ничего не знает. Секрет грозил сдетонировать под ее любовно обустроенным мирком и разнести его на куски.

В пятницу утром, когда Джеймс отвозил детей в школу, Софи вдруг захлестнула волна такой неистовой любви, что она замерла на ступеньках, упиваясь видом этой троицы. Они стояли в дверном проеме, как в раме. Джеймс, обернувшись, чтобы попрощаться, помахал ей левой рукой – так, как это делают политики. Софи всегда подшучивала над этим его жестом, но он, похоже, вошел у мужа в привычку. Его правая рука лежала на затылке Финна: челка у сына лезла в глаза, носки спустились на щиколотки, мыском он ковырял плитку пола – как всегда, не хотел в школу. Его старшая сестра, девятилетняя Эмили, уже стояла на пороге, твердо настроенная не опаздывать.

– Ну что, пока, – сказал муж. Осеннее солнце осветило по-мальчишески остриженную макушку и окружило ореолом всю его высокую, шесть футов три дюйма, фигуру.

– Пока, мам! – крикнула дочь и сбежала на дорожку.

– Пока, мамуля! – Финн, расстроенный изменением привычного порядка – сегодня в школу их вез папа, – выпятил нижнюю губу и покраснел.

– Пошли, будущий мужчина. – Джеймс направил сына к двери, авторитетный, не терпящий возражений, спокойный, и Софи почти рассердилась на себя за то, что до сих пор тает перед этой властью. Джеймс улыбнулся сыну, и черты его лица смягчились: Финн – его слабость. – Ты же всегда радуешься, когдаходишь в класс.

Он обнял сына за плечи и повел по их чистому садику в западной части Лондона, где фигурно подстриженные лавры напоминали часовых,

выстроившихся вдоль обсаженной лавандой дорожки, все дальше удаляясь от Софи.

Моя семья, думала она, любясь идеальным трио: дочка, бегущая впереди, радуясь новому дню, – тоненькие ножки, раскачивающийся хвостик на макушке; сын, взявший папу за руку и смотревший на него с неприкрытым обожанием, которое бывает только у шестилетних. От сходства мужа и сына (Финн – Джеймс в миниатюре) у Софи сладко замерло сердце. «У меня прелестный сын и красавец муж», – думала она, глядя на широкие плечи Джеймса, занимавшегося когда-то греблей. Она ждала – вернее, надеялась, – что муж обернется и улыбнется ей, потому что Софи никогда не могла устоять перед его обаянием.

Конечно же он не обернулся, и Софи проводила взглядом своих самых дорогих людей в мире.

Все начало рушиться в 20.43. Джеймс опаздывал. Можно было догадаться, что он опоздает: сегодня же вторая пятница месяца, Джеймс вел прием избирателей в самой глуши своего округа в Суррее, в ярко освещенном сельском клубе.

Когда его избрали в парламент на первый срок, они всей семьей ездили туда каждые выходные, перебираясь в холодный, сырой коттедж, упорно не желавший становиться уютным, несмотря на дорогой ремонт. Когда Джеймса избрали на второй срок, стало возможным не притворяться, что им нравится по полнеделе торчать в Терлсдоне. Летом там, конечно, было хорошо, но зимой невыносимо скучно: Софи смотрела в окно на голые деревья, которыми был обсажен их сад, пока Джеймс окучивал свой электорат, и задабривала Финна и Эм, привыкших жить в городе и скучавших по суете и развлечениям их настоящего дома в Кенсингтоне.

Теперь они выбирались в Суррей не чаще раза в месяц, а Джеймс скрепя сердце ездил встречаться с избирателями каждые две недели. Пятничные встречи длились не дольше двух часов – к шести он обещал выехать.

Джеймс стал заместителем министра, и ему был положен водитель. Софи ждала мужа к половине восьмого: особых пробок не было. Сегодня они приглашены к друзьям на скромный ужин. Ну это только так говорится – друзья. Мэтт Фриск, тоже замминистра, был агрессивно амбициозен, что плохо сочеталось с принятыми в их кругу понятиями, где успешность была непременным условием, но неприкрытое честолюбие считалось вульгарным. Однако Мэтт и Элли – ближайшие соседи, и Софи нелегко было постоянно отказываться от приглашений.

Она обещала им быть к четверти девятого, а уже десять минут. Где же Джеймса носит? За окнами в город прокрался октябрьский вечер, черноту немного рассеивал свет уличных фонарей. Осень пришла незаметно, неслышной поступью. Софи любила это время года. Осень ассоциировалась у нее с новыми возможностями – о беготне по опавшим листьям в Крайст-Черч-Медоуз, когда у нее, первокурсницы, кружилась голова при мысли об открывшихся перед ней перспективах. С появлением детей настало время вить семейное гнездышко: уютно потрескивающие дрова в камине, жареные каштаны, бодрящие прогулки по осеннему холодку, рагу по замысловатым рецептам. Что-то таит этот осенний вечер, напряженный, как струна. На тротуаре раздались шаги, послышался игривый женский смех и низкий мужской голос. Не Джеймс. Шаги зазвучали громче, приближаясь, но быстро замерли вдали.

Софи нажала кнопку повторного набора. После нескольких звонков включился автоответчик. На мгновение утратив привычный самоконтроль, она раздраженно ткнула пальцем в гладкий экран. От страха замерло под ложечкой: на миг Софи снова оказалась в продуваемой всеми ветрами привратничкой оксфордского колледжа, где она сидела у таксофона в ожидании звонка. Сочувствие на лице швейцара, острый, пронизывающий страх, говорящий, что случится нечто ужасное, – почти нестерпимый в ту последнюю неделю первого семестра. В девятнадцать лет ей уже приходилось ждать его звонков.

Четырнадцать минут девятого. Софи позвонила снова, ненавидя себя за слабость. Телефон мужа сразу же переключился на автоответчик. Софи сняла воображаемую ниточку, поправила разноцветные плетеные браслеты и придирчиво оглядела ногти – аккуратно подпиленные, без лака, так не похожие на длинные глянцевые коготки Элли.

На лестнице раздались шаги и послышался детский голосок:

– А папа вернулся?

– Нет. Иди спать, – неожиданно для себя отрезала Софи.

Эмили устала на мать, приподняв бровь.

– Ложись в постель, милая, – добавила Софи мягче и пошла по лестнице вверх. Ее сердце бешено стучало пока она укладывала дочь в кровать. – Давай-ка уже успокаивайся. Папа скоро приедет.

– А когда приедет, он поднимется пожелать мне спокойной ночи? – надувшись и став невероятно хорошенькой, спросила Эмили.

– Мы собирались в гости, но если ты еще не будешь спать...

– Не буду. – Упорство Эмили, волевой подбородок и железная вера в себя делали ее настоящей дочерью своего отца.

– Ну, значит, обязательно поднимется. – Софи легонько поцеловала дочку в лоб, чтобы закончить разговор, и подоткнула одеяло. – Но только я не хочу, чтобы ты бегала по дому. Кристина очень даже неплохая няня. Когда папа приедет, я его к тебе отправлю.

Семнадцать минут девятого. Софи решила больше не звонить. Она не имела привычки следить за каждым шагом мужа, но от такого полного молчания ее бросало в дрожь. Обычно с Джеймсом очень легко связаться... Это на него непохоже. Допустим, они стоят в пробке на М25, Джеймс перебирает свои бумаги на заднем сиденье. Он бы обязательно позвонил, отправил эсэмэс, имейл, не заставлял бы ее волноваться. Помощница-француженка крутилась на кухне, мечтая, чтобы хозяева побыстрее ушли и она вытянулась бы на диване, радуясь, что весь дом принадлежит ей. Тщательный, почти незаметный макияж Софи уже не казался идеальным. Купленные для Фрисков цветы вяли на столике в холле.

Двадцать одна минута. Она позвонит Фрискам в половине девятого. Восемь тридцать. Софи не хотелось звонить. Восемь тридцать пять, тридцать шесть, тридцать семь. Понимая, что это нарушение правил приличия, в восемь сорок Софи отправила Элли Фриск коротенькую эсэмэс с извинениями: на встрече с избирателями возникли непредвиденные задержки, очень жаль, но сегодня они с Джеймсом не смогут прийти на ужин.

В «Таймс» нашлась статья Уилла Стэнхоупа об «Исламском государстве», однако слова бывшего сокурсника не доходили до сознания Софи. С тем же успехом она могла бы читать Финну рассказ о динозаврах-космонавтах: сюжет ее равно не занимал. Всем своим существом она сейчас была настроена на одно.

И вот наконец послышался звук отпираемого замка. Короткий скрежет – и шипение открываемой тяжелой дубовой двери. Его шаги – странно медленные, не привычная бодрая, уверенная походка. Глухой стук от поставленного на пол «красного ящика»^[3] – груз ненадолго сброшенной ответственности, самый прекрасный звук в вечер пятницы. Плеск сухого белого вина, наливаемого из бутылки. Звон ключей, положенных на столик в холле. И снова тишина.

– Джеймс, – позвала Софи.

Его красивое лицо казалось серым, улыбка была вымученной, одними губами. Морщинки вокруг глаз стали заметнее.

– Фрисков лучше отменить.

– Уже отменила.

Джеймс стянул пальто и аккуратно повесил его на вешалку, отворачивая лицо. Софи помолчала и обняла мужа за талию, его точеную талию, напоминавшую ствол молодого деревца, которое развивается вширь. Но Джеймс протянул руки за спину и мягко разомкнул руки жены.

– Джеймс! – Холод под ложечкой усилился.

– Кристина здесь?

– Да.

– Пусть уйдет в свою комнату. Нам нужно поговорить.

– Понятно. – Сердце у Софи затрепетало, когда она услышала свой ставший странно невыразительным голос.

Джеймс улыбнулся одними губами, и в его голосе появилась нотка раздражения, будто Софи была эгоистичным ребенком или медлительной подчиненной:

– Можно сделать это прямо сейчас, Софи?

Она внимательно смотрела на мужа, не понимая его настроения – она ожидала другого.

Джеймс растирал лоб длинными твердыми пальцами, на мгновение прикрыв зеленые глаза. Изумительно длинные ресницы касались щек. Потом он широко открыл глаза, и взгляд у него стал в точности как у Финна, когда тот пытался предотвратить взбучку и вымолить прощение. Таким взглядом Джеймс смотрел на Софи двадцать три года назад, признавшись, что переживает кризис, который грозит его уничтожить, и поэтому им надо расстаться. От этого воспоминания Софи до сих пор бросало в дрожь.

– Я очень виноват, Соф. Я так виноват...

Казалось, в эту минуту Джеймс изнемогает не только от бремени своих должностных обязанностей (заместитель государственного секретаря по борьбе с экстремизмом), а будто на него навалилась ответственность всего британского правительства:

– Я облажался по-крупному.

Дело оказалось в Оливии Литтон, которую Софи всегда считала парламентской референткой Джеймса. Высокая, светловолосая, двадцати восьми лет, со связями, уверенная в себе, амбициозная.

– Словом, и здесь сногшибательная блондинка. – Софи хотела сяззвить, но ее голос прозвучал пронзительно.

Интрижка продолжалась пять месяцев. Джеймс порвал с Оливией неделю назад, сразу после партийной конференции.

– Это ничего не значит, – говорил он, обхватив голову руками, с виду

искренне раскаиваясь. Откинувшись на спинку кресла, он сморщил нос и выдал еще одно клише: – Это был просто секс, очередная победа, льстившая мужскому самолюбию.

Софи с трудом сглотнула. Из груди рвалась ярость, и сдерживать ее становилось все труднее.

– Ну, это совершенно меняет дело.

Взгляд Джеймса стал мягче, когда он разглядел ее боль.

– У нас по этой части все всегда было нормально, сама знаешь. – Муж читал Софи как раскрытую книгу – умение, доведенное до совершенства за два десятилетия и крепко связывавшее супругов. – Я всего лишь совершил глупейшую ошибку.

Сидя на диване очень прямо, Софи ждала, когда ее гнев уляжется и она сможет разговаривать нормально, или когда Джеймс попытается перекинуть мостик через пропасть, разверзшуюся между ними, – протянет руку или хоть улыбнется жене. Но он застыл с опущенной головой, поставив локти на колени и соединив пальцы, словно в молитве. Вначале Софи не чувствовала ничего, кроме презрения, к этому лицемерному шоу в духе Тони Блэра (кающийся политик!), но смягчилась, когда у Джеймса дрогнули плечи. Это не было рыдание – просто глубокий вздох. Она вспомнила свою мать, когда ее отец (тот еще ходок) признавался в очередном «неблагодарумии». Обреченная покорность Джинни – и мелькнувшая и сразу подавленная боль в зеленых, как море, глазах.

Неужели так поступают все мужья? Сперва ощущаешь боль, потом приходит гнев? Так не должно быть. Их брак не такой, как другие, он основан на любви, доверии и сексе, которым Софи занимается со всем старанием.

За свою жизнь она не раз шла на компромиссы и, видит бог, совершила настоящий подвиг веры, когда они с Джеймсом снова сошлись, но к чему все это, если отношения теряют прочность? На глазах у нее выступили слезы. Джеймс поднял голову и перехватил ее взгляд, о чем Софи немедленно пожалела.

– Есть и еще кое-что, – сказал он.

* * *

Ну еще бы, он бы не признался в измене просто так.

– Она беременна? – Эти два слова, циничные, но необходимые, вытянули все краски из разделявшего их пространства.

– Нет, конечно!

Софи невольно выдохнула: значит, никаких единокровных братьев-сестер у Эмили и Финна, никаких доказательств внебрачной связи мужа. Ей не придется ни с кем делить Джеймса.

И тут его лицо исказилось гримасой. Ногти Софи впились в ладони острыми полумесяцами. Она впервые заметила, что костяшки пальцев похожи на шарики из слоновой кости, прорывающиеся через розовую кожу. Что может быть хуже того, что другая женщина родит его ребенка – или сделает аборт, уничтожив его ребенка? Пойдут слухи, ведь интрижка – самая пикантная тема для сплетен. Сначала слухок пронесется в кафетериях палаты общин, но быстро выйдет за пределы «избранного круга». Кто уже об этом знает? Коллеги Джеймса? Премьер-министр? Жены других замминистров? И что теперь скажет Элли? Софи представила глупое пухлое лицо и плохо скрываемую жалость: может, соседка угадала истинную подоплеку ее эсэмэс и уже сочувствует Софи?

Она задышала глубоко и ровно. Роман на стороне они переживут, он останется в прошлом. Интрижка – не преступление, ну мелькнет где-нибудь в разговоре и быстро забудется, люди переключатся на что-то другое... Но после слов Джеймса опасность многократно возросла, угрожая все погубить. Софи задохнулась, словно от удара под дых, представив себе возможный сценарий развития событий. Такого она предусмотреть не могла.

– Эта история вот-вот появится в газетах.

Глава 3

Софи

22 октября 2016 года

Историю слили «Мейл», и им пришлось ждать свежих выпусков газеты, чтобы понять, насколько плохи дела.

Начальник службы премьер-министра по связям с общественностью Крис Кларк нервно мерил шагами гостиную. Телефон то был прижат к его уху, то будто прилипал к пальцам. Крысиное лицо осунулось от напряженного ожидания. Сузились маленькие глазки, посаженные близко к острому носу, сальному от постоянного фастфуда. Кожа у него посерела от ранних подъемов и недостатка сна.

Софи не выносила этого Кларка: ей были противны его гнусавый эстуарный выговор, самомнение, походка коротышки (при своих пяти футах девяти дюймах рядом с ее мужем Кларк казался карликом) и сознание собственной незаменимости для британского премьер-министра.

«Кларк способен найти общий язык с кем угодно. Мы все у него в кулаке: он наизусть знает наши недостатки и то, как их нейтрализовать», – сказал Джеймс, когда Софи заикнулась о своем инстинктивном недоверии к нему.

У нее нет барометра, чтобы измерить этого бывшего корреспондента «Мировых новостей» из Баркинга. Он холост и бездетен, но не гей, это точно, просто политика поглощает его целиком. В свои неполные сорок он являет собой олицетворение клише «женат на своей работе».

– Вот черт, – сказал Кларк, читая статью на айпаде в ожидании, пока доставят толстый субботний выпуск «Мейл». Рот у него скривился, как от кислятины.

Софи еле сдержала раздражение при виде заголовка «У министра интрижка с помощницей» и первой строки: «Близкий друг премьер-министра назначает свидания в коридорах власти».

Софи начала читать, но слова сливались в нечто неудобоваримое: «Самый сексапильный замминистра Британии занимался любовью со своей помощницей в лифте палаты общин! Эксклюзивный репортаж об этом в «Дейли мейл». Джеймс Уайтхаус, заместитель министра внутренних дел и конфидент премьер-министра, крутит роман с парламентской референткой непосредственно в Вестминстерском дворце. Женатый

человек, отец двоих детей, Уайтхаус уединялся с 28-летней блондинкой Оливией Литтон даже во время партийной конференции».

– Ну это уже была глупость, – прорезал общее молчание голос Криса.

Софи попыталась обуздать свои эмоции и сказать что-нибудь спокойно и убедительно. Не в силах совладать с собой, она резко встала. Отвращение накрыло ее волной физической тошноты, и она поспешила удалиться на кухню. Склонившись над раковиной в надежде, что дурнота отступит, Софи ощущала под пальцами холод хромированной стали. Несколько секунд она смотрела на сияющую чистотой раковину, затем перевела взгляд на рисунок Финна, один из немногих, удостоившийся места на холодильнике. На листе четыре человечка с широченными улыбками: отец возвышается над всеми, будучи вполовину выше жены и вдвое больше сына. Взгляд шестилетнего ребенка на мир. И подпись темно-розовым фломастером: «Моя семья».

Семья Финна. Ее семья. У Софи выступили слезы, но она поморгала и осторожно коснулась мокрых ресниц, чтобы не размазалась тушь. Сейчас не время плакать от жалости к себе. Софи думала, как бы поступила ее мать. Джинни налила бы себе двойной виски и ушла гулять с собаками среди продуваемых ветром скал. Здесь нет собак и безлюдного побережья, где можно дать волю эмоциям и скрыться от газетчиков, которые, судя по опыту «неблагоразумных поступков» других членов правительства, скоро будут кружить у их дверей.

Как все объяснить детям, которые ждут не дождутся, чтобы пораньше поехать на балет и плавание? Фотоаппараты. Репортеры. Финна еще можно обмануть, но Эмили? Вопросам не будет конца. «Почему они здесь? У папы что, неприятности? А кто такая эта леди? Мама, а зачем они хотят нас фотографировать? Мам, ты что, плачешь? Мам, а ты почему плачешь?» От мысли о предстоящем публичном позоре, всеобщем пристальном внимании и о том, что ей, Софи, придется успокаивать детей, пока не кончатся вопросы, ее вырвало.

Будут слова, брошенные ей вслед на игровой площадке, будут жалостливые взгляды или едва скрываемое злорадство других мамаш. На секунду Софи захотелось затолкать детей в машину и отвезти к своей матери в Девон, где высокие крутые берега изрезаны бесчисленными тропами. Но бегство означало бы признание вины и отсутствие согласия между супругами. Ее место здесь, рядом с мужем. Софи налила себе стакан воды из-под крана, через силу сделала пару глотков и вернулась в гостиную – посмотреть, как можно укрепить их брак и спасти политическую карьеру Джеймса.

– А что, она действительно типичная отвергнутая любовница? – Крис Кларк, ссутулившись, подался вперед, всматриваясь в Джеймса, будто ища вразумительное объяснение. Софи подумала: может, Кларк асексуален? От него веяло холодом, будто человеческие слабости были для него непостижимы, не говоря уже о безумствах, совершаемых под влиянием страсти.

– Я ей сказал, что наша связь была ошибкой и все кончено. Ее же нигде не цитируют, значит, в газеты обратилась не она?

– Она работает в Вестминстере и знает, как грамотно слить информацию.

– Через друзей?.. – Джеймс с мученическим видом опустил взгляд на кипу печатных страниц.

– Ну конечно. «Он ее использовал. Она думала, у них настоящий роман, но он обошелся с ней просто гнусно», – сообщает особа, близкая к мисс Литтон».

– Я уже это читал, – перебил Джеймс. – Можете не повторять.

Софи присела на диван напротив, справа от директора службы по связям с общественностью. Пусть она покажется мазохисткой, которой нравится копаться в грязном белье, но оставаться в неведении она не могла. Необходимо понять, с чем она имеет дело. Софи перечитала рассказ «близкой особы» о том, через что пришлось пройти бедняжке Оливии, стараясь вникнуть в смысл текста. Джеймс вошел с ней в лифт в палате общин, но «между этажами нажал кнопку «стоп», и поездка... затянулась». Софи представила себе ухмылку автора статьи, придумавшего этот каламбур, смешки и многозначительно приподнятую бровь читающего газету. Однако, хотя грубость и недвусмысленность описанного поразили ее в самое сердце, факты в своей совокупности начали обретать смысл. Софи оторвалась от статьи, прислушиваясь к тому, что говорил Крис.

– Значит, выбираем такую линию поведения: вы глубоко сожалеете об этой короткой интрижке и о боли, которую причинили своей семье. Одной из своих основных и первоочередных задач вы видите восстановление добрых отношений с супругой. – Тут Крис повернулся к Софи. – Надеюсь, с вашей стороны сюрпризов можно не опасаться?

– Каких, например? – испуганно спросила она.

– Вы же не собираетесь объявить, что бросаете мужа? Не захотите изложить собственную версию событий или тайно уехать в неизвестном направлении?

– Об этом обязательно нужно спрашивать?

– Разумеется. – Кларк оценивающе смотрел на нее.

– Конечно же нет, – ровно сказала Софи, ничем не выдав, что ее посещала мысль сбежать, скрыться в кроличьей норе девонширской глуши, подальше от Лондона и этой кошмарной ситуации. Удалось ей не выдать и своей досады на то, что Кларк ее раскусил.

Крис Кларк удовлетворенно кивнул и повернулся к Джеймсу:

– Главная проблема в том, что а) вы занимаете ответственный пост и б) трахались в рабочее время, оплаченное из кармана налогоплательщиков.

– Партийные собрания не финансируются налогоплательщиками!

– Но ваша деятельность как министра правительства ее величества финансируется! И новость о том, что вы пускаетесь во все тяжкие в лифтах в те часы, когда должны помогать управлять страной, будет воспринята, мягко говоря, неоднозначно.

– Я понимаю.

Софи, шокированная, не удержалась и взглянула на Джеймса: он даже не пытается отрицать, он все признает! Директор по связям с общественностью улыбнулся, и Софи подумала, уж не получает ли Кларк удовольствие от их унижения. Самоутверждается, ставя их на место, подчеркивает свою незаменимость для премьер-министра? Но, похоже, это была не только радость репортера от свежей сенсации. При всей его любви к грязным политическим трюкам – а у Кларка была репутация человека безжалостного, который придержит сплетню, чтобы использовать ее в нужный момент, совсем как правительственный «кнут»^[4], – он, казалось, осуждал Джеймса.

– Значит, так: отказывайтесь от любых комментариев, особенно касательно мелочей. Запомните: пока это все досужие пересуды. Не дайте себя втянуть в муссирование сплетен. В своем официальном заявлении подчеркните, что этот мелкий просчет ни в коей мере не повлиял на исполнение вами должностных обязанностей. Не позволяйте спровоцировать себя на отрицания: слово – не воробей, вылетит – не скоро отделаетесь. И вообще, не вдавайтесь в подробности. Твердите одно: вы глубоко сожалеете о мимолетной интрижке, главное для вас – семья. Уклоняйтесь от ответа, пропускайте вопросы мимо ушей, только не начинайте ничего отрицать. Вам ясно?

– Конечно. – Джеймс взглянул на жену и улыбнулся ей, но Софи никак не отреагировала. – Значит, мне не надо подавать в отставку?

– С какой стати? Премьер-министр, когда ему понадобится ваша отставка, скажет об этом прямым текстом. Но он не бросает старых друзей, а вы к тому же один из самых близких. – Крис указал на айпад и «Мейл». –

Так здесь написано.

– Да. – Джеймс выпрямился.

Они с Томом Саузерном вместе учились в Итоне и Оксфорде, их жизни неразрывно переплетены с тринадцати лет. Единственное, на что можно твердо надеяться, – это что премьер-министр, известный своей почти фатальной преданностью, сделает все, что в его силах, но не бросит старого приятеля. Софи ухватила за эту мысль: Том не оставит Джеймса, это не в его характере, к тому же он многим обязан ее мужу.

– Он так и сказал. – Джеймс кашлянул. – Выразил мне свою поддержку.

У Софи вырвался вздох облегчения.

– Так вы уже поговорили?

Джеймс кивнул, но рассказывать ничего не стал. У них с премьером эксклюзивные отношения. Традиционные пьянки, сдергивание штанов с соучеников, университетские каникулы, когда они, двадцатилетние, планировали политическую карьеру Тома, а потом и Джеймса, когда он поднабрался жизненного опыта, спаяли их дружбу настолько прочно, как не объединяют ее с Джеймсом двенадцать лет брака и двое детей. Забавно, что Том, которого Софи до сих пор не может представить самым могущественным человеком в стране (у нее так и стоит перед глазами, как он напился до пороссячьего визга в последние каникулы в Тоскане), больше ищет поддержки друга, нежели Джеймс. Теперь, когда Том стал премьер-министром, это менее очевидно, но Софи знает об этой его слабости. Возможно, она одна ее и угадывает. Том обращается к ее мужу за советом, но при этом очень надеется на умение Джеймса хранить его, Тома, секреты.

– Если премьер-министр нас поддержит, все обойдется, – коротко сказал Крис. – В наши дни секс не губит карьеру, особенно если быстро решить проблему. Вот ложь – да. Вернее, если поймают на лжи... – Он вдруг брезгливо фыркнул. – Вы же не какой-то придурок, пойманный с руками в штанах за фотографированием своих причиндалов на смартфон! Многие избиратели среднего возраста сочтут абсолютно понятным ваше совокупление в лифте с молодой кобылкой, – усмехнулся Крис. – Это ваше личное дело и больше ничье, лишь бы все побыстрее улеглось и не повторилось.

– А как же служебное расследование моих отношений с референтом нашей фракции?

У Софи внутри все сжалось. От мысли о предстоящем внутреннем расследовании, которое пресса будет обсасывать, цепляясь, крича о сокрытии фактов и сетуя, что виноватых опять не нашли, ее бросило в

дрожь. Это может погубить карьеру мужа и нанести серьезный удар по их браку, вновь и вновь растравляя рану.

– Премьер сам об этом заговорил? – напрягся Крис. Его бледно-голубые крысиные глазки расширились.

Джеймс покачал головой.

– Тогда в расследовании нет необходимости. Глупая интрижка, о которой скоро забудут... если вы от меня ничего не утаиваете.

Джеймс затряс головой.

– Ну тогда что ж... Вы же персона, особо приближенная к телу. Если сенсация быстро сойдет с первых полос, тогда вообще больше ничего не потребуется.

Софи хотелось смеяться: с Джеймсом все будет в порядке, ведь он такой правильный – закона не нарушал, пользуется покровительством премьер-министра. Она взглянула на книжные полки, где среди других книг заметила два романа Хилари Мантел о Кромвеле, – в ту эпоху все решала изменчивая королевская милость. С тех пор минуло больше четырех столетий, однако порядки в партии Тома до сих пор смахивают на придворные.

Софи позволила себе прикрыть глаза, отрешиться от новостей, от размышлений о том, как всех тут же охватывает стадное чувство, стоит сенсации появиться в соцсетях. Новости в наше время распространяются удивительно быстро... Но все обойдется, так сказал Крис, а он реалист и даже циник, он бы не пытался подсластить пилюлю.

Софи открыла глаза и взглянула на мужа. Его классически красивое лицо с высокими скулами, волевым подбородком и морщинками у глаз, выдававших сторонника здорового образа жизни и любителя посмеяться от души, осунулось. На нем застыло выражение, которое Софи привыкла считать своим.

Он смотрел на Криса Кларка, и в его взгляде тлел крошечный огонек сомнения, настороживший Софи.

– Очень надеюсь, что вы окажетесь правы.

Глава 4

Джеймс

31 октября 2016 года

Солнце пробивалось сквозь шторы. Софи еще спала, когда Джеймс тихо вошел в спальню. Полседьмого утра, понедельник, прошло девять дней после скандала.

Впервые за все это время Софи не проснулась в полшестого. Джеймс смотрел на ее лицо без макияжа, смягчившееся от сна на пухлой подушке. Лоб ее избороздили морщины, у виска в спутанных волосах отчетливо виднелась седина. Вообще Софи выглядит гораздо моложе своих сорока двух, но последние девять дней дались ей нелегко.

Джеймс стянул халат и тихо прилег на кровать, стараясь не разбудить жену. С пяти утра он просматривал газетные сайты: слава богу, о нем ничего. Кажется, пресса наконец смирилась с тем, что эта история развивается своим чередом. Согласно правилу Алистера Кэмпбелла, если сенсация восемь дней не сходит с передних полос, министр должен подать в отставку. Или он говорил десять дней? В любом случае Джеймс уложился в срок меньше минимума: воскресные газеты молчали. Ни малейшего намека на то, что шумиха еще не улеглась, даже в блоге Гвидо Фокса чисто. Крис тоже ничего не слышал. Все указывало на то, что таблоиды не раскопали новых подробностей.

Очень кстати подоспела очередная сенсация: раскрыт и сорван заговор террористов. Два исламских экстремиста из Майл-Энда планировали новый теракт в лондонском метро и были задержаны в момент передачи взрывчатки. Полицию охватил страх, что подробности дела просочатся в прессу и это повлияет на мнение присяжных, но газеты были заняты обсуждением потенциального ущерба от несостоявшихся терактов. Джеймсу не пришлось давить на председателя специальной комиссии, чтобы тот помог для виду затеять оживленную полемику. Малколм Твейтс, напыщенный бывший министр внутренних дел, задействовал бы свои контакты, подчеркивая явный вред британского климата для здоровья мусульманских беженцев, и разжигал бы страхи своих избирателей и всего белого населения Британских островов. Интрижка замминистра, о которой мало кто слышал за стенами Вестминстера, потускнеет в сравнении с якобы выявленным риском проникновения в страну целой орды

потенциальных террористов.

Джеймс зевнул, чувствуя, как постепенно уходит напряжение последней недели. Софи пошевелилась. Он не станет ее будить, не осмелится даже тихонько обнять ее за талию, а тем более просунуть руку ей между ног. Теперь Софи обдаёт его арктическим холодом: идеально корректная в присутствии детей и Кристины, наедине она встречает мужа ледяной сдержанностью – и фригидностью. Это все, конечно, понятно, но долго так продолжаться не может. Секс – это энергия, которая сплавляет их воедино. Софи секс нужен не меньше, чем ему... Короче, ей как минимум нужны любовь и доказательство, что она по-прежнему желанна для своего мужа.

Именно это большее всего задело ее в его интрижке с Оливией: Джеймс все понимает, он не дурак. Он вел себя недостойно, это даже не обсуждается, и добровольно признавался в этом в те редкие ночные минуты, когда Софи давала волю слезам. Ярость, которую ей удавалось сдерживать днем, прорывалась в коротких, мучительных рыданиях ночью. Беда в том, что Джеймсу хотелось секса чаще, чем жене. Он охотно занимался бы любовью каждый день. Это же разрядка – как на пробежку сходить или даже просто помочиться. Чисто физическая потребность. Ведь мы же чешем зудящее место, так и эта потребность должна быть удовлетворена. А Софи уже довольно давно, с тех пор, как дети были совсем маленькие, не ощущает такого всепоглощающего желания.

Джеймс осторожно придвинулся вплотную к хрупкой, худенькой Софи. Жена осталась очень стройной, став даже тоньше, чем в колледже, где она входила в основной состав гребной команды. Прекрасные ягодички, подтянутые от регулярных пробежек ноги, правда, живот немного отвис и покрылся тоненькими растяжками после Эмили и Финна. Не то чтобы Джеймс не желал Софи – разумеется, его влекло к жене, но Оливия буквально подала ему себя, как на подносе. И она, безусловно, очень хороша собой. Даже теперь, думая о ней как об отъявленной дряни – надо же, слила историю газетчикам, оставшись при этом в тени! – Джеймс не мог отрицать ее красоты. Тело, не испорченное материнством, упругие высокие груди, тонкие ноги, блестящие светлые волосы, пахнувшие чем-то цитрусовым, рот, говоривший о жестокости (ведь Оливия отнюдь не глупа, в чем отчасти и крылось ее очарование) – и чувственности.

Джеймс впервые изменил жене – ну если считать со дня свадьбы. Период помолвки не в счет – они же были студенты! Он перепробовал всех до одной девиц в колледже – как на работу ходил. Все изменилось, когда он познакомился с Софи: подружка, гребной спорт и выпускные экзамены на

время охладили его пыл. Но все равно он не собирался ничего упускать: это же Оксфорд, черт побери, а значит, проба сил во всех сферах – интеллектуальной, эмоциональной и физической.

Ему все сходило с рук, как детские проказы единственному избалованному сыночку (две старшие сестры его тоже обожали). Софи ни разу ничего не заподозрила, потому что Джеймс выбирал девиц с других факультетов, курсов, других специальностей – в общем, исхитрялся как мог. Обычно связь ограничивалась одной, максимум двумя встречами: Джеймсу хотелось разнообразия, каждый раз чувствовать разницу между одной парой грудей и другой, криками разных женщин, между мягкими, влажными влагалищами, соблазнительными изгибами локтя или шеи. Для юноши, который всю жизнь учился в частных школах для мальчиков, первый курс Оксфорда (а еще больше второй, прекрасный отсутствием экзаменов) означал безграничную, анархическую свободу.

Затем почти до тридцати Джеймс порхал по жизни мотыльком, расставшись с Софи на целых шесть лет. Он работал в Сити менеджмент-консультантом, засиживаясь в офисе до ночи, а потом шел куда-нибудь пить, и девиц у него было более чем достаточно. Но в двадцать девять лет в пабе в Ноттинг-Хилл он случайно встретил Софи. Она повзрослела в свои двадцать семь: она стала увереннее, опытнее, недоступнее – и соблазнительнее. На этот раз Софи заставила себя добиваться: в ней поселилось недоверие после его былых безрассудств и страх, что «кризис», заставивший Джеймса ее бросить (она видела Джеймса беспомощным и незащищенным, а этого он вынести не мог), разразится снова. Но, несмотря на эти метания, было очевидно, что они вновь сойдутся: как сказал Джеймс на свадьбе, не потрудившись перефразировать расхожее выражение, «это было как вернуться домой».

Ему искренне казалось, что он успокоился, обуздал свою страсть к легким победам. В период помолвки у него случилась пара эпизодов «дружбы с привилегиями» – с бывшей подружкой, решившей перед самой свадьбой отговорить его жениться на Софи, и с сослуживицей, которая начала его преследовать, не в силах понять, что Джеймсу нужен был только секс без обязательств. Это его сразу отрезвило. Навязчивость Амелии, ее дрожащие ресницы, прозрачные капли слез, выступавшие на глазах всякий раз, как он вскакивал с кровати, торопясь уйти, последний гневный телефонный звонок – ее голос визгливо шел вверх, пока Джеймс не оборвал истерику, нажав отбой, – все это заставило его подвести черту под легкомысленным поведением. Верность приходит в браке, решил он.

И ведь получилось! Почти двенадцать лет он был абсолютно верен

жене, и не в последнюю очередь из-за детей. Джеймс всегда думал, что из него выйдет обычный, не особо нежный папаша, примерно как его собственный отец Чарльз, однако сын и дочь совершенно изменили его – по крайней мере на целых двенадцать лет. Пока Эм и Финн были младенцами, Джеймс испытывал двойственные чувства, глядя, как они срыгивают, лепечут или засыпают. Но когда дети научились говорить и посыпались вопросы, случился всепоглощающий любовный роман, начавшийся с Эмили и усилившийся с Финном. Джеймс почувствовал огромную ответственность и искренне захотел стать тем, кого его сын сможет уважать. Быть не только обаятельным, но и *порядочным* человеком.

Порой дети его раздражали: широко открытые вопрошающие глаза, крайняя наивность, полное доверие. В силу профессиональной привычки Джеймс редко бывал честен: он умел отделяться стандартными ответами, не отражавшими суть вопроса, при этом его оппоненты оставались успокоенными – или одураченными. Но со своими детьми он вел себя иначе. Джеймсу казалось, что они видят его насквозь. Ради детей он был обязан стать лучше.

И долго, очень долго ему удавалось оставаться порядочным человеком. Джеймс поступал так, как подсказывали ему долг и благоразумие, и соблюдал клятву, принесенную в церкви шестнадцатого века в присутствии отца Софи Макса, который и не думал делать тайны из своих измен. Джеймс поклялся быть лучше Макса ради жены и своих детей и двенадцать лет – до годовщины свадьбы не хватило всего одного месяца – оставался верен слову.

Но как-то в мае он допоздна засиделся в палате общин, работая над новым биллем о противодействии терроризму. После голосования он спешил по галерее к Порткаллис-Хаус: он был голоден и рассчитывал найти нормальное кафе. И тут навстречу ему попала Оливия – она шла забрать сумку из своего кабинета, проводя веселый вечер с друзьями. Она была немножко – и очаровательно – подшофе. Проходя мимо Джеймса, оступилась и налетела на него, схватившись за рукав его пиджака. С ее левой ноги слетела туфля на высоком каблуке, и она босиком наступила на холодную сланцевую плитку пола. Ножка в прозрачном чулке оказалась совсем рядом с его начищенными «Чёрч». Сквозь чулок просвечивали покрытые малиновым лаком ногти.

– Упс! Простите, Джеймс, – сказала Оливия и прикусила нижнюю губу, сдерживая смех. В офисе от нее было не добиться ничего, кроме официального «Да, министр», хотя он знал, что за глаза подчиненные называют его Джеймсом, и призывал всех общаться по именам. Оливия не

торопилась убирать руку с его рукава, хотя уже выпрямилась и сунула ногу в туфлю, и Джеймс неожиданно для себя обнаружил, что поддерживает ее под локоть.

– Вы в порядке? Может быть, вызвать вам такси? – Он повел ее к колоколу в Нью-Пэлас-Ярд, обеспокоенный и заботливый: ведь рядом с ним молодая женщина, слегка перебравшая коллега, которую нужно доставить домой.

Оливия остановилась и посмотрела на него снизу вверх, освещенная лунным светом, вдруг став совсем трезвой и чуть-чуть лукавой.

– Я бы выпила еще бокал.

Так все и началось – росток их романа проклюнулся тем благоуханным весенним вечером под темно-синим небом. Джеймс ограничился одним пивом, Оливия заказала джин с тоником. Они сидели за уличным столиком бара «Террас», рядом с Темзой. Джеймс смотрел в темно-серую речную глубину, глядя, как отражаются в водной ряби огни больницы Святого Фомы – там появилась на свет его дочь. Он сознавал, что переступает через свои принципы и рискует всем, что делало его добропорядочным человеком, примером для своих детей, – но ему было почти все равно.

В тот вечер они даже не поцеловались: вокруг были люди, да и Джеймс еще уверял себя, что устоит перед неизбежным. Все случилось неделей позже – после семи дней самой мучительной и восхитительной прелюдии в его жизни. Он извинился, что все произошло так быстро: ему хотелось поглотить ее (так ему казалось) быстро и без остатка. Оливия улыбнулась ленивой улыбкой:

– Будут и другие возможности.

– Как сейчас?

– Как сейчас.

Интрижка продолжалась – бурно, когда была возможность, но с перерывами на время парламентских каникул: на неделю в Саут-Хэмсе, недалеко от дома матери Софи, и две недели на Корсике, где Джеймс учил детей плавать на яхте и еженощно занимался любовью с женой. Роман с Оливией казался ему безумием, которое можно и нужно закончить, как только возобновятся парламентские сессии.

Вернувшись, он попытался дистанцироваться и после партийного совещания сказал Оливии, что все кончено. Он зашел к ней в кабинет, надеясь, что там она не устроит сцену и все ограничится деловым, можно сказать, профессиональным разговором. Спасибо, было мило, но им обоим

понятно, что дальше так продолжаться не может.

Ее глаза повлажнели, реплики стали отрывистыми – такую реакцию Джеймс знал очень хорошо, и она его не тронула. Так реагировали все брошенные подружки и – в редких случаях, когда он ее огорчал, – его мать Таппенс.

– Так что, останемся друзьями? – спросил он, только чтобы услышать ее «да».

– Ну конечно. – Оливия весело улыбнулась, приподняв подбородок. Голос ее звучал задорно и смело, но все же дрогнул, подпортив впечатление. – Добрыми друзьями.

Так бы оно, может, и вышло, если бы он не сделал ошибку и не поддался искушению в последний раз. Джеймс придвинулся к Софи и обнял ее, не желая думать о том, что произошло в лифте. Не самое романтическое место, но в их с Оливией отношениях вообще было мало романтики: это Джеймс понимал и без «Мейл».

Видимо, тот эпизод и стал для Оливии последней каплей – не сам секс, а последующее поведение Джеймса. Следует признать, он держался несколько надменно, но ведь для него это была всего лишь разрядка. Быстрый и бурный секс отнюдь не означал, как наверняка надеялась Оливия, что они снова вместе.

– Спасибо, это именно то, что мне было нужно. – Поддавшись эйфории, Джеймс вдруг заговорил как пошляк – теперь он это понимал.

– Это как понимать?..

– Что? – Лифт остановился на нужном этаже, двери разъехались. Джеймс вышел в узкий коридор и открыл дверь, ведущую к комнате комиссии. Его мысли были заняты предстоящей повесткой дня, и ему было неинтересно, что скажет Оливия.

В ее глазах была боль, но нянчиться с ней ему было некогда. Они должны представить комиссии необходимые доказательства, заседание вот-вот начнется – у него попросту не было времени.

Может, если бы он ее поцеловал, погладил по волосам, простился более деликатно – словом, не был бы таким хамом, Оливия бы не обратилась в газеты. Но он просто повернулся и пошел по своим делам, оставив ее слегка растрепанной и с затяжками на колготках. Оставил смотреть ему вслед.

Софи пошевелилась и перевернулась на другой бок, к нему лицом, спугнув неуютные воспоминания. Ощущая знакомое тепло ее тела, Джеймс затаил дыхание, боясь, что она отодвинется. Он осторожно положил руку

между ее лопаток и повел по спине, прижимая ее бедра к себе.

Софи открыла глаза – яркие и невероятно синие, будто удивляясь этой близости. Конечно, все девять дней она старалась держаться от мужа как можно дальше.

– Здравствуй, родная. – Джеймс решился легонько поцеловать ее в лоб.

Софи отвернулась, сдвинув брови до глубокой вертикальной морщины на переносице, будто решая, считать его смелость чрезмерной или нет.

– О'кей? – Джеймс подался к жене и поцеловал ее в губы.

– Не надо. – Она недовольно повела плечами, но не отодвинулась.

– Соф, но так не может продолжаться...

– Неужели? – Она взглянула на него, и в ее глазах Джеймс прочел боль, обиду, но и нечто обнадеживающее – смесь бессилия и надежды, намека на то, что и Софи устала от своей холодной сдержанности.

Джеймс убрал руку, освобождая жену из своих объятий, и отодвинулся, пристально глядя на нее. Между ними был примерно фут. Он протянул руку и нежно провел ладонью по ее мягкой щеке. Секунду Софи колебалась, но тут же чуть повернула лицо к руке мужа и, словно бы по привычке, которой она не в силах противиться, слегка поцеловала эту ладонь. Ее веки сомкнулись, будто Софи понимала, что, уступая, проявляет слабость.

Он привлек ее к себе и прижал к груди, пытаясь передать силой своих объятий, как много она для него значит. Плечи жены, казавшиеся такими напряженными последние девять дней, оставались скованными, но дыхание участилось – казалось, она старалась расслабиться, словно сама отчаянно этого хотела.

– В сегодняшних газетах ничего. Похоже, все позади, – сказал он, чуть отодвинувшись и целуя Софи в голову.

– Не говори так, не ищущай судьбу...

– Крис ни полслова не слышал за все выходные. И сегодня ничего, – отмел ее суеверные опасения Джеймс. – Думаю, все закончилось.

– Надо послушать «Сегодня». – Софи перевернулась на другой бок.

В половине седьмого радиочасы автоматически включались на новости: ожидаемое снижение процентной ставки, британская медсестра, заболевшая вирусом Эбола, очередная бомбардировка Сирии...

Они молча слушали.

– Ничего, – заключил Джеймс.

Глаза Софи наполнились слезами, как две огромные опрокинутые чаши. Вытерев глаза, она вдруг громко шмыгнула носом:

– Я так боялась...

– Чего? – удивился Джеймс.
– Ты знаешь чего... Вдруг газеты раскопают что-то о «либертенах»...
– П-ф! Вот уж это невозможно. – Он ненавидел те дни, не позволяя себе думать о них и желал, чтобы и жена забыла. – Моя совесть чиста. Я там ни при чем, ты же знаешь.

Софи не ответила.

– Соф? – Джеймс приподнял ее лицо за подбородок и заглянул в глаза, улыбаясь самой убедительной и сердечной улыбкой. – Клянусь тебе, я чист!

Некоторое время они просто лежали рядом: Софи в объятиях мужа, а Джеймс – уткнул подбородок в ее волосы.

– Ты была моей опорой.

– Чем же еще я могла быть?

– Нет-нет, ты была для меня всем. Ты имела полное право сердиться... но ты и дети дали мне силы это выдержать... – Джеймс покрывал ее лицо легкими поцелуями, как она любила. Софи не отвечала на ласку. – Я тебе так обязан, Софи...

Тогда она посмотрела на него, и сквозь слой недоверия, выросший за последнюю неделю, проступил облик девушки, в которую Джеймс когда-то влюбился.

– Если я останусь с тобой – если мы вообще решим попытаться остаться вместе, – тогда мне нужно знать, что с этим действительно покончено.

– Мы ведь уже говорили об этом, – вздохнул Джеймс. – Господи, вряд ли я захочу снова увидеть эту женщину! – Он резко, коротко засмеялся. Вырвавшийся смех походил на лай. – Да мы и не пересечемся. Сейчас она на больничном, а потом ее переведут в другой офис, если она вообще вернется на работу. Мне не придется с ней общаться.

– Мне нужно знать, что это не повторится. Такого унижения я снова не вынесу. – Софи, передернувшись, отодвинулась от мужа, села на постели и обхватила руками колени. – Я не такая, как моя мать. Мы же договорились, что не станем, как они... как мои родители, – с упреком сказала она. – Когда мы женились, ты мне обещал!

– Я знаю, знаю. – Джеймс потупился, сознавая необходимость пока поиграть в раскаяние. – Что мне сказать, чтобы ты мне поверила? Как тебя убедить? Я – мы все – уже заплатили высокую цену за мой проступок. Я больше в жизни на такое не пойду. Ты – мой мир, – добавил он, садясь и обнимая жену за плечи. Софи не отстранилась, и Джеймс попытался другой рукой обнять ее за талию.

– Не надо, – сказала она, отодвигаясь на край кровати. – Пора будить

детей.

– Но ты мне веришь? – спросил Джеймс, глядя на нее особым взглядом, перед которым Софи никогда не могла устоять, – в широко раскрытых глазах точно отмеренная толика недоверия.

– Верю. – Софи прижалась к груди мужа и скупно, грустно улыбнулась, словно признавая свою слабость. – Дура я, вот и верю.

И тогда он ее поцеловал – по-настоящему, открытым ртом и даже с языком. Поцелуй получился сдержанным, хотя и был далек от целомудренного.

– Там все кончено, – сказал он, глядя жене в глаза и силясь внушить ей уверенность, которую сам отнюдь не ощущал. – Все будет хорошо.

Глава 5

Кейт

31 октября 2016 года

Развернув «Таймс» на чистой столешнице в своей кухне-столовой, я методично просматривала полосы. Затем настала очередь «Сан», «Миррор» и «Дейли мейл». Сплошные статьи о предотвращенном теракте на станции метро «Майл-Энд», главный сюжет недели – бомбардировка прибрежной полосы Египта, но ни слова о Джеймсе Уайтхаусе, «друге премьер-министра, которого застали со спущенными штанами», как на прошлой неделе выразилась «Сан», или о «любовнике из лифта». На всякий случай я пролистала таблоиды, тайком взятые из кабинета наших клерков.

Удивительно быстро улеглась эта шумиха, заваленная настоящими, шокирующими сенсациями. Гробовое молчание кажется странным. Тухлое дело, как сказала бы моя мать. Премьер выступил с заявлением в поддержку коллеги, сказав, что полностью ему доверяет, что это дело частное и вопрос уже решился. Раньше заместители министров, уличенные в занятии сексом с подчиненными, моментально отправлялись в отставку, так с какой стати такая лояльность на сей раз?

Меня всегда раздражал фаворитизм по отношению к бывшим соученикам, но заикливаться на этой теме у меня нет времени. Уже девять часов, и, как всегда по вечерам, у меня документов воз и маленькая тележка – кроме шуток, сумка на колесиках, жмущаяся к ногам, как верный пес. Я просматриваю записки по делу Блэквелла: завтра слушание в Саутуарке, и мне предстоит выступать на стороне обвинения. Судят насильника-рецидивиста, который в марте в два часа ночи изнасиловал одиннадцатилетнего мальчика. Чем оправдывается Блэквелл? Дескать, он всего-то приласкал несчастного, а полупарализованный мальчик, в которого он влил четыре банки сидра, – «лживое дерьмо». Очаровательная линия защиты.

Работа спорится, и вскоре, несмотря на цинизм доказательств и неизбежную эмоциональную травму для ребенка, на душе становится чуть легче: Грэм Блэквелл, пятидесятипятилетний толстяк (сто шестьдесят килограммов), не понравится присяжным. Если не случится ничего из ряда вон, я, скорее всего, выиграю. После Блэквелла берусь за дело Батлера – изнасилование гражданской жены. Здесь придется потрудиться. Строчки

плывут перед глазами, и я вдруг понимаю, отчего расплываются буквы: у меня выступили слезы, я чувствую, как они повисли на нижних ресницах. Вытираю глаза костяшками пальцев. Господи, как же я устала... На часах без двадцати одиннадцать – для меня относительно рано.

Потягиваюсь, пытаюсь взбодриться, но не столько гудящая усталость во всем теле (я исходила сегодня весь юго-восточный округ) или умственное переутомление от выявления всех юридических лазеек, сколько эмоциональное изнурение накрывает меня, как бархатный полог безлунной ночи. Здесь, в моей тихой, почти необитаемой квартире я страшно устаю от людской жестокости, особенно когда она направлена против женщин и детей. Я устала от обыденности сексуального насилия или, как мог бы выразиться Грэм Блэквелл, от неспособности послать все это к чертям собачьим.

Надо встряхнуться. Впадать в тоску для меня непозволительная роскошь. Моя работа – обличать этих ублюдков, использовать мою немалую силу убеждения, чтобы упрятать их в тюрьму. Я собрала папки, плеснула виски, нашла в морозилке кубики льда (я не забываю заморозить лед, хотя могу забыть, например, купить молоко) и поставила будильник на полшестого. В квартире холодно – барахлит центральное отопление, а у меня нет времени вызвать мастера, – поэтому я налила горячую ванну в надежде согреться и расслабить сведенные от напряжения плечи. Вода примет меня в свои ласковые объятия...

Я медленно опускаюсь в воду, от которой поднимается пар: почти кипятки, но облегчение наступает мгновенно. Меня никто не касался с прошлого месяца после короткого, не принесшего удовлетворения вечера с Ричардом. При виде собственной наготы я отчего-то ощущаю незащищенность. Надо же, какими тощими стали бедра! Ягодицы выпирают, как крошечные островки, живот впалый, груди маленькие – с каждым десятилетием я теряю один размер чашки лифчика. Лицо, может, и стало лучше – высокие скулы, выгнутые брови, а нос, который я когда-то ненавидела, уже не курносый, а прямой и маленький – мой подарок себе на тридцатилетие, самое красноречивое свидетельство моего преображения и успеха, – но тело скорее сухопарое, чем стройное. Во мне растет жалость к себе, когда я, вспоминая молодую Кейт, гляжу на свою стареющую, сидящую оболочку, ломкую и сморщенную, как буковые листья, которые хрустят под ногами по дороге от метро к моей квартире в этом перестроенном особняке. Я – иссохший лист.

Ох, ради бога, думай о другом! Мозг перебирает новости, как карточки в картотеке: египетское побережье, надоевший туман, прибытие сирийских

беженцев еще до Рождества – и опять Джеймс Уайтхаус со своей крепкой дружбой с Томом Саузерном. Друзья с тридцатилетним стажем – достаточно долгий срок, чтобы обзавестись тайнами, разделить и хранить их. Интересно, таблоидные писаки еще кружат вокруг них, мечтая рассказать о сословности и коррупции, откопав на этот раз действительно пикантный сюжет?

Взять хоть ту нашумевшую фотографию, появившуюся сразу после избрания Саузерна на первый срок в 2010 году. Они с Уайтхаусом на ступенях лучшего оксфордского колледжа, одетые в форму своего элитного обеденного клуба «Либертены»: темно-синие сюртуки, бордовые бархатные жилеты и кремовые шелковые галстуки, пионами цветущие у холеных молодых лиц. Фотографию сразу изъяли из печати – новостные издания больше не имеют права ее использовать, но образ самодовольных мажоров остался. Я так и вижу их гладкие улыбающиеся лица, лица юнцов, шагающих по жизни по бархатной дорожке: Итон, Оксфорд, парламент, правительство.

И мне сразу вспоминается ребенок, ставший жертвой рецидивиста-насильника Блэквелла: насколько же у него изначально иные шансы, как непоправимо сломана его жизнь. Нечаянно касаюсь воды уголком газеты, и она мгновенно промокает. Бессильно роняю на пол пропитанный влагой ком. Меня вдруг накрывает волна горечи и боли, настолько огромная, что остается либо сдаться, либо подавить эмоции. Съехав пониже, я ложусь в ванне, радуясь безразличию горячей воды, сомкнувшейся над моим лицом.

Глава 6

Джеймс

1 ноября 2016 года

Джеймс быстрым шагом шел через Порткаллис-Хаус, Нью-Пэлас-Ярд и Вестминстер-холл, стараясь не смотреть на туристов, глазевших на объемное каменное чрево с уникальным консольным сводом четырнадцатого века.

Броги звонко стучали по каменным плитам, унося его прочь от невообразимой смеси акцентов (чешского, немецкого, испанского и, по всей вероятности, китайского) и утрированно правильной артикуляции молодого гида – должно быть, недавнего выпускника факультета международной политики, заученно пересказывавшего стандартный текст про самый большой свод подобного типа и самую старую часть Вестминстерского дворца. Джеймс поежился в своем старомодном твидовом пиджаке.

Здесь, в принадлежащем палате общин Вестминстер-холле – промозглом, суровом, овеванном историей, – Джеймса до сих пор поражает солидность его должности: член парламента от избирательного округа Терлсдон, парламентский заместитель министра внутренних дел, член правительства ее величества... Самый большой зал во всем Вестминстере спасали от пожара в октябре 1834 года в ущерб другим строениям. Здесь нет и следа претенциозности – ни геральдических лилий искусной работы на плитах пола, ни мраморных статуй, ни броских настенных росписей. Здесь не найти ярких красок – ядовито-зеленого цвета палаты общин и киноварно-красного – палаты лордов. Ей-богу, можно подумать, что дворцовый оформитель интерьеров, закинувшись кислотой, основательно оттянулся с цветовой таблицей 40-х годов. Вестминстер-холл со своим подчеркнуто простым серым камнем и темно-коричневым дубом мрачен и суров. Оливер Кромвель был бы очень доволен.

Вот только здесь невыносимо холодно. Холод настоятельно диктует людям кутаться в меха, чтобы соответствовать средневековым традициям почтенного места. Бескомпромиссный холод смеется в лицо современности и напоминает Джеймсу Уайтхаусу, если тот когда-либо вздумает занестись, о его пока что ничтожной роли в истории. Джеймс обогнул двоих полицейских, гревшихся у вертикального радиатора в притворе часовни

Святого Стефана, и прошел в более теплый и уютный зал Святого Стефана с блестящими канделябрами, яркими витражами и настенными росписями, с внушительными статуями великих ораторов парламента, великолепных в своих длинных плащах с мраморными складками и при шпорах. Джеймс прошел мимо места, где когда-то был убит британский премьер-министр (единственный случай нападения на премьера в Британии), и едва увернулся от столкновения с ведром. Здесь все разваливается...

Никто на него, слава богу, не смотрел, и Джеймс пошел дальше через оживленное Центральное лобби, сердце Вестминстерского дворца. Депутат-лейборист, беседовавший с каким-то представителем электората, кивнул ему в знак приветствия – и недобро. Джеймс резко свернул влево и прошел мимо еще двоих полицейских в зону, куда простую публику не пускали, – в довольно узкий коридор, ведущий в лобби палаты общин и в саму палату.

Здесь ему было спокойнее. Сейчас, когда идет заседание, никакой кулуарный журналист не схватит его за шиворот, разве что он нарочно сунется в лобби, где им позволено находиться. Сегодня нет необходимости туда идти: проблемы внутренней политики на этой неделе не разбираются, нет дебатов, которые требовали бы присутствия лидеров оппозиции, нет вопросов к премьер-министру. Однако Джеймса будто что-то толкало появляться в общественных местах: он заходил в чайные комнаты, обедал в Порткаллисе, не пропускал заседаний. Он словно желал доказать себе и своим коллегам, что, как он уверял жену, все действительно кончено и забыто.

Конфиденциальная встреча с Томом на утренней тренировке показала, что Оливию и связанные с ней события можно считать вчерашним днем. Крис был взбешен, когда узнал об этой встрече, но Джеймс пробыл на Даунинг-стрит недолго и в четверть седьмого утра уже уехал.

Спустя сорок минут дружеского общения на гребном тренажере Джеймс готов был обнять своего старого друга.

– Спасибо, что не погнал в отставку, – сказал он в конце разговора, когда все «вернулось к истокам». Кожа его блестела от пота, со лба по лицу бежали капли.

Том, раздавшийся в талии после вступления в должность премьер-министра, сперва не смог ответить – так он запыхался.

– Ты для меня больше сделал, – выговорил он наконец.

Самый могущественный человек в стране бессильно повис на поручнях бегового тренажера, но, когда он выпрямился, его вид живо напомнил Джеймсу события более чем двадцатилетней давности. Тогда они

бежали по Крайст-Черч-Медоуз, с молодой силой толкая друг друга, радуясь, что закончились выпускные экзамены, – или испытывая страх и отчаяние. Джеймс не хотел этих воспоминаний, но Тома понесло:

– Признай, это самое меньшее, что я мог сделать. Пришла моя очередь за тебя поручиться.

Пока все шло неплохо. Джеймс поймал парочку колкостей от ханжей-лейбористов, растолстевших северян, которые, должно быть, не занимались сексом с самого миллениума, сварливые лейбористки обдавали его презрением, но многие члены парламента были на его стороне и кивали в знак поддержки. Были и достаточно добрые замечания, в особенности от опытных политиков – бывших министров, помнивших Алана Кларка, Сесила Паркинсона, Тима Йео, Стива Норриса и Дэвида Меллора, не говоря уже о Стивене Миллигане, задохнувшемся во время сексуальных игр, когда его связали колготками. Никто не делал вид, что нынешний состав правительства «возвращается к истокам», никому не было дела до чужой моральной чистоплотности или ее отсутствия. Возникло некоторое беспокойство по поводу его смелого флирта с подчиненной, но стратегия Криса Кларка сработала безукоризненно. Интуиция Джеймса – а инстинкты у него работали отменно – подсказывала, что эта «шалость», возможно, занесена в апокрифический кондуит «главного кнута» или удостоится пары абзацев в будущих политических мемуарах, но что касается перспектив его политической карьеры, под интрижкой с Оливией уже подведена черта.

Облегчение было невероятным. Джеймс остановился у дубовых ячеек для корреспонденции. Казалось бы, анахронизм в эпоху мобильных телефонов, поминутно вибрирующих от сообщений и имейлов, однако и ячейками активно пользуются. Дверца освещена, то есть его ждет сообщение – записка, неожиданно снисходительная, от Малколма Твейтса. Джеймс посмотрел на вход в палату общин. Стоявший у дверей главный швейцар – еще один анахронизм в черном сюртуке и жилете – поприветствовал его сдержанным, но вежливым кивком. В вестибюле было тихо, и Джеймс постоял здесь, глядя на бронзового Черчилля, который уперся руками в бока и набычился, как профессиональный боксер. У другой стены миссис Тэтчер с поднятой правой рукой и отставленным указательным пальцем словно вещала с трибуны палаты общин. Джеймс был консерватором нового толка, однако ему хотелось заразиться их непоколебимой верой в себя, вернуть себе привычное нахальство. Он кивнул Железной Леди, повернулся и улыбнулся швейцару самой обаятельной улыбкой.

Все будет хорошо. Проходя мимо арки палаты общин, он взглянул на красноватые пятна – следы пламени: здание сильно пострадало от немецких бомбардировок. Крыша обрушилась, однако если не знать, то никогда не скажешь: все отстроили заново. Вот так же восстановится и его карьера, расстроенная, но избежавшая фатальных разрушений. Главное теперь – помимо того, чтобы быть дружелюбнее со скучными коллегами, – это хоть как-то проявить себя на ближайшем брифинге. Работа, конечно, неблагодарная, хотя Том знает, что он, Джеймс, еще может блеснуть. А сейчас пора возвращаться в офис. Он зашагал по коридору, покинув святая святых, это быющее сердце палаты общин.

Джеймс прошел через лобби палаты лордов – толстые красные ковры и обшитые панелями стены, украшенные васильковыми с золотым листком гербами министра юстиции и генерального прокурора. Пожилой пэр, ковылявший в копировальную, кивнул Джеймсу. Никто не разговаривал – молчание царило, как в монастыре траппистов, хотя высокую викторианскую готику аскетической не назовешь. Джеймс предпочитал эту роскошь и кулуарность сверкающей открытости Порткаллиса, современного здания парламента с огромным атриумом, обсаженным фиговыми деревьями. Хотя достопамятному совещанию комиссии лучше было бы состояться как раз в Порткаллис-Хаус – там у лифтов стеклянные двери...

Джеймс прогнал эту мысль и пошел короткой дорогой: спустился по винтовой лестнице, поплутал в лабиринте кабинетов административных служащих и вышел во двор у дальнего угла здания, обшитого пластиком и огороженного лесами, возле входа для герольдмейстера с черным жезлом. Яркое светило осеннее солнце, позади сверкала Темза, напоминая Джеймсу о золотых деньках в Оксфорде. Он давно отгородился от не столь золотых воспоминаний той поры, но вот надо было утром Тому вылезти со своим задушевым: «Признай, это самое меньшее, что я мог сделать. Пришла моя очередь за тебя поручиться».

– Мистер Уайтхаус?

Незнакомый голос вывел его из задумчивости, как раз когда Джеймс собирался вернуться к себе в офис по Миллбанк. К нему направлялся немолодой мужчина в сопровождении женщины лет тридцати.

– Чем могу помочь? Может быть, вам лучше записаться на прием? – Джеймс покосился на здание палаты общин с полицейской охраной и секьюрити. Не то чтобы он боялся встреч с избирателями, но предпочитал не рисковать, тем более что человек шел к нему с ухмылкой ненормального.

– Надеемся, вы все-таки уделите нам время, – сказал он, подходя ближе.

Женщина, совсем не безобразная, как машинально отметил Джеймс, хотя плохо сидящий брючный костюм и негустые стриженные волосы ее не украшали, держалась на шаг сзади.

– Как прикажете это понимать? – Джеймс напрягся, но мужчина достал из бумажника удостоверение офицера столичной полиции, и улыбка Джеймса превратилась в застывший оскал.

– Детектив сержант Уиллис, а это моя коллега, детектив констебль Райдон. Мы вас разыскиваем, мистер Уайтхаус, но в вашем офисе никто не знает, куда вы подевались. – Уиллис говорил с веселой улыбкой, но смотрел в упор. От обилия резких гортанно-взрывных звуков речь его звучала жестко.

– Я выключил телефон. Понимаю, это серьезное преступление. – Джеймсу хотелось вызвать у детективов улыбку, но они остались невозмутимыми. – Я иногда так делаю в обеденное время, чтобы спокойно подумать. – Он снова улыбнулся и протянул руку.

У детектива на секунду сделался такой вид, будто с ним нечасто здороваются за руку, и отвечать на рукопожатие он не стал.

Джеймс притворился, что не заметил заминки, и непринужденно повел рукой вокруг.

– Может, продолжим разговор где-нибудь в министерстве? Я как раз туда шел.

– Да, пожалуй, для вас так лучше, – согласился Уиллис.

Его подчиненная, стройная, с тонкими чертами лица, кивнула со скрытой враждебностью. Джеймс, все еще отчего-то думая, как же вызвать у нее улыбку, лихорадочно решал, где незаметнее переговорить с полицейскими.

– Может, вы мне скажете, о чем у нас пойдет речь? – спросил он, стараясь дышать как можно ровнее.

– Об Оливии Литтон, – ответил сержант Уиллис, не сводя глаз с Джеймса Уайтхауса. Он расправил плечи, неожиданно широкие для его худощавой фигуры, и вдруг показался внушительнее: – Мы зададим вам несколько вопросов в связи с обвинением в изнасиловании.

Глава 7

Кейт

9 декабря 2016 года

Вечер пятницы. В приподнятом настроении я шла в гости к старой подруге. Эли живет в эдвардианском, с эркерами, доме на маленькой улочке в западной части Лондона. Прошла неделя с того дня, как Брайан вручил мне первые документы по делу Уайтхауса, и я до сих пор вне себя от волнения при мысли о том, что это дело будет слушаться в суде.

– О-о-о, какая ты возбужденная! Рождество? Или дело выиграла? – Эли поцеловала меня в щеку, принимая бутылку охлажденного просекко и букет цветов.

– Нет, только что поручили интересное дело, – объяснила я, идя за ней по коридору мимо целого леса пальто. Ноздри защекотал запах лазаньи – лук, чеснок, мясо со сладкой корочкой, – распространявшийся из тесной кухоньки в глубине дома.

Жизнь вокруг была ключом: старший ребенок шарил в буфете («А если я кушать хочу?»), вторая громко и без интереса играла на пианино, спотыкаясь на одном и том же пассаже, но и не думая его отрабатывать, и только младший, семилетний Джоэль, мой крестник, сидел тихо, занятый «Лего», который я принесла в надежде обеспечить часок спокойной беседы с его мамой. Однако уже через пятнадцать минут Джоэль почти закончил собирать конструктор – видимо, я выбрала слишком легкую модель.

Отодвинув вчерашнюю «Гардиан», Эли поставила передо мной чашку чая. У нее очень много дел, впрочем, как и всегда: четыре дня в неделю ведет уроки в школе, растит троих детей от семи до тринадцати лет и заботится о муже, Эде. Вот уж кому не приходится подчеркивать свою занятость, и это меня отчего-то обижает, будто жизнь Эли более насыщенная, чем моя. Материнство, брак и работа – пусть и не такая высокооплачиваемая, как моя, – отнимают у Эли столько сил, что к пятнице она, пожалуй, меньше всего расположена слушать о моих победах и тем более о моих проблемах. Видеть меня подруга, конечно, рада, но легко обошлась бы и без нашей встречи в конце долгой недели.

Вслух Эли этого, конечно, не скажет и не подаст виду, но я замечаю взгляд, брошенный на мою новую сумку – большую, из прекрасной твердой кожи, угадываю крайнюю усталость, тенью лежащую на лице подруги и

просачивающуюся наружу, когда Эли наконец присаживается к столу, шумно выдохнув – будто мячик спустили, – и, поморщившись, быстрыми, резкими движениями собирает волосы в хвост. Хроническую усталость выдают даже волосы – пронизанные седыми нитями светло-каштановые пряди, у которых давно пора подкрасить корни. На лбу между невыщипанными бровями залегли две глубокие морщины.

– Красивые очки. Новые? – спросила я, стараясь сделать ей приятное.

– Эти? – Эли сдернула очки, посмотрела на них будто впервые – одна из дужек погнута, стекла мутные – резко надела их на нос и посмотрела на меня с иронией и вызовом: – Им сто лет!

– Ты же ненавидела очки?

С подросткового возраста и до тридцати с лишним лет Эли носила только контактные линзы, считая очень гламурным надевать их без зеркала, балансируя крошечным прозрачным диском на кончике указательного пальца.

– Да? – Эли улыбнулась. – Очки дешевле, да и проще с ними... – Она пожала плечами, не желая озвучивать очевидное: у нее нет времени на себя, она уже и не помнит, что когда-то привлекала взгляды – стройная, светловолосая, уверенная в себе, в отличие от меня, скромной толстушки. Галерея образов прежних Кейт и Эли в разных физических воплощениях, наслаивающихся друг на друга, промелькнула передо мной, как сменные платица на бумажных куклах.

– Ну что, как поживаешь? – Эли задрала очки на макушку и отодвинула оказавшиеся на столе детальки «Лего».

Мне показалось, что на самом деле ответ ей неинтересен: Эли прислушивалась к шипению лазаньи в духовке, думала о школьной форме, ворохом лежавшей на полу у стиральной машины, и о том, чтобы переложить первую, выстиранную партию в сушилку, с тяжелой размеренностью вращавшуюся глухими толчками.

– Я сказала – без перекусов! – Вскочив, Эли захлопнула дверцу нижнего шкафчика, где потихоньку шарил старший из ее сыновей, вечно голодный десятилетний Олли. – Через десять минут будем ужинать!

– Но я есть хочу! – топнул ногой мальчишка и выбежал из кухни – в нем явно играл тестостерон.

– Извини, – улыбнулась Эли и снова присела. – Здесь нормально не поговоришь.

Тут же в кухню расслабленной походкой вошла Пиппа, старшая, и, гибкая, как кошка, облокотилась о спинку моего стула.

– А о чем вы говорите?

– Выйди отсюда. Все марш в комнату! – раздраженно повысила голос Эли. – Дадите вы мне спокойно поговорить с подругой десять минут!

– Но, мама... – запротестовал ошеломленный Джоэль, когда его бесцеремонно выставили из кухни.

Его старшая сестра выпрямилась и вышла, нарочно виляя бедрами как модель. Я проводила взглядом эту девушку-ребенка, невольно восхищаясь ее расцветающей красотой и страшась того, что может готовить ей будущее.

– Так-то лучше. – Эли отпила чая и удовлетворенно вздохнула.

Интересно, почему мы не пьем просекко? Сегодня же пятница. В свое время мы бы уже три четверти бутылки уговорили. Но Эли убрала вино в холодильник. Я отпила чая – слишком крепкий, Эли никогда не умела заваривать, как я люблю, – дотянулась до огромного пакета молока у раковины и разбавила чай молоком.

– Так что ты говорила о новом деле?

Стало быть, ей все-таки интересно? У меня даже улучшилось настроение, но в душе тут же шевельнулось дурное предчувствие.

– Дело обещает стать громким. Изнасилование. Фигурант – весьма высокопоставленное лицо.

– Ну-ка, ну-ка?

Я замялась. Меня так и подмывало чуть-чуть приоткрыть завесу – не углубляться в подробности, а просто назвать имя.

– Я не имею права об этом говорить. – Я подавила искушение посекретничать.

На лице Эли появилось выражение: «А, ну-ну, раз тебе так больше нравится». Она еле слышно огорченно выдохнула. Между нами стремительно росло отчуждение, мы не успели побыть, как раньше, лучшими подругами и сплетницами.

– Джеймс Уайтхаус, – нарушила я собственные правила, торопясь вернуть дружескую близость. К тому же мне хотелось посмотреть на реакцию Эли.

Голубые глаза подруги полезли из орбит. В эту секунду все ее внимание принадлежало мне – Эли забыла обо всем на свете.

– Министр?!

Я кивнула.

– И ты будешь поддерживать обвинение?

– Да. – Я округлила глаза. Самой до сих пор не верится.

Эли длинно выдохнула. Я приготовилась к неизбежным вопросам.

– Думаешь, он виновен?

– Королевская уголовная прокуратура считает, что существуют веские основания для возбуждения дела.

– Это не одно и то же. – Эли покачала головой.

Сморщив нос, я выдала стандартный ответ:

– Он утверждает, что невиновен, но, по мнению прокуратуры, доказательств для обвинительного вердикта достаточно, и я приложу все усилия, чтобы убедить в этом присяжных.

Эли резко встала, рывком открыла ящик и начала набирать шесть ножей и шесть вилок. Бутылочки для масла и уксуса она держала в другой руке, как пару маракасов. Обернувшись, она задвинула ящик бедром.

Может, ей неприятен мой юридический жаргон и манера вещать, как в суде? Но мне трудно, обсуждая дело, переключиться на разговорный язык, как трудно и оставить мою юридическую въедливость и привычку к перекрестному допросу, когда я начинаю что-то доказывать. Эли явно не в духе – она упорно избегает моего взгляда, поджимает губы, будто сдерживается, чтобы промолчать. Но подруга скорее о чем-то задумалась, чем злится.

– Я в это не верю. Да, я слышала о его интрижке, но считаю его порядочным человеком. Он хорошо справляется со своими обязанностями, лично посещает мусульманские общины и не относится ко всем мусульманам предвзято. К тому же он такой душка...

– Душка?!

Эли, смутившись, пожала плечами.

– Ну этого тори я бы не выгнала из постели.

Вот это поворот, подумала я.

– Он же совсем не твой тип!

Уайтхаус совершенно не похож на Эда, с которым Эли вместе чуть не с двадцати лет: сейчас ее муж превратился в солидного, лысеющего директора школы.

– Я считаю Уайтхауса красавцем, – откровенно сказала Эли, и я увидела, как нелегкое бремя, которое она тащит по жизни – обязанности жены, матери, учительницы начальных классов, – разом спало с ее плеч после этого неожиданного признания. На мгновение нам снова стало по восемнадцать: мы собираемся на студенческую вечеринку, болтая, кто из парней нам нравится.

Пожав плечами, я начала освобождать стол. От реакции Эли мне стало неуютно. Вот с чем предстоит столкнуться в суде: подсудимый склонит на свою сторону всех женщин-присяжных, да и некоторых мужчин, потому что такая внешность никого не оттолкнет. Точный подбородок, красиво

очерченные скулы, зеленые глаза, высокий рост – и харизма, это редкое свойство, выделяющее Уайтхауса из общей массы. Полный набор качеств лидера. Прибавьте к этому обаяние, отпущенное ему в избытке, легкое, подкупающее обаяние, отличающее выпускников Итона. В таком обаянии окружающим чудится искренний интерес и равнодушие. Перед этим трудно устоять – Оливия Литтон в этом уже убедилась. Я не сомневаюсь, что если посадить Уайтхауса на скамью подсудимых, а там он неизбежно и окажется, то он немедленно пустит в ход все свое обаяние как главный козырь.

– Что, несолидно с моей стороны очаровываться его внешностью, да?

– Да нет, при чем тут несолидно... Боюсь, это естественная реакция. От присяжных следует ожидать того же самого.

– Я все думаю о его бедняжке жене и детях – он же семейный человек! Наверное, поэтому мне трудно поверить в...

– О Эли, большинство насильников были знакомы своим жертвам. Это не негодяи с ножами, которые рыщут в темных переулках.

– Знаю. Тебе известно, что это я хорошо знаю. – Эли начала со стуком раскладывать на столе ножи и вилки.

– Ты мне еще расскажи, что не веришь в изнасилование в браке! – засмеялась я, желая скрыть огорчение и разочарование тем, что подруга верит в порядочность Уайтхауса.

– Ты несправедлива, Кейт. Так говорить нечестно.

В тесной кухне вдруг повеяло холодом. Эли стояла вся красная и потемневшими глазами смотрела на меня в упор. До меня вдруг дошло, что она не на шутку разозлилась.

– Я не хотела... умничать, – пошла я на попятный, чувствуя, как расширяется невидимая пропасть.

Трещина в наших отношениях появилась, когда я получила диплом с отличием, а Эли окончила колледж на слабые тройки, и расширилась после того, как она пошла работать в школу, а я – в адвокатуру. Подруга долго дулась на мое якобы интеллектуальное превосходство, однако иногда ее прорывало, и она тоже разражалась страстной речью о феминизме или гендерной политике, четко аргументируя свою порой весьма жесткую позицию. Неужели ее настолько изменил брак, материнство или просто возраст, сделав консервативной, не желающей верить, что мужчина приятной внешности – да что там, настоящий красавец – и к тому же представитель высшего общества способен на такое ужасное преступление? Все мы с годами смягчаемся, охотнее идем на компромиссы, меняем свое мнение, становимся не столь агрессивными, только вот я –

исключение, особенно когда речь идет об изнасиловании.

Мне было обидно, но вымещать обиду на Эли было бы несправедливо. Это дело – и вполне вероятная перспектива того, что Джеймс Уайтхаус избежит наказания, – подействовало на меня неожиданно сильно. Несмотря на клокочущую в душе ярость, я умею эмоционально отстраняться. В редких случаях, когда я проигрываю дело, мне не дает покоя не только собственное поражение, но и последствия такого вердикта для истиц – женщин, чья манера одеваться, отношение к алкоголю и половое поведение изучались в суде чуть ли не под лупой, будто мы были какие-то озабоченные читатели таблоидов, но чей рассказ в итоге не получил доверия.

Обычно я легко оправляюсь после поражений: утренние пробежки, неразбавленный джин. Еще хорошо помогает, когда так загрузишь себя работой, что не остается времени на жалость к себе. Я представила доказательства, жюри приняло решение – все, живем дальше. Так я всегда себе говорю и обычно верю.

Но на этот раз меня задело за живое. И шансов у нас мало: обвиняемый и жертва состояли в отношениях, совсем как Тед Батлер и Стейси Гиббонс. Правда, семейного у Уайтхауса с Литтон было маловато, интрижка в основном проходила на работе – в лифтах, на офисных столах, за бутылкой «Вдовы Клико» в гостиницах и у Оливии дома. Некоторые показания позволяют предположить у Уайтхауса тягу к насилию, кроющуюся под обаятельной наружностью. Напрашивается вывод, что он со своим полнейшим пренебрежением к чувствам любовницы и обостренным ощущением собственных прав – обычный социопат.

Я не могу говорить об этом с Эли, не имею права раскрывать ей содержание показаний Оливии, детали случившегося. И дело не в профессиональной этике или в недоверии к подруге – мне претит расписываться в собственном бессилии: судебный процесс над этим высокопоставленным, харизматичным, пользующимся доверием человеком выиграть почти невозможно. Или мне не по себе оттого, что я теряю объективность, в которой никто никогда не мог усомниться?

– Давай не будем ссориться. – Моя замечательная подруга протянула мне бокал вина.

Предложение мира я приняла с благодарностью.

– Иди сюда. – Она раскрыла объятия с почти материнской нежностью.

Я порывисто обняла Эли, почувствовав исходящее от нее тепло и все ее маленькое мягкое тело, прижатое к моему, высокому и сухопарому.

– Не знаю, справлюсь я или нет, – призналась я Эли в макушку.

- Не говори ерунды.
- Вряд ли я добьюсь обвинительного вердикта. – Я отодвинулась, стыдясь своего признания.
- Ну это решать присяжным, ты же так всегда говоришь?
- Да. – От этой мысли мне стало совсем тоскливо.
- Это не дело, а настоящая головная боль. – Эли отпила вина. – У них была интрижка, и дамочка побежала в газеты, когда он дал ей отставку, выбрав все-таки свою жену и детей. Какая она тебе жертва? Она просто мстит!
- Это не значит, что она не была изнасилована, – ответила я сдавленным от злости голосом. Хорошо, что Эли не видела мои руки – кулаки сжались сами собой.

Глава 8

Холли

3 октября 1992 года

Холли будто попала на съемочную площадку или в детективный сериал «Морс» – такой вид открывался из сводчатых окон: золотой прямоугольник с ярко-синим небом и куполом библиотеки, как на буклетах колледжа и открытках с видами Оксфорда, которых она накупила, когда приезжала на собеседование. Камера Рэдклиффа, или Рэд-Кэм, как Холли, наверное, вскоре будет ее называть. Восемнадцатый век, культовое здание. Не столько «дремлющий шпиль»^[5], сколько солонка медового цвета. Библиотеку ежегодно фотографируют десятки тысяч туристов, а она сейчас видит ее из своего окна.

Ей даже не верилось, что она в своей комнате – даже в двух комнатах, потому что у нее «двушка»: просторная гостиная-кабинет, обшитая дубовыми панелями, с потертым кожаным диваном и огромным письменным столом с семью выдвижными ящиками, а за перегородкой – маленькая спальня с узкой кроватью.

– Вы вытянули счастливый жребий, – заметил портье, передавая ей тяжелый ключ с бородкой. Так оно и было: при жеребьевке комнат Холли достался четырнадцатый номер, что означало комнату в самой старой части колледжа, постройки шестнадцатого века, а не конуру в более новых зданиях в стиле викторианской готики или во флигеле постройки 70-х на другом конце кампуса. Темная, в пятнах, лестница постанывала под ее шагами, разворачиваясь вверх крутыми неровными ступенями. Холли отметила, как они стерты в середине от многовековых хождений студентов. Открыв тяжелую дубовую дверь, заскрипевшую совсем как в сказках братьев Гримм, девушка чуть не закричала от радости.

– Не как дома, а? – отвлек ее голос отца. Пит Берри разглядывал оконную раму с широким деревянным подоконником. – По-моему, сквозняки здесь те еще. – Он сунул руки поглубже в карманы и зазвенел ключами от машины, покачиваясь на носках.

– Да, дома по-другому. – Холли проигнорировала его критику, любуясь солнечными часами на стене напротив, где смешивались голубой, белый, золотой и царственно-алый цвета. Дома у нее было полкомнаты, и ее сторона выглядела спартанской по сравнению с половиной младшей

сестры Мэнди, заваленной косметикой «Риммель» и пластиковой бижутерией. А из окна виднелась бурая кирпичная стена соседнего дома, шиферная крыша и лес каминных труб, утыканных спутниковыми антеннами. И лоскут серого неба.

– Ну я, пожалуй, поеду. – Питу было неловко в этой обстановке – или в ее, Холли, присутствии.

Какой смысл играть роль заботливого отца, если шесть лет назад он исчез, бросив жену с двумя детьми? Он и сейчас приехал только потому, что у Холли набралось много багажа. Она уже пожалела, что не взяла с собой поменьше вещей: это позволило бы избежать необходимости поддерживать неловкую светскую беседу в «Ниссане-Микре», салон которой наполнял показное веселье Пита Берри – смесь гордости и плохо скрываемого раздражения и даже агрессивности.

Между ними стояли ее чемодан и рюкзак.

– Ну, пока, дочка. – Отец неловко шагнул к ней, раскрыв объятия. Холли стояла неподвижно. – Я тобой горжусь. – Пит Берри отодвинулся. – Ты, гляжу, в тупик не заедешь. – Работая автоинструктором, он часто так шутил.

– Нет, пожалуй. – Холли через силу улыбнулась.

– Будь умницей.

«Как ты?» – едва не съязвила Холли. Именно его донжуанство, маниакальная потребность соблазнять женщин, которых он учил водить, и удивительное везение в этом деле заставили его шесть лет назад бросить семью. Но Холли сдержалась.

– Постараюсь, – сказала она.

– Вот и хорошо. – Пит снова побренчал ключами в карманах, даже не предложив ей денег: у Холли полный грант на обучение, а у него с деньгами туго. А может, ему просто в голову не пришло. – Ну, я поехал.

Холли не предложила ему пообедать в каком-нибудь пабе или даже местном баре «Уимпи». Внизу ее ровесники выходили с родителями под осеннее солнышко – все в темно-синих блейзерах и красивых верблюжьих пальто с сияющими, отлично подстриженными, ухоженными волосами. Послышался взрыв звучного смеха: чей-то папа хохотал, откинув голову, обнимая за плечи сына. Какая-то мамаша, придерживая свою высокую светловолосую дочь за талию, вела ее к домику привратника мимо тележки, доверху нагруженной одинаковыми чемоданами. Эти семьи роднило неуловимое сходство: все высокие, стройные, хорошо одетые. Привилегированные. Казалось, юноши и девушки, приехавшие учиться в Оксфорд, чувствуют себя абсолютно непринужденно, их ничего не

удивляет, будто так и надо.

Мысль выйти во двор в сопровождении Пита Берри с его громким смехом, черной кожаной курткой и брюшком, свисающим на пояс джинсов, претила Холли. Весь облик ее отца диссонировал с окружающей обстановкой.

– Да, – произнесла она с пересохшим горлом, подсознательно медля отпускать нечто привычное и знакомое, хотя умом и рада была бы отбросить это и забыть. – Пожалуй, так будет лучше.

* * *

Когда отец уехал, Холли успокоилась – вернее, попыталась успокоиться. Она легла на кровать – еще незастеленную, этим она займется через минуту, – и уставилась в потолок, но тут же вскочила, не в силах оставаться на одном месте. Внутри все дрожало от волнения. Не решаясь выйти во двор, на солнце, она сказала себе, что пока сориентируется в корпусе, найдет туалет – второкурсница, водившая их по общежитию, сказала, что он наверху, – и посмотрит на соседей. Поднимаясь по лестнице, в обшитой панелями стене Холли увидела нишу, где помещались частично срезанный буфет и маленький холодильник. Холли заглянула внутрь. Молока нет, зато на проволочных подставках три бутылки с золотыми этикетками и толстыми пробками, прочно удерживаемыми проволочными намордниками. Холли, ни разу в жизни не державшая в руках такой бутылки, сразу догадалась, что это шампанское.

На верхней площадке открылась дверь, из нее высунулась голова с шапкой рыжих кудрей. Парень, скорее даже молодой мужчина, смотрел на Холли с ленивым благодушием.

– Тыришь мои запасы? – В его голосе слышалась солидность.

– Нет, что ты! – Холли смущенно выпрямилась, будто ее поймали с поличным.

– Нед Иддслей-Флайт. – Рыжий протянул руку.

Растерявшись, Холли поднялась по оставшимся ступеням и пожала ему руку.

– Политическая философия и политэкономия, третий курс. Ты где училась?

– В Ливерпуле, – удивленно ответила Холли.

Нед поднял бровь.

– Я имел в виду, в какой школе? – Он подождал ответа. – Я, например,

в Итоне.

Холли стало смешно: парень, должно быть, шутит.

– Да ладно? – сказала она и сразу возненавидела себя за то, что не нашлась с хлестким ответом, который поставил бы рыжего на место.

– А что такого? – хмыкнул он.

Он произносил слова иначе, не так как она с ее гортанной интонацией, подскакивавшей вверх на первом слоге. Холли вдруг поняла, что от привычной манеры речи придется избавляться. Изысканно растянутые гласные рыжего неслышным эхом заполнили паузу, пока Холли придумывала, что бы такое сказать.

– Неважно, – спас положение рыжий. – Как тебя зовут, дорогая соседка?

– Холли, – ответила девушка, внутренне готовясь к неизбежному. – Холли Берри^[6].

– Это шутка?

– Нет. – Холли привыкла к такой реакции. У нее всегда было наготове неловкое объяснение: – Я была зачата в Сочельник, ну и отец проявил чувство юмора. Своеобразное.

Улыбка рыжего стала шире, и он откинул голову назад, совсем как тот папаша во дворе корпуса. Может, Холли этого Неда и видела?

– Да, такое не забудешь. Холли Берри! А ты колючая?

– Бываю иногда. – Он что, не придумал ничего менее примитивного? У нее за плечами детство, полное насмешек, но сейчас язык точно прирос к глотке, не в силах парировать. У Холли запылали щеки и даже шея, а неловкая пауза все длилась, подчеркивая ее неотесанность. Нужно срочно что-то сказать, чтобы стереть усмешку с его лица.

Рыжий снова улыбнулся ленивой улыбкой человека, у ног которого лежит весь мир. А ведь он вовсе не был так уж хорош собой. Мэнди – младшая сестра была куда опытнее Холли – на него бы и не взглянула из-за рыжей растрепанной шевелюры. Ей нравилось, когда ее мужчины – она встречалась именно с мужчинами, а не с парнями, – выглядели аккуратно. Впрочем, Мэнди никогда и не подала бы заявления в Оксфорд. «Что я забыла в этом снобистском универе?» – прохаживалась она по выбору Холли, которую тоже считала снобом. Мэнди решила ехать в Манчестер и уже поступила на факультет бизнеса и предпринимательства в местный колледж, куда принимали с семнадцати лет. Изучать английский – «книжки читать» – пустая трата времени; куда лучше начать побыстрее зарабатывать или стажироваться по профессии, которая гарантированно принесет деньги в будущем.

Холли деньги не заботили. Она пошла на английскую литературу, потому что этот предмет давался ей лучше всего.

– Блестяще, – сказала учительница после экзамена на аттестат зрелости и рекомендовала матери Холли, чтобы девочка подавала заявление в Оксфорд. – Мои коллеги начинают понимать важность диверсификации в наборе студентов. Я считаю, что у Холли есть шанс, – заверила миссис Торогуд.

Холли попала в тот самый колледж, о котором мечтала: в рекламных буклетах он был самым красивым и находился ближе всего к центру кампуса и библиотекам. Холли сознавала, что процент первокурсников из рядовых школ будет незначительным, но ей и в голову не приходило, что она может встретить выпускника Итона! Об Итоне она, конечно, слышала, но очень абстрактно, примерно как о палате общин или Букингемском дворце. И вдруг она в одном общежитии с выпускником Итона! Холли вдруг захотелось компании попроще, как она сама. Хотя девушка и порывалась забыть свою прежнюю жизнь, на первый порох ей не обойтись без чего-то привычного.

– А по этой лестнице еще кто-нибудь живет? – спросила она.

* * *

Как выяснилось, Элисон Джессоп жила в другой части общежития, и специальность у нее была не английская литература, но Холли потянуло к ней, как железные опилки к магниту. Вначале ее внимание привлек смех Элисон: теплый, добродушный и неожиданно густой для такой миниатюрной миловидной девушки, откидывавшей назад волосы движением головы и лучезарно улыбавшейся в столовой парню, сидевшему через два ряда темных столов. Над Элисон висели тяжелые холсты в рамах – портреты знаменитых выпускников: архиепископ Кентерберийский, премьер-министр Великобритании, лауреат Нобелевской премии по литературе, актер, – а справа и слева от нее сидели серьезные мальчики (тоже с математического факультета, как позднее узнала Холли), бледные, прыщавые, с жидкими сальными волосами завсегда в библиотеках. Элисон, с ее гортанным смехом и неоноворозовой кофточкой под короткой черной мантией, казалась взрывом красок, оазисом гламура среди темных деревянных панелей сумрачного зала, освещенного мигающими светильниками.

Акцент у роженки Лидса у Элисон был менее заметен, чем у Холли, –

так, усредненный северный на слух соучеников-южан с их ленивой гнусавостью, резким «р» и звуком «эй», который они тянули тепло и снисходительно, а Холли и Элисон произносили коротко и плоско. Элисон окончила частную школу и могла бы стать в Оксфорде своей, но она намеренно подчеркивала свое северное происхождение, не считая его позорным клеймом, в отличие от Холли. «А где же тут пирог с подли-ивой?» – тянула она в очереди в столовой с утрированными интонациями любительницы голубей и набрасывалась на еду с такой решимостью, что невольно думалось: такая и на жизнь в Оксфорде набросится с тем же аппетитом.

Это должно было бесить – и бесило бы, будь Элисон синим чулком или коротко стриженной толстушкой, как Холли, но она была просто создана для коктейльных платьев. У Эли было ангельское личико сердечком, большие голубые глаза и чувственные, четко очерченные губы, в которых часто виднелась незажженная сигарета, а мягкая пачка лежала в заднем кармане.

Специальность Элисон тоже должна была намекать на занудство характера, но противоречия, из которых была соткана эта девушка – милое личико и дерзкий смех, скучный, сложный предмет и жизнерадостная натура, – интриговали и пленяли. Элисон тоже прониклась к Холли симпатией.

– Черт, ну вот я тебя и нашла, – заявила она в первый же вечер со страстностью, характерной для знакомств первой недели – альянсов, из которых многие не могут выпутаться весь семестр, а то и курс, и осушила стакан разбавленного сидром пива с черносмородиновым ликером. – Ну что, выпьем еще?

С Элисон Оксфорд начал казаться Холли терпимее – по крайней мере, по части общения: академическая сторона вообще не представляла для нее трудности. В первом семестре они изучали средневековую литературу и викторианских авторов, по одному в неделю: Харди, Элиот, Патер, сестры Бронте – Шарлотта и Эмили, Теннисон, Браунинг, Уайльд, Диккенс (на последнего отвели две недели, снизойдя к объему его творчества).

Прочесть книги, непонятно как ускользнувшие от всю жизнь жадно читавшей Холли, было несложно – они имелись в библиотеке. Так же легко оказалось и овладеть наукой писать сочинения, потому что Холли была организованной и дисциплинированной, много работала и устанавливала для себя реалистичный срок, когда садиться за еженедельное сочинение (в восемь вечера накануне коллоквиума, который шел первой парой на следующий день). Она занималась с не свойственными ее возрасту

ответственностью и зрелостью, появившимися у нее еще в школе, где ровесники ее игнорировали и книги стали единственным убежищем от непрекращающихся издевательств. Но стать своей в Оксфорде оказалось задачей куда более сложной.

Острота вопроса поубавилась с появлением Элисон, которую Холли побаивалась бы, не будь они землячками. Йоркшир и Мерсисайд, сливаясь в один сплошной непонятный «суро-о-овый» север, делали Элисон и Холли двумя белыми воронами в единообразной черной стае. Конечно, не только они выделялись из массы общительных южан – выпускников частных школ: на их потоке был и открытый гомосексуалист, который в конце первого курса уехал жить в Бристоль, и азиат с математического, выделявшийся по естественным причинам. Эти белые вороны держались особняком и не общались с теми, кто бегал из библиотек в бары, из баров в комнаты, с семинаров в столовую или во двор холодными лунными ночами. Они появлялись, чтобы похлопать глазами на экзаменах, но в остальном жили в параллельной вселенной – в компьютерном классе, где находили себе друзей из других университетов на интернет-форумах.

Холли и Элисон от них отличались. Во-первых, девушки в «мужском монастыре» автоматически вызывали к себе повышенный интерес. Во-вторых, они вовсе не были социально неадаптированными – во всяком случае, Эли. И вместе с эксцентричной, остроумной, горластой подругой Холли какое-то время удавалось участвовать в студенческой жизни, держась за фалды Элисон.

В конце первой недели, называемой отчего-то нулевой, шум из бара в подвале распространился по всему общежитию. Густой утробный мужской смех смешивался с визгливым и делано веселым хохотом девиц, пытавшихся вписаться в коллектив.

Конденсат буквально стекал по ступеням: в тесном зальчике дышали более восьмидесяти студентов. Холли проталкивалась сквозь толпу вслед за Элисон, когда ее нечаянно прижали к мокрой спине молодого человека. Футболка на нем промокла от пота, а ягодицы, обтянутые джинсами, показались горячими даже через одежду.

– Два «Змеиных укуса» с ликером, – сказала Эли бармену, небритому красавцу-третьекурснику. Запустив пальцы в вырез кофточки, она выудила из лифчика смятую банкноту в пять фунтов, а три фунта сдачи затолкала в карман джинсов.

Нижний слой коктейля оказался приторным и липким – к горлу Холли подкатывал противный комок, когда она пробиралась в плотной массе

пульсирующих тел. Общий разговор то стихал, то оживлялся и тогда усиливался до крика. В углу бара висел табачный дым, колечками вылетающий из рта Неда Иддслея-Флайта, приветствовавшего Холли ироническим кивком, и других одинаково одетых третьекурсников – рубашки с подвернутыми манжетами и приспущенные джинсы, над поясом которых виднеется резинка трусов от «Кельвин Кляйн». Волосатое запястье Неда было обвязано тесемкой.

Девушки протолкались в самый дальний угол бара, за бильярдный стол. Время было позднее, бар уже закрывался. Холли рвалась поработать в библиотеке, но Элисон, озадаченная поведением подруги («Незачем быть такой зубрилкой»), затащила ее сюда. В этом темном углу пили, наверное, уже несколько часов. Холли поскользнулась на разлитом сидре, гулко задела бедром темный деревянный стол и сконфузилась, когда кто-то схватил ее под локоть и помог восстановить равновесие, небрежно приобняв за талию.

– Да это малютка первокурсница! Куда спешишь? – прокричал парень ей в ухо.

Холли почувствовала, как напряглось ее тело от мимолетного прикосновения. Студент не имел в виду ничего такого, но все равно это было неожиданно. Холли сразу вспомнилась фраза «Трахни первокурсницу», гудевшая в столовой, когда второкурсники оценивали новеньких. Холли покосилась на парня: что это он задумал? Но он уже отпустил ее и, запрокинув голову, залпом пил пиво из пинтовой кружки. Его кадык двигался вверх-вниз, золотистая жидкость лилась в горло, а Холли смотрела как завороженная, не в силах забыть прикосновение его пальцев.

– Иди сюда, все интересное пропустишь! – позвала ее Элисон, протянув руку – на ее ногтях был облупленный лак цвета фуксии. Холли схватилась за руку подруги и буквально прокатилась по разлитому на полу сидру, расталкивая и распахивая толпу. – Все в порядке? – спросила Элисон. Ее лицо, разгудавшееся в этой оживленной суете, блестело от пота.

Холли кивнула, подавив нехорошие предчувствия и поддавшись разгоравшемуся в ней острому любопытству. Рядом затевалось что-то новое и, скорее всего, недозволенное: студенты сгрудились в дальнем углу, загораживая стол, и начали скандировать:

– Рос-ко, Рос-ко, Рос-ко!

Несколько рук синхронно барабанили по столу, и наконец толпа взорвалась оглушительными одобрительными возгласами: это был

брутальный рев удовольствия от нарушения какого-то табу.

– Да черт возьми! – Роско, пошатываясь, пробился через толпу. – Мне нужно пива. – Его симпатичное широкое лицо покраснело, но за возбуждением Холли угадывала смущение. А может, это действовало выпитое: запрокинув голову, Роско лил в рот пиво из пинтового пластикового стакана.

– А ну, давайте Гиза! – объявил другой парень, такой же широкоплечий, как и первый. Его предложение было встречено общим радостным ревом.

– Эн-ди, Эн-ди, Эн-ди! – начали скандировать студенты.

Парня вытолкнули из толпы и затащили на стол. Он огляделся, ухмыляясь от радости, что его поддерживают друзья-регбисты. Кругом были одни участники местной команды регби – Холли поняла это по эмблемам на футболках с гербом колледжа.

– Эн-ди, Эн-ди, Эн-ди!

Энди лег на стол лицом вверх.

– Давай, парень!

Холли наблюдала сначала с интересом, затем растерянno и, наконец, с ужасом, как другой парень из команды регбистов спустил джинсы и трусы и встал на четвереньки над хохочущим Энди.

– Солсбери! – поднялся рев.

Третий парень поднялся на скамью с пинтой пива и начал лить его на голую задницу Солсбери, откуда все стекало в рот Энди.

– Эн-ди, Эн-ди, Эн-ди, – ритмичный стук по столу почти заглушил скандирование, но вскоре раздался торжествующий рев: Энди с трудом поднялся, отплевываясь пивом и требуя себе еще пинту, а полуголый Солсбери, спрыгнув со стола, натягивал трусы и джинсы.

– Черт! – Энди выплюнул чуть не половину пива. – Гадость какая!

– Еще кто выпить желает? – Заводила, ливший пиво, огляделся вокруг, и, к недоумению Холли, следующий регбист, выпятив грудь и виляя бедрами, как ковбой перед дуэлью, занял место Солсбери.

– Что они делают? Зачем они это вытворяют? – вырвалось у Холли. Она проводила взглядом побагровевшего Энди, которого дружеским захватом за шею приятели тащили к бару, хлопая по спине.

– Это анальная пьянка! – прокричала Элисон ей в ухо. – Регбисты развлекаются!

– Что?!

– Я точно знаю. Тот, который сейчас стоит, – стипендиат, я видела его мантию в столовой. Должно быть, очень способный. – Элисон приподняла

брови и снова повернулась к столу.

Холли смотрела на парня, о котором говорила Эли: он возвышался над другими игроками, одной рукой наклонив пластиковый стакан с пивом, а другую уперев в бок, как фермер, представляющий на выставке свою лучшую скотину. Его лицо над толстой шеей казалось благодушным, темные глаза блестели под мокрой от пота длинной челкой, за приоткрытыми розовыми губами виднелись превосходные зубы. Вылив янтарное пиво, он закинул голову назад и испустил ликующий рев.

Разочарование страшной тяжестью давило в груди, как физическая боль. И это самые светлые головы поколения? Холли казалось, что в Оксфорде можно говорить о философии или политике и она наконец разразится гневной тирадой против правительства Мейджора, а тут приходится смотреть, как широкоплечие парни с тягучим акцентом лакают пиво с задниц друг друга!

– С ума сойти, да? – Элисон широко улыбнулась подруге, весело округлив глаза. Казалось, она не испытывала никакого отвращения. Скорее, ее интриговал этот аспект студенческой жизни.

Тут Холли спохватилась, что Энди, второй из регбистов, принимавших участие в забаве, стоит рядом с ней. Выбравшись из толчеи, он всячески старался стушеваться, слиться с толпой. Ссутулив мощные плечи, будто желая стать незаметнее, он целенаправленно наливался пивом, глядя в никуда. Перехватив его взгляд, Холли попыталась без слов выразить ему свое сочувствие. Энди отвел глаза, но она заметила, что он мгновенно залился краской.

Глава 9

Холли

Осень 1992 года

Сидевшая в просторном кресле Софи Гринуэй подобрала под себя ноги и, оторвавшись от сочинения, которое читала вслух, улыбнулась доктору Говарду Блэкберну, известному специалисту по средневековой английской литературе.

Шла вторая неделя осеннего триместра. Холли следила, как их куратор неотрывно смотрит на Софи, ловя легкие движения ее стройных ног в плотных черных колготках. Она томно скрещивала ноги, то изящно забиралась на сиденье кресла, подгибая ноги под себя. В будни Софи ходила в облегающем спортивном комбинезоне – стандартном темно-синем с голубым, подчеркивая свою принадлежность к первой восьмерке гребной команды колледжа. Но для занятий с Говардом делалось исключение, и в ход шли короткие юбки из шотландки, лоферы и плотные колготки.

Софи читала сочинение о куртуазной любви по «Сэру Гавейну и Зеленому Рыцарю». Концепция любви без физической близости, преклонение на расстоянии, уничтожение себя ради служения прекрасной даме, страх навлечь на себя ее презрение или неудовольствие – и все это ради того, чтобы доказать свое рыцарство, истинное благородство и отвагу.

Сочинение Софи не содержало каких-то откровений – Холли не услышала ничего нового, чего не было в методичках «Йорк ноутс», которые она тоже пролистала, прежде чем обратиться к К. С. Льюису и Э. К. Спирингу, – да и стиль оставлял желать лучшего. Сочинение состояло из азбучных истин – такое, как позже узнала Холли, называют бета-минусом. Но все это было неважно, важнее было то, что шесть столетий назад благородные рыцари как один падали бы к ногам Софи. Если Холли в ту эпоху судьба сулила быть крестьянкой, Софи бы милостиво принимала или отвергала куртуазную любовь.

Софи снова положила ногу на ногу. Холли просто глаз отвести от нее не могла. Элисон тоже хорошенькая, но в Софи было что-то еще, будто ее красота – результат совершенствования многих поколений или же ее предков специально обучали так выглядеть. В Софи чувствовалась принадлежность к определенному классу: стройные даже в бедрах ноги, аристократически тонкая кость, изящно изогнутые брови, густые темные

волосы, которыми, к раздражению Холли, Софи умело играла, отбрасывая их то вправо, то влево. Глаза у нее были ярко-синие и такие большие, что Софи могла без усилий притвориться – вот как сейчас – наивной или непонимающей. Если бы Холли предложили подобрать самый точный эпитет для описания Софи, она бы сказала: «Высший класс», – но это выражение из отцовского лексикона было бессильно передать всю уникальность Софи.

Холли считала несурзным, что их с Софи сделали мини-группой на весь семестр, при том что английскую литературу в колледже Шрусбери изучали семеро студентов. Девушки разбирали средневековые произведения с доктором Блэкберном, а затем их ждал англосаксонский перевод. У Говарда Холли чувствовала себя неловко. Ее ботинки «Доктор Мартинс» крепко упирались в ковер между двумя стопками книг, шатких, как все книжные пирамиды, загромождавшие кофейные столики и втиснутые на закрывавшие стену стеллажи. Холли села поглубже в кресло, обитое вытертым бархатом, и погладила мягкую обивку. Взгляд ее метнулся с книг на огромные открытые окна, выходившие во двор – пылинки плавали в солнечном свете, – и снова на преподавателя, загадочно улыбавшегося, пока Софи то так, то эдак скрещивала изящные ноги.

– А вы что скажете? Вы согласны с интерпретацией мотивов сэра Гавейна, предложенной Софи? – Доктор Блэкберн оторвал взгляд от Софи и посмотрел на ее партнершу по семинару.

– Гм, ну... – И тут вдруг у Холли развязался язык. Она заговорила о конфликте в душе сэра Гавейна, разрывавшегося между рыцарскими принципами и чувственной страстью.

Холли говорила все увереннее и чувствовала, что не только доктор Блэкберн смотрит на нее с интересом («Это необычная интерпретация, но мне она нравится»). Софи, забыв о своем бета-минусовом сочинении, выпрямилась в кресле и подхватила разговор, заставляя себя мыслить шире прописных истин, которые она, видимо, скопировала дословно. В любом случае внимание было благожелательным, а не враждебным, и, выйдя от тьютора – так Холли незаметно для себя начала называть доктора Блэкберна, – девушки как-то совершенно естественно зашли в студенческое кафе выпить чашку чая. К тому же Софи сказала, что у нее к Холли есть дело.

Софи предложила поделить англосаксонские тексты, предназначенные для перевода, и по очереди подбирать информацию для рефератов по необъятной средневековой английской литературе. С собой у нее оказалась

толстая папка-скоросшиватель с прочным зажимом, полная готовых работ какого-то услужливого второкурсника, с которым неделю назад Софи мило общалась за коктейлем.

– А ты точно ограничилась только коктейлем? – Холли не хотелось совать нос в чужие амурные дела, и даже такое зондирование ситуации показалось ей нескромным.

– Холли! Ты на что намекаешь? – лукаво улыбнулась Софи. – Ему уже не нужны эти рефераты. Он сказал, что знает, какая скука эти средневековые сочинения. Господи, нам еще столько читать из викторианской эпохи! Мы же не осилим это без грамотной организации! Смотри, вот про автора «Жемчужины» – надо стащить для следующей недели. А ты потом сможешь прочесть Мэлори?

– По-моему, «Смерть Артура» – очень важное произведение, нам обоим следует с ним ознакомиться.

– Ну уж нет, жизнь слишком коротка, поверь мне. Я хочу попробовать себя в женском боксе – в легком весе, но мне ни на что не хватит времени, если вчитываться в каждого викторианца. Если ты прочтешь Мэлори и расскажешь, о чем там, я сделаю остальное с помощью этих записей.

– Ну хорошо.

– А я обещаю перевести половину «Беовульфа»... О, ты посмотри! – Софи лукаво ухмыльнулась: – Джон отдал мне свой перевод!

– Послушай, но ведь это же подлог?

Софи покосилась на нее, слегка улыбаясь.

– Вовсе нет. Это называется эффективная организация труда, так все поступают.

– Мне кажется... – Холли запнулась, представив, как неуклюже прозвучат ее слова. – По-моему, выполнять переводы и знакомиться с английской литературой от самых истоков важно для понимания ее развития. Ведь смысл нашего диплома в том, чтобы все это знать...

– Ну если хочешь тратить время на перевод «Беовульфа», так и делай. – Софи отхлебнула чая, сдерживая скорее смех, чем раздражение. – А по мне, эти старания не повлияют на мои оценки и на пребывание в университете в целом... Ну разве что отнимут время, которое можно потратить на что-то другое.

– Например? – поинтересовалась Холли.

– Ну как же, на спорт, на парней, – победно засмеялась Софи. – Для чего же существуют университеты! Веселиться, знакомиться, заниматься спортом. В определенном смысле это как продолжение старших классов.

Холли пожала плечами. У нее в школе ничего подобного не было.

– Отец всегда говорит: сперва оценивай надежность инвестиции, а уж потом решай, сколько инвестировать.

– Ого. А кто твой отец?

– Специалист по инвестициям. А твой?

У Холли упало сердце. Сейчас нескромность выйдет ей боком.

– Преподаватель.

– Какой предмет?

– Автомобили. Он... э... инструктор по вождению.

Надо было сразу признаться, а не вилить.

– Как мило! И полезно.

– Наверное. Я-то не вожу.

– Он что, тебя не научил? Или все время руль выхватывал?

– Да нет, просто мы редко видимся. У меня родители в разводе.

Обычно замкнутой, Холли странно было облегчать душу, вывалив сразу столько информации, но в университете это было в порядке вещей. Дружеские союзы заключались и крепили с лихорадочной скоростью, будто короткие, восемь-девять недель, семестры подразумевали отказ от привычного постепенного развития отношений в пользу ускоренного темпа.

– Господи, хоть бы мои уже наконец... – Софи прикрыла рот рукой, будто это вырвалось у нее нечаянно. – Ой! Забудь, это я так.

– Правда? – заинтересовалась Холли. Неужели жизнь Софи не так идеальна, как кажется?

– О, ну понимаешь, все эти связи на стороне... Мужчины, что с них взять... – Софи сгребла книги в сумку, взяла со стола папку и прижала ее к груди.

Возможность поделиться секретами была упущена – дверь захлопнулась. Улыбка Софи стала застывшей, в ней не осталось и следа веселья. Холли, собирая свои тетради, догадалась перехватить инициативу.

– Ох уж эти мужчины! – подхватила она, будто отлично знала мужской пол, а не была девственницей восемнадцати лет. Взъерошив волосы, натянула подол мешковатого свитера на джинсы – давно усвоенный способ не выделяться из общей массы или хотя бы сделать себя сексуально невидимой – и вслед за Софи вышла из кафе на мягкое осеннее солнце.

Первый семестр в Оксфорде стал настоящим откровением – благодаря знакомству не только с произведениями неизвестного автора «Жемчужины», Мэлори, стихами Кристины Россетти и Элизабет Барретт Браунинг, но и с жизнью, вдруг раскрывшейся совсем с другой стороны.

Все восемнадцать лет Холли знала лишь один неизменный вариант еды, которой питалась, манеры разговаривать, менталитета окружающих, и вдруг все это словно разобрали и перемонтировали, и жизнь стала ярче и интереснее, более насыщенной и как никогда сложной.

Позже Холли будет вспоминать тот осенний семестр как бесконечное пиршество чувств, ежедневные бомбардировки новыми зрелищами, запахами и звуками, которые порой отнимали все силы, становясь почти испытаниями, и разительно отличались от всего, что она знала.

Новизна была во всем: можно было гулять по кампусу Крайст-Черч-Медоуз и в густом ноябрьском тумане увидеть огромную корову, глядевшую задумчиво и печально (студенты Медоуз имели право держать лонгхорнов и пользовались своим правом с пятнадцатого века). Пробегая по мощенной булыжником Мертон-стрит, Холли забывала, за чем шла, при виде привратника в шляпе-котелке или двоих студентов, отчего-то во фраках, на заплетающихся ногах бредущих к колледжу, обнявшись, как самые страстные любовники, но с пустыми бутылками в руках. Можно было нырнуть в лабиринт крытого рынка и разом остановиться от невыносимо густого запаха сырого мяса или при виде оленя, подвешенного за ноги, совсем целого оленя, только с отверстием от меткого выстрела в голове, а спустя пару часов увидеть таких же оленей в парке в центре Оксфорда, пугливо уносившихся прочь, косясь на людей большими влажными глазами.

Еда в тот осенний семестр тоже была особенной: картошка в мундире в полистироловых контейнерах, из которых сочилось масло, или печеные бобы и купленный с лотка на Хай-стрит кебаб, если Холли не успевала в столовую, – все это она быстро привыкла называть обедом. Огромные порции лазаньи с чесночным хлебом, которые они с Эли уписывали наравне со здоровенными гребцами и регбистами, когда осень вступила в свои права и ночи стали холодными. Дымящиеся кружки чая и сэндвичи в студенческом кафе или чайной на Квинс-лейн с высокими табуретами и запотевшими окнами. Оленина и портвейн, которые Холли впервые в жизни попробовала на праздничном обеде, оказались настолько вкусными, что она попыталась украсть вино прямо в хрустальном декантере, но была остановлена служащим колледжа, который очень мягко отобрал у нее графин.

Пришлось осваивать и новый язык: занятия с тьютором – *тьюты*, отчеты о суммах, израсходованных на содержание студента за семестр, – *бэтлы*, экзамены первого курса – *модсы*, черные с белым одеяния для торжественных случаев – *робы*, экзамены в начале каждого семестра –

коллекшин, первокурсники, получившие высший балл по всем экзаменам, – ботаны, а те, кому это удавалось и в последующие годы, – мегаботаны. Требовалось разобраться в новой академической терминологии: теория марксизма, теория феминизма, а также составить целый список критиков, которых она будет читать, и лекторов, которых будет слушать.

В «Блэкуэлле» Холли накупила открыток с видами «дремлющих шпилей» и расставила их на каминной полке, а в спальне повесила репродукцию климтовского «Поцелуя», пленившись обилием золотой листвы и тихим упоением, разлитым на лице женщины, знающей, что она любима. Холли решила потратиться на шарф с цветами колледжа: толстый, шерстяной, темно-синий с розовым, он оказался довольно тяжелым, и она претенциозно, как ей казалось, перебрасывала конец шарфа через плечо, вместо того чтобы обматывать его вокруг шеи и дышать его теплом. Однако Холли не стала вступать в оксфордский дискуссионный клуб, где когда-то упражнялись в прениях премьер-министры и политические лидеры, в эту питательную среду для будущих политиков в горчичных вельветовых брюках и твидовых пиджаках, где молодые люди по-обезьяньи копировали повадки состоявшихся мужчин.

Понемногу Холли начала избавляться от растянутых свитеров, перейдя на аноракки с капюшоном, и отважилась носить легинсы со своими испытанными ботинками «Доктор Мартинс», хотя и оставалась полноватой в бедрах по сравнению с другими девушками. Она снимала очки в темной оправе, полученные по государственному бесплатному ваучеру, когда выходила из библиотеки, и экспериментировала с карандашом, густо затушевывая уголки глаз.

Холли вошла в редколлегию газеты колледжа и начала писать о событиях студенческой жизни, посещала собрания местной лейбористской ячейки и работала волонтером на ночном телефоне доверия. Участница движения «Вернем себе улицы», она крепко сжимала в кармане брелок с сигнальной кнопкой, будто все насильники в Оксфорде только за ней и охотились, но через пару недель немного освоилась и перестала брать его с собой. Здешняя мирная атмосфера – в общежитии, на главной улице, в пабах, на кафедре – расслабляла, настраивала удивительно благодушно и казалась почти искусственной по сравнению с тем, к чему Холли привыкла дома. Кроме того, хотя на курсе было всего восемнадцать девушек, Холли доставалось мало мужского внимания. Нед при встрече с ней иронически усмехался, двое парней, занимавшиеся английской литературой, держались очень дружелюбно, но не проявляли к Холли ни малейшего сексуального интереса. Да и зачем им это, если рядом ходят такие, как Элисон, с вечера

до утра не вылезаящая из клубов, или Софи – совершенный образец красавицы-спортсменки?

Холли это не волновало (по крайней мере, так она себе говорила), и ее нежные чувства изливались на подругу. С Элисон, такой непохожей на нее, Холли окончательно сдружил случай, когда она нашла подругу без сознания на полу туалета после особо бурной попойки.

Это она собрала и придерживала длинные светлые волосы Элисон, когда подругу тошнило над унитазом, вытерла ей рот бумажным полотенцем и принесла стакан воды. Это она умыла Элисон нежно, как мать дитя, и отвела (почти приволокла) подругу в ее комнату. Это она сидела с Элисон ночью, боясь, что та задохнется, если за ней не приглядеть.

В туалете Элисон валялась со спущенными до колен джинсами, совершенно беззащитная.

– А вдруг бы меня нашел какой-нибудь парень? – поинтересовалась она потом.

– Ему стало бы неловко.

– Ну неловко, а дальше-то что?

– Да ничего! Употребить тебя каким-то образом было решительно невозможно – тебя зверски тошнило.

– Не знаю, не знаю, – протянула Элисон, кусая палец.

Холли обратила внимание, что прежде аккуратно подстриженные ногти подруги обкусаны до мяса.

– Это, знаешь ли, не всех отпугнет! – цинично хохотнула Эли.

Этот случай сблизил девушек: бойкая Эли осталась признательна подруге, и отношения немного выровнялись. А с Софи Холли сблизили переводы англосаксонских текстов. По средам они сидели в библиотеке, усердно переписывая вторую часть перевода, но вскоре Софи нашла ксерокс и положила этому конец.

Сидя напротив, Холли посматривала на Софи, гадая, станут ли ее волосы такими же густыми, если она перестанет по-мужски коротко стричься, и можно ли сделать ее широкие брови такими же изящными и элегантными. Да, и как быть с одеждой? Помимо спортивных вещей, Софи носила мини-юбки или джинсы «Левайс», и Холли думала, смогут ли фирменные джинсы, пусть они ей и не по карману, сделать ее ноги длиннее или придать ей этот неуловимый статус крутой девчонки?

Она следила, как за чернильной ручкой Софи на строке разлинованного листа формата А4 остается тонкая фиолетовая спираль петлистых, витиеватых букв, и сравнивала красивый почерк подруги со

своим нагромождением букв, написанных одноразовой шариковой ручкой, признавая ее превосходство. Работы Холли отличались аккуратностью: стикеры, флуоресцентные маркеры, скоросшиватель на кольцах, где части отделяются друг от друга цветными вкладышами и можно вставить пластиковые файлы (Холли обожала канцтовары), но писала она как курица лапой. В голове Холли вечно теснились идеи, и каждая стремилась первой попасть на бумагу, – в результате получались неразборчивые каракули, как у старой ведьмы или никудышного клерка.

Время, когда девушки сравнивали переводы и экзаменовали друг друга, вспоминая, что Зеленый Рыцарь делал в тот или иной момент, и проверяя, смогут ли они убедительно об этом рассуждать, было для Холли лучшим за всю неделю: раньше ее одаренность была чем-то вроде позорного клейма. Она гордилась своими способностями, но понимала, что лучше их не афишировать даже здесь: в Оксфорде модно было открывать учебники накануне семинаров, сводя неделю подготовки к одному вечеру.

Софи искренне восхищалась трудолюбием Холли и сваливала на нее львиную долю заданий. Накануне она оставила Холли записку в ячейке для писем, в которой призналась, что утренние тренировки по гребле отнимают у нее все силы и она, Софи, «не нашла» времени для выполнения своей части перевода.

- Ты такая умная, – повторяла Софи, – не то что я, тупица.
- Перестань, никакая ты не тупица.
- Настоящее дерево, как выражается мой отец.
- Не способная на диплом с отличием? Ну, это нормально.
- Вот именно. Гораздо лучше развлекаться. Какой-никакой диплом, медаль по академической гребле и хороший парень, желательно будущий муж, – вот все, чего я хочу.

Холли откинулась на стуле. В этом откровенном признании было столько чуждого ей – и абсолютно, по ее мнению, неправильного, – что она не удержала улыбки. В Софи было что-то удивительно незамысловатое: обладательница свежего личика, участница школьных марафонов и капитан команды по лакроссу, а теперь член первой восьмерки гребного клуба колледжа, она видела смысл жизни в том, чтобы не упускать возможности и максимально использовать свои достоинства: например, скрещивать длинные ноги перед носом бедного Говарда или лестью заставлять подругу выполнять большую часть задания.

Холли понимала, что ею манипулируют, но это делалось настолько изящно, что она даже не очень возражала. Железная воля Софи позволяла той встать в полшестого в промозглое осеннее утро, чтобы успеть на

речные старты к шести утра, пока большинство студентов сопят под стегаными одеялами, или уговорить второкурсника отдать ей свои рефераты, даже не подумав его как-то отблагодарить. Холли не сомневалась, что к концу третьего курса у Софи будет и спортивная медаль, и будущий муж (минимум потенциальный будущий муж), и даже – ведь удача всегда на стороне таких, как Софи, потому что они своего не упустят, – диплом с натянутыми тройками.

К Софи легко было ощутить зависть и даже презрение, однако Холли ничего подобного не чувствовала. Софи представляла собой целый мир, который живо интересовал Холли, сколько бы она ни заявляла о своей к нему неприязни.

– Представляешь, она тори, – досадовала она в разговоре с Элисон, сказав перед этим Софи, что идет на собрание университетской ячейки лейбористской партии.

– Конечно, а как же иначе, – отозвалась Элисон.

– А на будущий год она хочет жить на Вудсток-роуд или в Джерико, а не на Каули-роуд, как мы.

– А что она забыла в восточной части Оксфорда? Папаша ей дом купит.

– Насчет этого не знаю. – Холли вдруг почувствовала себя предательницей, вспомнив отрывистые фразы, намекавшие, что отец Софи никогда не был эмоционально внимательным и живет своей жизнью, отдельно от семьи. – Она об этом не говорила... Только ты меня не выдавай.

Элисон засмеялась:

– Смотрю, ты на нее запала!

– Ага... То есть она не такая уж плохая.

И ведь Холли действительно не считала Софи плохим человеком. Она жадно впитывала информацию, которой та делилась о своей жизни, – описания коктейльных вечеринок в комнатах общежития, небрежное упоминание о кокаине, который нюхали ее школьные подруги, хотя сама Софи к наркотикам не притрагивалась, твердо выбрав здоровый образ жизни, истории об элитных питейных клубах, которые посещал и ее кузен Хэл, учившийся на третьем курсе в другом колледже, пересказываемые с напускной терпимостью («мальчишки, что с них взять»).

– Ты не поверишь, что они отмочили в прошлые выходные, – прошептала Софи.

Холли невольно подумала, что настойчивое желание поразить подругу экстравагантностью высших классов у Софи просто в крови.

– Что? – Все внутри у нее напряглось от любопытства. Слушать эти истории, рассказанные сбивчивым шепотом, прерываемым хихиканьем, было все равно что читать «Упадок и разрушение». А оттого, что все происходило в реальности, становилось еще интереснее.

– «Либертены» отобедали в «Брукс» на Тёрл-стрит, а потом каждый заказал по отдельному такси до «Кингс-Армз».

– Но от «Брукс» до «Кингс-Армз» две минуты пешком, – изумилась Холли.

– Вот именно! Вереница такси растянулась на всю Тёрл-стрит, и все ради минутной поездки!

– А таксисты не ругались?

– Каждому заплатили пятьдесят фунтов.

– Неплохо за минуту работы.

– Да, внакладе они не остались, – легкомысленно подтвердила Софи.

– Но они, наверное, почувствовали себя глупо?

– Ну какая разница, кому какое дело? Это их работа, им за нее деньги платят. Господи, иногда ты бываешь та-ка-я серьезная! – Софи быстрым движением собрала книги, давая понять, что тема закрыта, и, встав, посмотрела на Холли, которая никак не могла прогнать из головы образ озадаченных таксистов. – Поторопись, – в голосе Софи слышалось раздражение, – а то мы опоздаем.

Холли тащилась за Софи, упрекая себя в страшном преступлении – в недостаточной беззаботности, дефиците чувства юмора, неумении увидеть смешное в поведении избалованных юнцов, хвастающих своими возможностями. Холли ругала себя за то, что у нее вызывает отвращение подобное поведение, однако она была очарована Софи и высшим светом, представительницей которого вроде бы была ее подруга. Спотыкаясь, она спустилась по вытертым ступеням из библиотеки Старого корпуса. Софи, явно недовольная, шла на несколько шагов впереди, стараясь стряхнуть неприятное чувство перед семинаром, где ей придется рассчитывать на перевод Холли, и снова стать любезной и милой.

У домика привратника Софи остановилась и улыбнулась высокому молодому человеку – гребцу из другого колледжа, где этот вид спорта был в большом почете, – наверное, из Ориел или Крайст-Черч. Парень, похоже, был знаком с Софи и, наклонившись, поцеловал ее в обе щеки.

Свет, лившийся из окна корпуса, играл в его густых волосах, спадавших на глаза и четкие скулы, и бросал отблески на лицо – Холли разглядела изгиб рта и зеленые глаза с золотыми искрами. Широкие плечи и тонкая талия выдавали в нем спортсмена, а когда он засмеялся над чем-

то, что сказала Софи, смех был громким, однако отнюдь не вульгарным. Все это говорило о принадлежности к высшему обществу красноречивее, чем деньги, как и его несомненная, но не отталкивающая уверенность в себе.

– Кто это? – спросила Холли у Софи, когда они остановились на площадке перед кабинетом Говарда.

Подруга проводила взглядом зеленоглазого Адониса, направлявшегося по внутреннему двору к выходу из колледжа. У домика привратника он обернулся.

– Это? – переспросила Софи. Она пожирала юношу глазами, но говорила так, будто ей нет до него дела: – Это Джеймс Уайтхаус.

Глава 10

Холли

Осень 1992 года

Сердце у Холли билось тяжело и часто. Она привалилась к стволу дерева. Семь утра. Пар от ее дыхания смешивался с утренним туманом, каплями оседавшим на голых ветках. В груди жгло. Холли уже четвертый раз выходила на пробежку, но легче пока не становилось: тело не привыкло к нагрузкам. В школе она отлынивала от физкультуры как могла – усердие в учебе служило ей надежным оправданием.

– Ну это и вправду можно пропустить, у тебя впереди экзамены в Оксфорд, – говорила миссис Торогуд, и Холли получила освобождение раз и навсегда. Ее отсутствие на корте для нетбола погоды не делало, и команда по ней не скучала: в игре Холли скорее была обузой.

И вот теперь она расплачивалась за свою лень: покрасневшее лицо лоснилось, пот скопился под бретельками бюстгалтера и промочил футболку под мышками. Еще одна причина прятаться. Они еще не выходили, гребцы первой восьмерки. А когда выходили, Холли старалась оказаться уже на середине пути или углублялась в чащу. Страх, что ее увидят, был единственным, что удерживало девушку от искушения рухнуть на небольшую копну сена, когда тело уже было готово сдаться. Конечно, чтобы остаться незамеченной, достаточно было повернуть назад к общежитию, низко нагнув голову, и пробираться какими-нибудь задворками. Но тогда она не увидит их. Не увидит его.

Голос в мегафоне, ритмичное движение весел в воде и неровное гудение велосипеда, трясущегося по тропе вдоль берега. Холли метнулась в кусты, как олень в парке колледжа Уолсингем. Правда, в промокших черных легинсах и дешевых кроссовках она выглядела так неуклюже, как только может восемнадцатилетняя толстушка. Прижавшись к дереву, Холли смотрела, как мимо проносится первая лодка. Гребцы представлялись ей образцом синхронности и силы. Восемь молодых людей на пике физической формы слаженно гребли, подгоняемые рулевым – и тренером, ехавшим по берегу на велосипеде. В их движениях были ритм и красота, весла рассекали воду без брызг, тела сгибались и распрямлялись едиными плавными движениями. Даже если бы Холли не интересовал один из гребцов – загребной, определяющий скорость лодки, капитан, самый

умелый и амбициозный, – все равно зрелище радовало глаз.

Она побежала дальше, держась на безопасном расстоянии, хотя и понимала, что гребцам сейчас не до нее. Они бы обратили больше внимания на царственных лебедей, шипевших с берегов Айсис и взлетающих, разбивая водную гладь сильными белоснежными крыльями, чем на первокурсницу, семенящую по тропинке без какого-либо спортивного инвентаря.

В какой-то момент лодка развернется и пойдет против течения, до гребного клуба, и у Холли будет шанс вновь увидеть его лицо, напряженное и сосредоточенное, когда он сгибается пополам и откидывается назад, заводя команду, устанавливая темп. Надо подгадать со скоростью, чтобы увидеть его, а потом можно и брести к велосипеду. Окончательно сбив дыхание, Холли упрямо бежала вперед. Как же сделать так, чтобы снова его увидеть?

Лодка пронеслась мимо, и Холли грузно потопала по песчаной тропе к общежитию, хотя ее пошатывало от сегодняшнего подвига. Завтра у гребцов снова тренировка, и она обязательно выйдет на пробежку, хотя в девять у нее занятие с тьютором и складывается критическая ситуация с рефератом. Однако возможность увидеть его придаст Холли сил и позволит написать сочинение о чувственности в «Мидлмарч» тоньше и авторитетнее. Да, в университет идут за знаниями, но ведь знания приобретаются по-разному!

Порой Холли гадала, уж не одержимость ли это, но ее поведение совпадало с поступками героинь литературных произведений. Физическое возбуждение, которое она ощущала при виде его, учащенное дыхание, замирание под ложечкой – это и есть безрассудная страсть. Стоило Холли услышать его имя, как у нее начинала кружиться голова.

– Да неужели, – с деланным безразличием тянула она, если Софи упоминала о нем (притворному безразличию она научилась как раз у подружки), и старательно избегала появляться рядом, когда он и Софи были вместе. В редкие моменты, когда он приходил к ним в колледж, девушка низко опускала лицо. А он, как искренне думала Холли, не обращал на нее ни малейшего внимания.

Лишь однажды он посмотрел ей прямо в глаза. Холли бежала в свою комнату, когда выше по лестнице, от комнаты Неда Иддслея-Флайта, загрохотали шаги. Топали две пары ног – судя по звукам, Неда и какого-то незнакомца. Они пронеслись мимо, как раз когда Холли дошла до двери. Девушка вынуждена была посторониться и пропустить их.

– Привет, – бросил Нед на бегу.

– Привет-привет... – шепотом съязвила Холли, и тут мимо протиснулся второй.

– Извините... Извините! – Он поднял руки и сверкнул улыбкой. Зеленые глаза излучали тепло и уверенность, что он получит прощение – а как же иначе! Не дожидаясь ответа, он бросился догонять Неда.

– Ничего, пожалуйста, – пискнула Холли, перегнувшись через перила. Голос ее прозвучал слабо и беспомощно, пропав в лестничном колодце. Она подождала, но никто не ответил.

Все могло осложниться, когда Софи начала с ним встречаться – «видеться», как она довольно жеманно выражалась, потому что ни одна студентка не стала бы говорить, что встречается с Джеймсом Уайтхаусом. И не только потому, что такой молодой человек не мог никому принадлежать, а еще и потому, что ни одной не захотелось бы показаться недостаточно крутой.

На деле их с Софи роман все только облегчил. Джеймс редко приходил в общежитие, разве что поздно ночью, поэтому не было риска, что он заметит Холли и догадается о ее влюбленности. При этом Софи не могла удержаться, чтобы не пооткровенничать с подругой, жалуясь на свою неуверенность и ища заверений в том, что она действительно нравится Джеймсу. Ну и, разумеется, щедро потчевала Холли рассказами о новых похождениях «либертенов», среди которых был и Джеймс. Софи жарким шепотом выкладывала тайны, которыми не должна была делиться, но все равно делилась – отчасти из желания шокировать.

Софи поделилась с подругой планами новогодней вечеринки, которую она собиралась устроить дома в Уилтшире, пока родители будут в Лондоне. Джеймс, как она очень надеялась, тоже приедет, а еще будет ее оксфордский «избранный кружок»: девицы, изучавшие античных авторов или историю искусств и тоже имевшие папаш-банкиров, и загородные усадьбы с пони, бравшие уроки тенниса и проводившие каникулы на горнолыжных курортах. Они получали домашнее образование, а с шестого класса учились в частной школе. Холли не имела ничего против Алекс, Джулс и Кэт, но они даже не притворялись, что хотят с ней дружить. Холли не ждала приглашения, но ее неожиданно больно задело, когда в конце семестра стало очевидно, что ее не пригласят. В ее душе затеплилась надежда, что Софи сейчас неспроста завела этот разговор, но с новогодней вечеринки та переключилась на званый ужин, и девушка поняла, что ее с самого начала никто и не собирался приглашать.

Может, ради шутки напроситься самой? Но Холли тут же представила

себе жалостливый ответ Софи: «Ой, прости, мне как-то в голову не пришло, что ты захочешь приехать». Или еще откровеннее: «Холли, но моя вечеринка совершенно не в твоём... стиле».

Приближался конец семестра. С Софи, которая одновременно притягивала и отпугивала ее, Холли заключила молчаливое соглашение. С каждой неделей она брала на себя все бóльшую часть переводов, выписывала материал для рефератов и ксерила записи в газетном киоске на Холиуэл-стрит, а в ответ опосредованно приобщалась к жизни Софи. И это было прекрасно. Холли хватало случайных крох доброты – когда Софи искала ее поддержки, кидала ей обрывки слухов, кивала в людной студенческой столовой и ослепительно улыбалась. От этой улыбки Холли замирала, ощущая непривычное тепло. Это доказывало, что Софи для нее какая-никакая, а подруга.

Но как-то вечером Холли столкнулась с ним и Софи у входа в колледж. Она выдавила «здрасьте» – слово буквально застряло у нее в горле – и чуть не закашлялась. Она старалась не смотреть на него, но всем своим существом ощущала его присутствие. Вместо привычного спортивного комбинезона его широкие плечи обтягивала темно-серая шерстяная куртка – они с Софи собирались на ужин. Уголки поднятого воротника обрамляли чуть улыбающиеся губы. Покраснев, Холли забормотала какую-то ерунду о том, что ей нужно взять книгу в ячейке, и быстро ушла.

– Это еще кто? – услышала она его голос, хлопоча в домике привратника в поисках несуществующей книги.

Холли напряглась в ожидании ответа, делая вид, что не замечает взгляда привратника.

– Это? – переспросила Софи. – Да так, меня с ней на семинары распределили. Ничего особенного. – Повиснув на локте Джеймса, будто была существом очень хрупким и нуждающимся в защите и опеке, Софи скрылась в ночи.

Глава 11

Софи

13 декабря 2016 года

Зал суда номер два в Олд-Бейли Софи представляла себе иначе: она ожидала чего-то грандиозного и внушительного, а увидела довольно запущенную, обшитую дубовыми панелями комнату, лучшие дни которой давно миновали.

Софи не верилось, что она в суде. Обстановка живо напомнила ей палату общин – та же ядовито-зеленая с золотым тиснением кожа сидений, темное дерево, из которого сделаны пять массивных резных кресел и герб, тот же реверанс былому величию – резные украшения над каждой дверью в виде покрытых пылью цветочных гирлянд и гроздьев винограда.

Вверху, на галерее для публики, Софи присела на край сиденья, пытаясь свыкнуться с мыслью, что ее муж находится внизу, на скамье подсудимых за пуленепробиваемыми стеклами, словно в витрине, а сбоку стоит охранник. Отсюда Джеймс казался странно беззащитным: плечи, как в молодости, остались широкими и мускулистыми, но волосы на макушке, как впервые заметила Софи, начали редеть. Вдруг ее захлестнуло волной страха. Софи положила ладони на задрожавшие колени и незаметно сжала их в надежде, что туристы-тинейджеры, глазевшие на нее с откровенным любопытством, не станут гадать, почему она трясется. Глупости. Конечно, станут. Она поставила на колени сумку – просвеченную рентгеном, открытую, выпотрошенную, а когда даже это не помогло, скрестила ноги и спрятала их под стул.

В животе громко заурчало. Софи отчетливо ощутила, как в нем плеснулась желудочная кислота: утром ей ничего не лезло в горло. Неудивительно, что она похудела почти на семь килограммов за шесть недель с момента ареста Джеймса. И это только первая явка в суд – заявление защиты против иска и предварительное слушание. Так какой же чахлой она будет выглядеть к началу процесса в следующем году?

Софи сглотнула, пытаясь сдвинуть острый болезненный комок в горле. Ей хотелось завывать – ей, такой спокойной и умеющей владеть собой, с детства приученной сдерживать проявления отрицательных эмоций сухим юмором или держать их в жесткой узде! Она ощущала полную опустошенность, и откуда-то изнутри неудержимо поднимался, полз клубок

эмоций: ужас, недоверие, отвращение, а поверх всего – нестерпимый стыд. Софи сжала губы, такая интенсивность эмоций ее пугала. Лишь однажды она испытала нечто подобное, да и то во много раз слабее. Она промокнула глаза платочком. Нельзя падать духом. Нужно думать о детях и, конечно, о Джеймсе.

Софи уже поняла, что не сможет присутствовать на каждом заседании суда. Один проход сквозь строй фотографов у входа доказал, что это ей не по силам. Не по силам ей было удерживать на лице улыбку, когда Джеймс, едва не сломав, стиснул ее пальцы, – хватка была стальной, и Софи чуть не дернулась от боли. Она чувствовала его чудовищное волнение, в котором он не признавался в тихие ночи, когда Софи придвигалась ближе к его теплому телу и шепотом спрашивала: «Ты в порядке?» После предъявления обвинения Джеймс не выказал ни малейшей слабости, ни разу не заговорил о том, что его могут признать виновным. Если об этом не говорить, может, и пронесет. Каким нереальным это казалось вплоть до сегодняшнего дня... Но сейчас ночной кошмар словно происходил наяву.

Теперь подобный исход казался очень даже реальным, как массивный дуб, который был здесь повсюду: из него были сделаны свидетельская кафедра, скамьи присяжных, стол судьи и стол адвокатов, на который сейчас защитник Джеймса, тучная и довольно грозная Анджела Риган, и поддерживающая обвинение мисс Вудкрофт выкладывали целые стопки толстых папок с доказательствами.

Ее мужа судят по обвинению в изнасиловании. Софи так и чувствовала вкус этого слова, отвратительный, как само преступление. Умом она понимала, что все происходит на самом деле, что реальность вторглась в ее жизнь, но, глядя с галереи на скамью подсудимых, рассматривая зал и отметив аристократические черты лица судьи, с которым в иных обстоятельствах она мило поболтала бы на фуршете, – Софи все равно не могла постичь смысла происходящего.

Он невиновен. Конечно же он невиновен! Софи не сомневалась в этом с того кошмарного вторника, когда его арестовали. При всех своих недостатках Джеймс на такое неспособен. Но почему ситуация зашла так далеко? Взять хоть недавние партийные расследования: одно проводил юрист, учившийся с Джеймсом и Томом, второе – их приятель по Оксфорду. Такие люди умеют создать видимость независимого расследования, гарантируя при этом правильные выводы комиссии. Отчего же этого не сделали для Джеймса? Том в долгу перед ее мужем, и в каком долгу!.. Видимо, когда вмешалась полиция, даже тридцати лет близкой дружбы с премьер-министром оказалось недостаточно.

– Так что, договоримся на апрель? – вырвала ее из задумчивости мисс Риган, адвокат Джеймса, говорившая с белфастским акцентом и почти мужской хрипотцой.

Адвокаты и судья утрясали «административно-бытовые» вопросы, будто процесс над Джеймсом был предметом, которому нужно подобрать место.

Слушание подошло к концу – первое заседание назначили на апрель и согласовали сумму залога, и вот уже Джон Вести, поверенный Джеймса, отодвигается на стуле и, улыбаясь, что-то шепчет адвокату. Софи поднимает взгляд к потолку, пока юристы собирают документы.

Наконец секретарь суда попросила «всех встать». Потолок высокий, он состоит из восьмидесяти одной панели матового стекла. Софи пересчитывает их, инстинктивно ища порядок: девять аккуратных рядов по девять квадратов. Небо облачное, серое, невыразительное, давящее, неприветливое. Над крышей мутным пятном проносится стая птиц – темная клякса, передразнивающая людей в зале, насмехающаяся над ее мужем, отпущенным под залог, но не на свободу. Через стекла сочится тусклый свет. Софи страстно хочется солнца и простора, пышных зеленых полей и тихого довольства без всяких мыслей.

Апрель. Значит, впереди еще четыре месяца этого ада. Но Софи хочется продолжать, чтобы побыстрее с этим покончить. Положить конец надвигающемуся ужасу. Шесть мучительных недель она готовилась, по много раз анализируя свои варианты. Шесть недель долгих пробежек по берегу Темзы и изнурительных занятий в тренажерном зале, от которых немело тело, но не разум. Шесть недель, чтобы заново оценить их с Джеймсом отношения и спросить себя: чего я в действительности хочу?

Ответ Софи нашла на ощупь, потому что после того ужасного вечера в октябре не осталось никакой определенности: больше всего она хочет, чтобы не развалилась ее семья. Она хочет Джеймса. Несмотря на унижение, которому он ее подверг, несмотря на гнев из-за его неверности и эгоизма, навлекших на них все беды, Софи все равно хотела быть с мужем. Она не сомневается в его невиновности, так отчего же ей не остаться с ним?

Джеймс необходим ей как воздух. Порой Софи ненавидела себя за эту зависимость. Может, потребность держаться за своего мужчину заложена у нее в ДНК? Особенно сильно Софи ощущала ее в студенческие годы, догадываясь – всего лишь догадываясь: Джеймс ей изменяет, что бы он там ни говорил. Или же эта заикленность возникла из-за постоянных измен отца Софи и не в последнюю очередь связана с финансовой стороной

вопроса? Когда Макс ушел от Джинни накануне ее пятидесятилетия, трое их дочерей уже не жили дома, поэтому ей мало что досталось в качестве финансовой компенсации, хотя она сразу после свадьбы выбрала карьеру жены. Джинни твердила, что она «абсолютно счастлива», но ей пришлось продать старинный пасторский дом и удовлетвориться коттеджем в Девоне. Эмоционально ее жизнь стала ровнее – исчезли длительные периоды обостренной ненависти к себе, начинавшиеся всякий раз, когда Макс находил себе новую женщину (Софи росла в обстановке этих обострений), но, лишившись особняка, прежнего круга общения и социального статуса, Джинни жила теперь почти затворницей с двумя собаками – черным лабрадором и каштановым спрингер-спаниелем.

При мысли о подобном исходе Софи бросало в дрожь. Она слишком молода, чтобы посвятить себя детям или стать эксцентричной деревенской дамой. Не хотела она и участи соблазнительной разведенки – это разом лишит ее всех подруг. Таких не зовут в гости, не желая рисковать собственным супругом. Можно подумать, неверность Джеймса заразна или ее, Софи, эмоциональная незрелость и потребность непременно быть при муже окружают ее некой терпкой сексуальностью!

Наверное, было бы проще, будь у нее карьера, но она не вернулась на работу в качестве младшего редактора в детском издательстве после рождения Эмили: расходы на няньку съедали бы большую часть ее зарплаты. Джеймс, у которого мать никогда не работала, был только счастлив, что жена посвятила себя дому, детям – и ему. Сейчас Софи подозревала, что совершила ошибку. Детская литература была единственным, что ее интересовало в Оксфорде: она даже писала диплом по «Хроникам Нарнии», исследуя использование Льюисом мифа о фавне и темы похищения. Подумать только, она могла писать о таких вещах!.. Втайне Софи надеялась открыть новую Джоан Роулинг, но ей приходилось редактировать книги для дошкольников, где единственной опасностью было надеть не тот носок, а трудностью – поиски потерянного игрушечного динозавра. Нелепо было бросать ребенка на няньку ради того, чтобы издавать подобную макулатуру.

К тому же Софи всегда мечтала о свадьбе и собственной семье. В детстве она постоянно рисовала себя в свадебном платье. Муж – непременно красивый и успешный – числился в списке желаний рядом с детьми и исторической усадьбой с конюшней и огромным садом, обнесенным стеной. Так жила сама Софи, и этого ее приучили желать. Что ж, два пункта из трех выполнены...

Даже в Оксфорде ее главной целью было найти мужа. Может, и зря.

Софи смотрела на свои старые фотографии и не понимала, почему так боялась остаться одна и мертвой хваткой вцепилась в Джеймса. Она была на диво хороша, но он порвал с ней в конце первого курса, и они не виделись семь лет! Софи научилась справляться сама. У нее были бойфренды – добрые, красивые, веселые, с которыми она расставалась, как только понимала: хороших мужей из них не выйдет. Были даже периоды, два раза по два месяца, когда она была совсем одна – и ничего, не умерла.

Но ей это совершенно не нравилось. Она бы не хотела снова жить одна. Джеймс слишком долго был ее приоритетом – сначала бойфрендом, потом мужем, которого хотели все женщины, а он выбрал ее и столько лет оставался ей верен, до самого этого непредвиденного случая, этой ужасной ошибки, которая теперь угрожает разрушить их брак. Больше всего Софи боялась услышать, как Оливия будет давать показания. Она обмирала при мысли, что Анджела Риган заставит ее выслушать историю знакомства Джеймса и этой Оливии: когда они впервые поцеловались, как часто занимались сексом, было ли это серьезными отношениями – длиной в пять месяцев, как сказал Джеймс, – или же случайной, торопливой, разовой связью.

Защита Джеймса, естественно, упирала на то, что это был секс по взаимному согласию, хоть мистер Уайтхаус и вел себя не лучшим образом, а теперь они имеют дело с классической местью отвергнутой женщины, о чем уже говорил Крис Кларк.

Изнасилования не было, но не было и романа: Софи приводило в бешенство, что какую-то случайную связь пытаются приравнять к любви. Уж она-то знает своего супруга и ручается – это был только секс.

Разумеется, она заставила Джеймса все ей рассказать – по предложению поверенного Джона Вести. Это лучше неожиданностей в суде. Если ей придется присутствовать на заседаниях (Крис Кларк считает, что ей обязательно нужно появляться, и Софи понимала, что так в конце концов и придется поступить), то она будет предупреждена и, следовательно, вооружена.

И Джеймс в подробностях рассказал о своей интрижке: где, когда, почему, сколько раз.

– Понятно, – повторяла Софи, стараясь говорить спокойно. – А что произошло в лифте?

Искушение заорать об этом треклятом лифте было почти нестерпимым, но Софи не вышла из себя, привычно сдержавшись. Она и ее дети – сейчас они ее дети, а не Джеймса, – должны оставаться спокойными. Она мысленно окружила себя твердой, непробиваемой оболочкой

невозмутимости.

С гадливостью слушая спокойный голос мужа, уверявшего, что это был порыв безумной страсти, но, безусловно, по взаимному согласию, – она заставила себя выдержать весь этот разговор, давя бурлившую в груди ярость. Глаза у нее горели, но от бешенства она не смогла бы заплакать. Софи не спросила, любил ли Джеймс Оливию и считала ли Оливия, что любит его. Она притворилась, что это неважно, но на самом деле ей не хотелось слышать ответ.

Глава 12

Кейт

24 апреля 2017 года

В зале суда наступила тишина, напряженное ожидание, как за секунду до решающей подачи на Уимблдоне или как когда полузащитник выходит пробивать пенальти, которое решит судьбу Кубка мира по регби.

С оргвопросами разобрались – выбрали присяжных, договорились об организации рабочих мест, в срочном порядке обсудили с адвокатом защиты Анджелой Риган, что можно и чего нельзя приводить в качестве доказательств, чтобы обошлось без новых разоблачений в последний момент. Мы покашливали, тянули время и всячески старались подольститься к секретарю Лакхёрста Никите, молодой азиатке, которая благодаря близости к судье сейчас была одной из самых важных персон в зале. Вместе с сидевшими сзади помощниками Тимом Шарплзом и Беном Кёртисом, которые занимались черновой работой – составляли проекты заявлений и координировали наши действия с солиситорами, мы обозначили свою территорию физически, интеллектуально и юридически не хуже двух котов, метящих окрестности.

Его светлость судья высокого суда Элед Лакхёрст поговорил с присяжными, разъяснив им их обязанности при разбирательстве данного дела. Человек, которого судят, напомнил Лакхёрст, – высокопоставленный государственный служащий, фотографии которого они могли видеть в газетах. Двое присяжных остались спокойны – молодой чернокожий в заднем ряду и хрупкая седая дама, судя по костюму, не заметившая трех пролетевших десятилетий, но остальные присяжные оживились при этих словах. Они были свежими и бодрыми: начинается их двухнедельный срок в качестве присяжных, и они прекрасно знают, что Джеймс Уайтхаус – заместитель министра правительства ее величества (правда, вряд ли кто-то из них знал ответ на вопрос, какие конкретно у него обязанности). Им известно, что он политик, обвиняемый в изнасиловании подчиненной в лифте палаты общин. Они внимательно посматривают на него: похож он на насильника или нет? А как вообще выглядят насильники? Человек на скамье подсудимых походил не столько на политика, сколько на популярного актера новой волны.

Члены жюри сорвали джекпот в лотерее присяжных: в отсутствие

процесса с участием телезвезды или какого-нибудь кровавого убийства нельзя было выбрать более интересное и громкое дело. Однако его светлость судья Лакхёрст настоятельно призвал их отнестись к этому факту без эмоций.

– Сегодня наши газеты и парламентские деятели много говорят о таком преступлении, как изнасилование, – вещал он своим аристократическим голосом. – Поэтому у каждого из вас есть собственные представления на этот счет. Но вы обязаны сделать так, чтобы предвзятость, заранее составленное мнение и всевозможные домыслы не повлияли бы на выполнение вами ваших обязанностей. – Судья сделал паузу, чтобы смысл сказанного дошел до присяжных, и хотя эти слова звучали в суде сотни раз, официальный язык и непререкаемый авторитет почтенного судьи с его париком, властными интонациями и высоким креслом создавали торжественную, строгую атмосферу. Казалось, все перестали дышать. В зале не слышалось ни шороха. – Данное дело должно разбираться сугубо на основании представленных доказательств.

Судья помолчал. В зале все сидели как на иголках – аудиторию охватил трепет, пропитанный тревожным волнением. Можно было видеть, как плечи присяжных дрогнули под тяжестью впервые осознанной ответственности. Молодой азиат смотрел перед собой расширенными глазами, женщина лет тридцати пяти явно струсилась. Его светлость судья Лакхёрст счел необходимым пояснить, что даже если кто-то читал об этом процессе в газетах или Интернете, отныне он не имеет права этого делать, равно как и – тут он взглянул на присяжных поверх полукруглых очков, сдвинутых к кончику носа, – проводить собственное расследование. А самое главное, им нельзя обсуждать разбираемое дело за пределами комнаты присяжных, даже в кругу семьи и друзей. Здесь Лакхёрст улыбнулся – он весьма гуманный судья, я такими восхищаюсь. Присяжные еще успеют его оценить и полюбить. Ему за пятьдесят, но он отнюдь не отстал от жизни, пусть и упоминает Интернет с осторожной, сдержанной интонацией. Подозреваю, что в Интернете Лакхёрст разбирается лучше многих присяжных: недавно он вел длинный процесс о мошенничестве двух банковских служащих из Сити, а до этого – дело кружка педофилов, которые знакомились в чате. Лакхёрст досконально знает работу отдела расследований киберпреступлений, где умеют восстанавливать даже стертое с жесткого диска, и пусть он не пользуется «Ватсапом» или «Снэпчатом», предпочитая на досуге, допустим, петь в хоре Баха или выращивать орхидеи, он тем не менее отлично знает, как работают эти мобильные приложения.

В ответ присяжные заулыбались и закивали. Это двенадцать порядочных, добросовестных людей, но среди них семь женщин. Неидеальный состав жюри: женщина скорее оправдает красивого мужчину, обвиняемого в изнасиловании. Двое или трое что-то для себя записывают – толстяк в костюме с галстуком на правом конце скамьи (думаю, его выберут председателем жюри) и две женщины бальзаковского возраста, которые посматривают то на ответчика, то на судью. Молодой человек из Эссекса – бородка, начес, закрепленный гелем, вязаный кардиган с «косами», впечатляющий загар, – смотрит на человека на скамье подсудимых за моей спиной со скрытой угрозой. Я опустила взгляд в свой блокнот – мои руки спокойно лежат на коленях – и жду своей очереди.

По кивку судьи я встаю и выпрямляюсь, держа голову высоко, но не скованно. В левой руке у меня листок с вступительной речью, хотя я почти не смотрю на текст, а в правой одноразовая ручка с фиолетовыми чернилами – маленький бунт индивидуальности в борьбе с бесчисленными судебными условностями и традициями. Ручка не нужна во время речи, но она и стопка бумаг удерживают меня от бурной жестикуляции. Меньше всего мне нужно суетиться, рискуя отвлечь присяжных от главного или вызвать раздражение у судьи.

Встретившись взглядом с Лакхёрстом, я поворачиваюсь к присяжным и пристально смотрю в глаза каждому. Сейчас я буду говорить с этими людьми так, чтобы понравиться им больше всех, расположить их к себе. Как любовник, задумавший соблазнить красавицу, я буду воздействовать на них и смыслом моих речей, и интонациями. Я намерена испробовать все мыслимые и немыслимые приемы.

Сегодня присяжным пока все еще ново и непривычно: парики, мантии, выражения, как из хрестоматии восемнадцатого века – «мой ученый коллега, ваша светлость, если мне будет позволено вставить слово, ходатайствую о представлении, позволю себе предложить объявить перерыв, преступный умысел, под тяжестью улик...»

К завтрашнему дню они освоятся, запомнят, где туалет, столовая и сколько длится перерыв. Они поймут, какая требующая предельной концентрации задача поставлена перед ними, и согласятся с судьей, что «пять часов в день для всех нас вполне достаточно». Завтра они узнают юридическое определение изнасилования и концепцию секса по согласию, их глаза не будут лезть из орбит, а тела – застывать при словах «пенис», «проникновение», «оральная стимуляция» или «вагина».

Но пока они – способные ученики на первом уроке, в блестящих туфлях и красивой новенькой форме, с чистыми папками и пеналами,

взволнованные и боязливо ждущие, что преподнесет им неделя. Я помогу им освоиться, заверю, что вместе мы справимся, что они усвоят терминологию – и важность того, чего хочет от них британская система правосудия. Я не стану пудрить им мозги тонкостями юриспруденции. Большинство преступлений связано с мошенничеством, насилием либо физическим вожделением – два последних фактора задействованы и в деле Уайтхауса. Порой присяжные удивляют меня своей проницательностью, они смогут понять основной вопрос в данном деле: создавал ли Джеймс Уайтхаус в момент проникновения, что Оливия Литтон не согласна на секс?

Я начала говорить, игнорируя пока человека в стеклянном боксе за моей спиной, чьи глаза, наверное, буравят мою черную мантию, мой жилет, мою сшитую на заказ блузку и заодно мою душу, но мне придает мужества то, что супруга обвиняемого, которая, как мы ожидали, будет стойко поддерживать мужа, куда-то пропала с галереи наверху. Голос у меня спокойный и вселяющий уверенность, он словно ласкает слова, пропуская ноту печали и негодования только там, где это абсолютно необходимо. Гнев я приберегаю для заключительной речи – может, он мне еще понадобится. А пока я буду спокойной и уравновешенной. Вот как я начинаю:

– Данное разбирательство сосредоточено вокруг события, которое имело место между двумя людьми, Джеймсом Уайтхаусом, которого вы видите за мной на скамье подсудимых, и молодой женщиной по имени Оливия Литтон. Мистер Уайтхаус, как уже сказал его светлость судья Лакхёрст, вам, возможно, знаком: он является членом парламента и до предъявления обвинения занимал пост заместителя министра правящего кабинета. Он женат и имеет двух малолетних детей. Мисс Литтон, его коллега по работе в парламенте, с марта прошлого года являлась сотрудницей информационно-аналитического отдела. К маю между ними начался роман, несмотря на то, что мистер Уайтхаус женат. Это были отношения по взаимному согласию, мисс Литтон думала, что влюблена в мистера Уайтхауса. Роман закончился шестого октября, когда мистер Уайтхаус сказал ей, что решил остаться со своей семьей. На этом все могло действительно закончиться, однако тринадцатого октября, через неделю после расставания, между ними снова случился секс – в стенах палаты общин, в лифте, к которому ведет маленький коридор от комнаты, где заседала комиссия. Нет никаких сомнений, что эта встреча имела место – это признают обе стороны. Мы же обсуждаем специфику произошедшего. Была ли в действиях подсудимого, как утверждает обвинение, злонамеренность и он принудил мисс Литтон к половому акту? То есть

было ли это фактически изнасилованием или, как будет доказывать защита, всего лишь проявлением страсти, вдруг охватившей вышеназванных людей и побудившей их вступить в половой контакт? Вы заслушаете показания обеих сторон, но чтобы вынести вердикт, вам необходимо прийти к согласию по трем вопросам. Первое: имело ли место проникновение пениса? Ответ – да, этого стороны не оспаривают. Второе: дала ли мисс Литтон свое согласие на проникновение? И третье: знал ли мистер Уайтхаус в момент проникновения, что мисс Литтон не согласна на секс?

Я сделала паузу. Сдвинув очки ниже, я обвела взглядом жюри, посмотрев каждому в глаза, лишний раз доводя до их сознания, на чем им надо сосредоточиться, но одновременно намекая, что им это по силам. Я улыбнулась, будто говоря, что это просто.

– На самом деле это не сложнее, чем многое другое.

Глава 13

Кейт

25 апреля 2017 года

Второй день процесса. Оливия Литтон – по судебной терминологии истица, а говоря языком «Сан», «белокурая любовница», – поднялась на свидетельскую кафедру. Присяжные затихли. Моя речь была разогревом, главная роль отведена Оливии.

Кое-кто из женщин косился на нее недобро. Пожилая дама, которая еще вчера понятия не имела о сути разбираемого дела, изучала Оливию через очки в тонкой металлической оправе. Одна из бальзаковских женщин – выпрямленные волосы, яркие брови, толстый слой тонального крема, от которого лицо кажется оранжево-розовым, – мерила Оливию злобным взглядом. Вчера она вместе с другой присяжной шокированно пялились на скамью подсудимых, будто не в силах поверить, что перед ними тот самый Уайтхаус и что его судят. Вот еще, нашлись поклонницы... Я сидела с бесстрастным видом и, когда присяжная заметила мой взгляд, улыбнулась ей нейтральной улыбкой.

Вид у Оливии был испуганный, глаза блестели, словно от непролитых слез, кожа казалась неестественно бледной, словно не просто кровь отлила от ее щек, а чуть ли не дух отлетел от тела. Вчера мы общались в комнате для свидетелей. Быстрая, четкая речь Оливии выдавала природный ум, тревогу и сдерживаемый гнев. Она говорила горячо и нервно, но сидела жестко и угловато, как хрупкий, ломкий побег.

– Что, мало у нас шансов? – подытожила она, выдав собственные статистические выкладки о количестве осужденных по прямому обвинению.

– У нас есть веские доказательства, и я намерена убедить присяжных, что он виновен, – сказала я, глядя Оливии в глаза и силясь передать ей свою решимость (не только как юриста) добиться для Уайтхауса обвинительного вердикта.

Она слабо улыбнулась – улыбка вышла кривой – и осталась сидеть с видом невеселой покорности судьбе, словно говоря: «Но этого же недостаточно?» Оливия окончила Кембридж, она отнюдь не глупа, но необязательно быть семи пядей во лбу, чтобы узнать то, что она теперь знает: изнасилование быстро вытравливает веру в справедливость и

правосудие, а заодно и уважение к себе.

Но сейчас в ней не чувствовалось этой циничной осведомленности – она выглядела почти невинно, во всяком случае, невиннее, чем мы привыкли представлять себе молодую женщину, решившуюся на роман с женатым мужчиной. Оливия пришла в простом платье-рубашке с закругленным отложным воротничком – я даже подумала, не чересчур ли это. Однако расчет себя оправдал: при ее стройности, если не худобе, Оливии удалось выглядеть почти гермафродитом и скрыть сексуальность. Маленькие груди – искусанные до синяков, как позже расскажет обвинение, – были наглухо закрыты темно-синей тканью; длинные ноги не видно за кафедрой, – ни единой детали, которую можно было счесть провокационной, соблазнительной.

Джеймс Уайтхаус Оливию видеть не может – место свидетеля закрыто ширмой. Оливию видно присяжным, судье и адвокатам, но не обвиняемому. Сейчас в судах при рассмотрении дел о сексуальном насилии нередко используют видеозапись показаний эмоционально ранимых свидетелей. Присутствие истца заменяется зернистым черно-белым изображением, которое мигает и прыгает, как плохо смонтированное любительское видео, в котором объединено шокирующее и будничное. Оливию тоже можно было допрашивать по видеосвязи, но она храбро согласилась дать показания в суде. Так присяжные смогут прочувствовать психологическую травму надругательства, уловить каждое ее судорожное дыхание, увидеть, как вздрагивают ее плечи. Пусть это покажется мучительным и даже жестоким, но именно в паузах, когда Оливия будет искать платок или отвечать на предложение судьи выпить воды, ее история по-настоящему оживет. Именно с таким убедительным и несомненно весомым свидетельством я связываю надежды на обвинительный вердикт.

А пока я наблюдаю, как изучают ее присяжные: разглядывают платье, блестящие волосы, пытаются прочесть выражение лица – явно перепуганное, хотя она очень старается быть мужественной. Оливия взглянула на меня, и я улыбнулась, давая понять, что это можно пережить, что все ей вполне по силам и вообще легко. Я знаю, сейчас ей придется заново пережить самый ужасный в жизни эпизод с его стыдом, гневом и страхом. Нужна недюжинная смелость, чтобы явиться в суд и обвинить в порочащем преступлении того, кого раньше любила. Оливия может испытывать даже чувство вины из-за своего мнимого предательства. Я угадываю, как потеют у нее ладони и подмышки под громкое тиканье часов в зале суда, ритмичное и настойчивое. Сейчас Оливии предстоит раскрыться – вывернуть душу наизнанку.

Интересно, думает ли она о том, кто сидит за ширмой, представляет ли себе его взгляд, устремленный на нее? Оливия явно боролась с сильным волнением: когда она отвечала на формальный вопрос о том, как ее зовут, ее голос с аристократическим произношением звучал так тихо, что мне пришлось попросить ее говорить громче.

– Оливия Кларисса Литтон, – повторила она уже тверже.

Я поблагодарила ее улыбкой и повернулась к присяжным. Мисс Оранжевая Физиономия приподняла брови. Да, имя чересчур претенциозное, но не надо винить в этом девушку. Изнасилование, как и домашнее насилие, – явление внеклассовое, от него никто не застрахован.

– Мисс Литтон, я задам вам несколько вопросов. Мы не будем спешить. Во-первых, не могли бы вы говорить чуть громче? – Я хотела помочь ей освоиться: смотрела в глаза и ободряюще улыбалась, стараясь, чтобы ей стало спокойнее. Это важно. Если свидетелю некомфортно, изложение событий будет неудачным, а это почти так же плохо, как если на свидетеля находит помрачение.

Я формулирую вопросы просто и задаю их по одному, не забывая о дате, месте, времени и именах, но в остальном позволяю Оливии рассказывать о случившемся своими словами. Я задаю ритм – вопрос-ответ, вопрос-ответ – и слежу за равномерностью речи, словно веду с Оливией благодушную беседу на дневной прогулке, подбрасывая по одному факту с каждым шагом: «Когда вы начали работать с мистером Уайтхаусом? В марте? А какие обязанности у вас были в офисе? Вам нравилась эта работа? С чем это было связано?» Я незаметно веду свидетельницу короткими, легкими вопросами, в которых нет и намека на полемику, и Анджела Риган, грозная адвокатесса Уайтхауса, не сможет вспылить и вмешаться в допрос. «Насколько я поняла, когда мистер Уайтхаус получил должность министра, вы еще работали на него в палате общин?» Так мы и продолжаем.

Зал услышал о переработках Оливии и об обычаях в парламентском и министерском офисах. Мистера Уайтхауса все уважали: служащие обращались к нему «министр», хотя он предпочитал «Джеймс».

– Он держался дружелюбно?

– Да, но без фамильярности.

– Вы общались в неформальной обстановке? – Я улыбнулась Оливии.

– Иногда мы с Патриком и Китти из канцелярии втроем ходили в бар, но Джеймс к нам никогда не присоединялся.

– Отчего же?

– У него то было много работы, то он говорил, что ему нужно домой, к семье.

– К его семье... – Я помолчала. Пусть зал прочувствует тот факт, что он женат и воспитывает двоих малолетних детей. – Но все изменилось, не правда ли? – продолжала я.

– Да.

– Шестнадцатого мая вы вместе пошли в бар?

– Да.

– А до этого вы, кажется, проводили вечер с подругами? – Я улыбнулась, давая понять, что ничего предосудительного в этом нет. «Все мы иногда выпиваем с друзьями по бокалу вина», – говорили моя манера и спокойный, деловитый тон.

Присяжные услышали, что в «Маркизе Грэнби» Оливия выпила два джина с тоником в компании бывших коллег из центрального офиса партии консерваторов и в «слегка приподнятом настроении» около десяти часов вечера вернулась в палату общин за забытой спортивной сумкой. Проходя через Нью-Пэлас-Ярд, она столкнулась с Джеймсом Уайтхаусом.

– Это место отмечено буквой А на первой карте в ваших папках. Встреча произошла возле Порткаллис-Хаус и Вестминстер-холла, – сказала я присяжным, показав нужный листок.

Зашелестели бумаги: присяжные с интересом открыли папки-скоросшиватели и принялись искать нужный лист. Все любят карты, пусть даже пока на них особо нечего искать. Мне хотелось, чтобы присяжные визуализировали встречу Оливии и Джеймса в точке, отмеченной на карте крестиком. Пусть привыкнут к планировке палаты общин, к лабиринту боковых коридоров и секретных ходов, словно созданных для тайных встреч, политических и романтических. Зерно этой мысли следовало заронить уже сейчас.

– Что случилось потом? Вы разговаривали? – спросила я.

– Да. – Голос Оливии дрогнул, и я предостерегающе посмотрела на нее. Сейчас нельзя ошибиться, нам еще далеко до основных фактов. Я дружески улыбнулась ей, но в моей улыбке сквозила прохлада. – Я увидела, что он идет навстречу, и поздоровалась, но оступилась и споткнулась. Наверное, от волнения. Заседания в тот вечер не было, я не ожидала увидеть Джеймса. Я просто торопилась за сумкой.

– И что случилось, когда вы оступились?

– Он мне помог. Поддержал под локоть, пока я не восстановила равновесие, и спросил, все ли со мной в порядке, что-то вроде этого.

– А раньше он вам так помогал, поддерживал под локоток?

– Нет, он никогда до меня не дотрагивался. В офисе все держались официально.

– Он продолжал держать вас под локоть?
– Нет, он сразу опустил руку, как только я надела слетевшую туфлю.
– А потом? – продолжала я. Другая подвыпившая девушка поспешила бы уйти по своим делам, но здесь вышло иначе. Я не стала наводить разговор на эту тему: надо дожидаться, пока ляжет на место следующий кусочек головоломки.

Оливия чуть улыбнулась и ответила дрогнувшим голосом:

– Он пригласил меня выпить.

Я повела беседу дальше. Вопрос – ответ, вопрос – ответ. Нужно держать ритм, не торопиться. Пусть беседа течет ровно и приятно, не обгоняя ручку судьи.

Мы подтвердили, что отношения начались и через неделю у них уже был секс. Глазки Оранжевой Физиономии стали как щелочки. Да, да, они занимались сексом, в этом и состоит суть разбирательства, перестаньте уже ханжествовать. Конечно, я ничем не выдаю свое раздражение. Я с безмятежным спокойствием перевожу взгляд с одного присяжного на другого, не задерживаясь. Я занята тем, чтобы разговорить свою главную свидетельницу, которая уже немного освоилась и держится свободнее. Голос у нее уже не такой тонкий и не срывается.

Я не хотела, чтобы она вдавалась в подробности их отношений – так она просто сдаст себя Анджеле, когда та будет спрашивать ее о прошлых сексуальных связях, которые, как заявляет обвинение, не имеют отношения к разбирательству. Мы произнесли стандартные фразы, смысл которых сводился к тому, что отношения имели место, и теперь пора было переходить к тому, что случилось в лифте.

Но Оливия воспротивилась, не пожелав оставаться в определенных мною границах и придерживаться фактов.

– Я не хотела, чтобы они заканчивались, – добавила она, когда я попросила ее подтвердить, что отношения закончились шестого октября. Ее голос упал почти до шепота, густая прядь закрыла лицо.

Не уточняя, почему, я приготовилась вести допрос дальше, но Оливия явно хотела, чтобы эту часть рассказа услышали все. Она вскинула голову – волосы скользнули по щеке. Глаза ее были мокрыми, но голос стал неожиданно звучным, и в зале прозвенело признание:

– Я не хотела, чтобы отношения заканчивались, потому что была влюблена в него.

Глава 14

Софи

25 апреля 2017 года

Софи дрожала всем телом. Едва она переступила порог своего дома, как ее затрясло. Тело предало ее, чего никогда не случалось на людях: колени постукивали друг о друга, перестав подчиняться, ставя под сомнение ее безупречный самоконтроль.

Желудок вывернуло наизнанку, едва она добежала до туалета на первом этаже, бросив сумку на пол. Ее содержимое раскатилось по плитке с эдвардианским узором – помада, кошелек, записная книжка, мобильный. Телефон не выдержал падения – по экрану аккуратной диагональю пробежала тонкая трещина, разошедшаяся вниз на крохотные осколки. Собирая вещи в сумку, Софи машинально провела пальцем по трещине – и вздрогнула от боли, порезавшись крохотным осколком.

Она заплакала, вздрагивая сгорбленными плечами, но подавила рыдания, направляясь к спальне, потому что Кристина, наверное, сейчас наверху в своей комнате, а Софи в этот момент не смогла бы вынести ее нежной, настойчивой поддержки. Помощница всегда была рада выказать сочувствие. Ее робкие карие глаза грозили переполниться слезами, когда по утрам она уводила детей в школу, и Софи хотелось накричать на нее, чтобы она собралась, чтобы вела себя сдержаннее при детях, как приходится делать ей, матери, как ей постоянно приходилось делать раньше. Где же эгоизм юной девушки, которого она вдоволь натерпелась от Ольги, предыдущей помощницы по хозяйству? Та постоянно ополовинивала «Бена и Джерри» – выгребала мороженое из стаканчика прямо в свой огромный разинутый рот и ставила почти пустую упаковку обратно в морозилку.

Кристина стала невольной свидетельницей разгорающегося гнусного скандала: она была в доме в тот поздний октябрьский вечер, когда все началось, она никуда не ушла в кошмарные первые выходные, когда дом осаждали папарацци, она даже, благослови ее Господь, открывала входную дверь и лгала ради Софи.

– Миссис Уайтхаус с детьми нет дома, – сказала она самому бесцеремонному из фотографов, болтавшемуся у забора, когда в понедельник Джеймс уехал в Вестминстер, а им устроили настоящую осаду в собственном доме. Софи с Эмили и Финном прятались в комнате

Эм в глубине дома, а эта восемнадцатилетняя худышка с очаровательным французским акцентом, отступив от полученных инструкций («Просто скажи им, что нас нет дома, и закрой дверь вежливо, но решительно»), начала буквально умолять репортеров звенящим от негодования голосом:

– Пожа-а-луйста! Миссис Уайтхаус нет дома. Пожа-а-луйста! Нельзя ли оставить их в поко-о-е?

Сдерживая рыдания, Софи прислушалась.

– Кристина? – позвала она, подняв голову – комната помощницы была на втором этаже. Тишина. У Софи от невероятного облегчения заломило все тело: она в доме одна! Закрывшись в спальне, она прижалась к радиатору, ощущая спиной тепло, подтянула колени к груди и обхватила их руками, будто греясь в чьих-то объятиях, будто, как призналась себе Софи, сотрясаясь от пробежавшей по телу нервной дрожи (колени сами собой снова начали постукивать друг о друга), она вновь оказалась в материнской утробе.

Софи просидела так добрых минут пять. Слезы текли по щекам, оставляя блестящие дорожки, но рыдания оставались беззвучными. Сорок лет упражняясь в искусстве самоконтроля, она теперь чувствовала себя неловко, однако какое же это облегчение – дать волю чувствам! Она достала платок и шумно высморкалась, потом вытерла мокрые щеки и отважилась взглянуть на себя в зеркало. Лицо в красных пятнах и потеках туши. Ужас какой-то. Софи пошла в ванную, умылась холодной водой и, взяв очищающий лосьон, стала тщательно стирать большим ватным диском следы утреннего поражения – тушь, тональный крем-основу, подводку, страх, вину, стыд и нестерпимую, гложущую тоску. Аккуратно промокнув кожу, Софи нанесла на нее увлажняющий крем и безучастно смотрела на лицо, которое не в силах была признать своим – или предпочитала не узнавать. Через минуту она начала заново восстанавливать лицо – и себя.

Софи пришла в суд, переодевшись до неузнаваемости, и ушла, как только Оливия заявила о своей влюбленности в ее мужа, снискав молчаливое сочувствие аудитории. Некоторые присяжные прямо-таки заслушались, когда в зале зазвенел ее взволнованный голос.

Джеймс не знал, что Софи присутствует на процессе: после предварительных слушаний она категорически отказалась посещать заседания. Она не в состоянии это выносить, и ей все равно, что Крис Кларк считает необходимым для политической реабилитации ее мужа после процесса.

– Вы не можете сейчас оставить его без поддержки! – кипятился директор отдела по связям с общественностью, брызгая слюной.

– Я поддерживаю мужа, но не обязана сидеть там и покорно глотать все это, – отрезала Софи. – Мое присутствие даст вам только лишний снимок для прессы.

Побагровевший Крис поперхнулся, но в конце концов нехотя признал, что Софи права.

Она сама удивлялась своей внутренней решимости и непривычной ярости, поднявшейся в ней от их настойчивости.

– Проблема женщин в том, – как-то откровенничал с ней Джеймс (на подобное обобщение он ни за что не решился бы в присутствии коллег, но дома позволил себе расслабиться), – что им не хватает смелости отстаивать свои убеждения. За исключением Маргарет Тэтчер, у женщин нет нашей, мужской, уверенности в себе.

Так вот, на этот раз Софи настояла на своем. Джеймс был «разочарован» – он произнес это слово с холодными глазами и не без лицемерия, хотя ему ли это говорить? В Софи вновь вспыхнула улегшаяся было ярость. Разумеется, он уважает ее решение, а как же иначе, ведь он ее любит и не хочет подвергать новым унижениям. А может, в глубине души Джеймс испытал облегчение? Когда-то он отказался присутствовать при родах из опасения, что это негативно отразится на их сексуальной жизни. Может, сейчас он боится, что откровения Оливии и вовсе убьют супружеский секс?

Какая любовь в силах пережить интимнейшие подробности встреч с другой женщиной? Можно простить неверность – и не один раз, если потребуется. Софи это знала, потому что видела, как ее мать жила с ее отцом, и потому что в Оксфорде Джеймс ей постоянно изменял. Софи отказывалась это признавать, игнорировала насмешки других девушек, обещавших его отбить, ни разу не предъявила Джеймсу ультиматум, не заставила выбирать между нею и соперницами. Измены пережить можно, если говорить себе: это чисто физические половые акты, никаких чувств там нет. Это просто секс, а любит твой муж тебя и только тебя.

Но как устоять браку, если приходится выслушивать все детали связи на стороне? Если люди разбирают те отношения по косточкам, как стервятники падаль? Если сам твой брак попадает в фокус всеобщего внимания, если в нем выискивают недостатки и ставят его под сомнение? Если узнаешь, что другая женщина любила твоего мужа и, хуже того, верила, что и он любит ее, потому что он намекал на какие-то теплые чувства? Длившийся пять месяцев роман с сослуживицей, с которой его объединяло тесное сотрудничество и искреннее восхищение, – это не какой-то разовый секс. Такие отношения, если в них замешан Джеймс, не

могут развиваться без чувства. Ее муж бывает циничным – Софи помнила, каким взглядом на фуршетах он обводил собравшихся в комнате, решая, кто ему нужен или интересен, и уклоняясь от бесполезного общения, – но он может быть и очень нежным.

Устоит ли ее брак, если Софи придется выслушать все это с начала до конца? Узнать, что она не единственная, с кем Джеймс занимался любовью – именно любовью, или что секс с любовницей, пусть даже грубый (именно так думала сейчас Софи), такой же, как был у него с ней? Что прослеживается явное сходство в том, как он целовал их, щипал им соски, играл с ними обеими, и что самая интимная сторона их брака вовсе не так уникальна, как Софи всегда казалось? Что их отношения, которые она всегда ставила на первое место, выше – сейчас ей было за это стыдно – даже своих детей, вовсе не такие особенные, как она когда-то верила?

Страх узнать все это заставил ее проявить упорство и настоять, чтобы ее оставили в покое. Страх – и неизбежное унижение, перспектива сгорать со стыда под пристальными критическими взглядами судьи, присяжных и специфической публики – студентов юридических факультетов, иностранных туристов, англичанами, приехавших в Лондон на денек и негаданно попавших на захватывающее действо в зале суда, с которым не сравнятся никакие телешоу.

Софи всегда везло – ее блестящей жизнью можно было любоваться, как полновесным, без раковин, золотом слитком. Второе имя у нее Миранда – «та, которой восхищаются», и Софи считала, что оно подходит ей как нельзя лучше. Но в последние полгода удача отвернулась от нее, и привычное восхищение сменилось почти злорадной жалостью. Жгучая зависть, достигшая апогея, когда Джеймса выбрали в парламент и он стал отвозить детей в школу раз в неделю, свернулась, как скисшее молоко, превратившись в фальшивое сочувствие и откровенную подозрительность. Вначале прекратились приглашения на чашку кофе, затем ее попросили покинуть школьный комитет из опасения, что значительные собранные суммы как-нибудь исчезнут. Мамаши, раньше наперебой напрашивавшиеся от имени своих детей в гости и зазывавшие к себе Эм и Финна, вдруг словно онемели. Это оскорбляло самолюбие, подтачивало мужество, задевало болезненнее, чем Софи готова была признаться. А что начнется в суде, как вынести такое унижение?

Однако в последний момент она не смогла остаться дома, поддавшись внезапному желанию услышать из первых уст, что все-таки произошло, и понять, что грозит ее мужу. Это желание походило на острую боль в груди, которую хочется выкашлять и выплюнуть, потому что невозможно терпеть.

И Софи поступила совершенно нехарактерно для себя: натянула спортивные штаны и кроссовки, надвинула на брови шерстяную шапку и нацепила на нос очки в роговой оправе, которые Джеймс презирал (поэтому Софи пользовалась очками, лишь когда ездила на машине в Девон). В таком виде она поднялась на галерею и села в уголке.

Если на предварительное слушание она демонстративно шла через главный вход за руку с мужем, словно бросая вызов толпе фотографов, то сегодня тихо заняла очередь на галерею за двумя широкоплечими чернокожими парнями в бомберах, обсуждавшими предыдущий срок своего приятеля и строивших догадки, сколько ему могут дать на этот раз:

– Четыре как пить дать.

– Не, ты че, два!

Тот, что покрупнее, хрустел пальцами и покачивался с носка на пятку. Тестостерон и адреналин так и прыскали из него, а энергия казалась настолько заразной, что Софи невольно посматривала в его сторону, хотя и всячески старалась казаться незаметной.

– Э-э, мобила!

Софи вздрогнула, когда парень показал пальцем на ее айфон. Но его бас звучал успокаивающе-сексуально, и взгляд был не дерзким, а серьезным.

– С мобилой в зал суда не пустят. Мобилы надо оставлять.

Софи, упустившей это из виду, стало стыдно. Чернокожий оказался настоящим рыцарем: как только она перестала делать вид, что подобных ему нужно опасаться, он сообщил, что через дом от здания суда, в бюро путешествий, берут телефоны на хранение за один фунт. Он там свой и оставил, с энтузиазмом добавил парень.

В итоге Софи выдержала только полчаса показаний Оливии. Сидя в заднем ряду галереи среди американских студентов-юристов, которые перед этим побывали в другом зале, где слушалось дело террористов, Софи не могла видеть свидетельницу, но по газетам и теленовостям знала, что мисс Литтон высокая и стройная девушка. То есть копия Софи, но со светлыми волосами. Копия той Софи, какой она была пятнадцать лет назад.

Но она прекрасно слышала Оливию и чувствовала ее через прерывающийся голос – и через реакцию присяжных, которые сначала были заинтригованы, затем шокированы и наконец прониклись к ней сочувствием, когда она призналась в своей влюбленности. Софи внимательно смотрела на мужа, словно всеми забытого на скамье подсудимых: он ловил каждое слово Оливии и иногда что-то писал на листке, чтобы передать потом своему адвокату.

Когда Оливия подтвердила даты начала и окончания отношений, Софи вспомнила, как убеждала себя, что Джеймс просто задерживается на работе. Ей вдруг стало не хватать воздуха, и она поспешно протолкалась мимо длинноногих американских студенток в джинсах и больших белых кроссовках, одними губами повторяя извинения в ответ на недоуменные взгляды. Больше всего Софи хотелось, чтобы ее не заметили из зала. Ей удалось бесшумно приоткрыть тяжелую дубовую дверь и выскользнуть в коридор.

Забрав айфон, Софи на Ладгейт-Хилл остановила черное такси, и вот она дома, за надежными, крепкими стенами. Попытку присутствовать на разбирательстве инкогнито можно было считать удавшейся, но ее не оставляло чувство жгучего стыда. Она не знала, сможет ли появиться там еще раз. Сможет ли сидеть в зале и слушать все более откровенный рассказ, все более непристойные подробности? Ведь именно это ей предстоит? Тот факт, что ее мужа, ее любящего мужа, обожающего их детей и, в свою очередь, пользующегося почти всеобщим обожанием, обвиняют в чем-то позорном, непристойном, в том, о чем Софи не желала даже слышать, – в изнасиловании, прости господи, в худшем, по ее мнению, преступлении после убийства, – не укладывался у нее в голове, не сочетался с ее образом Джеймса.

Софи начала бросать одежду в дорожную сумку. Она понимала, что это нелепо, но рефлекс «бей или беги» пересилил. Она не могла оставаться здесь, в этой изящной комнате, выдержанной в мягких серых и белых тонах, с тонким постельным бельем из добротного, плотного египетского хлопка и кашемировыми пледами, с блестящими поверхностями для, как выражался Джеймс, ее притираний и снадобий, с коллекцией драгоценностей, доставшейся ей от бабки и сократившейся до минимума.

– Спальню давай оформим под номер в отеле, – попросил Софи в свое время Джеймс, чуть ли не единственный раз покусившись на ее епархию – домашний дизайн. – Чтобы возникало ощущение декаданса и желание пошалить. – И он запустил руку ей под блузку.

Теперь Софи не знала, номер какого отеля муж имел в виду и с кем он там «шалил». С сильно бьющимся сердцем, точно твердый молоточек выстукивал изнутри по ребрам, она вбежала в комнаты детей. Рывком выдвигая ящики, вываливала из них на пол джинсы, футболки, толстовки, трусы и носки, пижамы, пару книжек, любимые мягкие игрушки. В ванной Софи сгребла зубные щетки и туалетные принадлежности, калпол, бенилин, ибупрофен. В холле она забрала три пары резиновых сапог, ее туристические ботинки, шапки, перчатки, плащи, непромокаемые куртки. В

кухне – детские бутылочки с водой, фрукты и «контрабанду», которая обычно выдавалась редко: чипсы, зерновые батончики, конфеты, оставшиеся с разных вечеринок, шоколадное печенье. Открыв холодильник, Софи после некоторого колебания откупорила бутылку белого вина и очень медленно сделала большой глоток.

В полчетвертого она уже стояла у школы, развернув машину в западном направлении. На шоссе вот-вот начнутся заторы – скоро час пик, и Софи хотелось проехать до пробок. Взглянув в зеркало, она обратила внимание, как горят у нее глаза. Оставалось надеяться, что Эмили примет это за приподнятое настроение, не догадавшись о ее волнении. Морщинки в уголках глаз, яснее проступившие от недостатка сна и слез, выдавали лишь страх и боль.

Финн вылетел из ворот первым и, расплывшись в улыбке, кинулся обнимать мамины ноги. Ее маленький комочек любви...

– А почему нас не Кристина забирает? – Эмили, постукивая рюкзаком по щиколоткам, оказалась более бдительной.

– Потому что забираю я, – улыбнулась Софи. – Пойдемте в машину.

– А где папа? Как прошел его день в суде?

Софи сделала вид, что не расслышала, ведя детей к внедорожнику сквозь группу своих прежних подруг. Эти мумии с кошачьими глазами сразу навестили уши при звуке звонкого голоса Эмили.

– Не здесь, дорогая, – пробормотала Софи, подавив желание резко одернуть дочь и чуть не бегом направляясь к машине. – А вот и наша машинка! – медовым голосом пропела она. – Ну-ка, залезайте!

Руки у нее дрожали, когда она вставила ключ в зажигание и завела машину. Зрачки, как она случайно заметила в зеркале, стали огромными, как пуговицы. Софи чувствовала, что на нее смотрят, прекрасно понимала, что слишком взвинчена, чтобы отправляться в долгую поездку с двумя маленькими детьми, но при этом сознавала, что ехать все равно придется. Она отпила глоток воды, залив подбородок, провела пальцем по приборной панели и отъехала от школы.

Огромный автомобиль, напоминающий скорее сверкающий черный танк – хромированные бамперы, ослепительный блеск и ярость, – свирепо засигналил. Софи резко вывернула руль, едва избежав столкновения, и покаянно воздела руки.

– Мама! – Голос Эмили перешел в вопль. – Я же еще ремень не пристегнула!

– Извини! – еле сдерживаясь, рывкнула Софи, близкая к истерике. Голос ее завибрировал: – Извините меня, по-жа-луй-ста!

В машине стало звеняще тихо.

– Мама, – отважился наконец спросить Финн, когда они выбрались на шоссе и поехали на запад, оставляя позади небоскребы и неопределенность. – А куда мы едем?

На секунду Софи стало легче: она предвидела этот вопрос и заранее придумала ответ.

– Навстречу приключениям, – отозвалась она.

Глава 15

Холли

16 января 1993 года

В библиотеке колледжа пахло книгами – сухо и сладко, точно к запаху пергамента примешивался аромат чистой, хрустящей соломы. Не как в книжном магазине, где, кроме бумаги, можно учуять испарения мокрых плащей покупателей и затхлый душок от какого-нибудь сэндвича с тунцом, который запихнули в рот при входе в магазин и тихо отрыгнули, или пивное дыхание после недавнего визита в «Кингс-Армз».

Впервые посетив библиотеку, существующую с середины семнадцатого века, Холли поразились именно запаху книг – чистому, без примесей, за исключением нотки растворимого кофе, дымившегося в массивной глиняной кружке старшего библиотекаря. Кроме запаха, девушку потрясли ряды книг, поднимавшиеся от толстого ковра почти до цилиндрического свода. Секции потолка, выкрашенные в бледно-розовый цвет детского ноготка и нежный мятно-зеленый, разделяли перекрещивающиеся золотые полосы с белыми лепными розетками на каждом пересечении.

В высоту можно было насчитать больше десятка полок: внизу ровными рядами стояли толстые энциклопедии в кожаных переплетах, а на самом верху были учебники в мягких обложках, к которым полагалось взбираться по деревянной стремянке, скрипевшей всеми суставами под весом студентов. Всего Холли насчитала шестнадцать глубоких ниш с полками, таившими, соответственно, произведения английской, французской, немецкой, итальянской литературы, сочинения древнегреческих авторов и великих латинян, труды по философии, политике и экономике, географии, теологии, музыке, истории искусств и юриспруденции. Под историю отводилось отдельное здание – видимо, из уважения к необъятности предмета, не умещавшегося на этих полках. Холли не часто видела здесь студентов с химического, биохимического и математического факультетов: видимо, основные знания они получали не в тихих, располагающих к учебе библиотечных залах, а во вполне современных лабораториях.

Было полдевятого утра – ее любимое время, когда в библиотеке никого не бывает, кроме главного библиотекаря, суетливого Фуллера, которого

девушка называла Тумнусом в честь фавна из книги «Лев, колдунья и платяной шкаф». Мистер Фуллер заметно напрягался, если студент осмеливался громко заговорить или, боже упаси, приходил за приятелем, а не за книгой, но к Холли он относился с симпатией. Вот и сейчас главный библиотекарь молча кивнул ей и принялся перебирать содержимое маленьких дубовых выдвижных ящичков с каталожными карточками, на которых книги значились по индексам, по авторам в алфавитном порядке и, наконец, по названиям. В Бодлеанской библиотеке имелся и электронный каталог, но введение подобных новшеств требует времени, а нужды в спешке здесь никто не видел. На книгах не было ни пылинки, зато едва заметный слой пыли покрывал монитор библиотечного компьютера. Безукоризненный порядок поддерживался старой доброй каталожной системой: на одних карточках, пожелтевших за полвека, названия были напечатаны на машинке, на других – написаны от руки. Система не давала сбоев больше ста лет, и не было причин от нее отказываться. Для выдвижных дубовых ящичков по-прежнему находилась работа.

Библиотекарь, энергично снуя по покрытому ковром проходу, расставлял по местам возвращенные книги и рассортировывал груды томов, которыми пользовались ночью, да так и оставили. Если не считать стука его брогов и редких неодобрительных возгласов при виде безобразного эгоизма студентов, в библиотеке царила тишина. Холли, можно сказать, была наедине с десятками тысяч книг.

Она сладко потянулась, радуясь солнечному свету, лившемуся через высокое стрельчатое окно и бросавшему яркие пятна на страницу ее блокнота. В лучах танцевали пылинки, причудливая тень ажурного переплета ложилась на раскрытую книгу. Через окно на другой стороне площади Холли видела перекрещивающиеся лестницы; по одной как раз сбегала нечеткая за толстым стеклом фигурка. Девушка не уставала восхищаться утонченной красотой и таинственностью Оксфорда: столько судеб, столько историй, разворачивавшихся в библиотеках, столовых, под лодочными навесами, в барах, ночных клубах, музеях, садах и даже в яликах!

Оксфорд служил подлинным местом открытий: за восемь недель семестра тысячи жизней были здесь осмыслены или переосмыслены, тысячи историй написаны и переписаны, тысячи интимных связей испробованы и отвергнуты, политические убеждения проверены на прочность, сменены или отброшены.

Первокурсники, гордо улыбающиеся на первом официальном групповом снимке, мало чем напоминают себя три года спустя, когда на

вручении диплома подбрасывают в воздух академические квадратные шапочки, швыряют друг в друга яйцами и осыпают мукой – одни смущенно, другие с нескрываемой радостью и облегчением: вот-вот жизнь, полная интеллектуальных, социальных и сексуальных открытий, примет их в свои объятия.

Холли была к этому готова. Проучившись всего семестр, она чувствовала, что меняется: сглаживался акцент, словно более теплый климат Оксфордшира растопил ее резкую скороговорку, крепла вера в себя, отступала привычная настороженность, и она понемногу начала верить, что имеет такое же право учиться в Оксфорде, как другие. От этой мысли ей становилось не по себе. Неужели она действительно в это верит? Ну да, немножко. Холли по-прежнему чувствовала себя самозванкой, но, может, с остальными та же история?

– Я на математическом для галочки, – хмуро призналась Элисон одним поздним вечером. Сидя за учебником, который для Холли с тем же успехом мог быть написан по-русски, она провела тонкую аккуратную черту через исписанную вычислениями страницу. – Меня приняли в рамках гендерной квоты... Я чувствую себя наглой обманщицей, – неожиданно добавила она.

Но Холли была абсолютно счастлива учиться в Оксфорде – при мысли об этом по ее телу прокатывалась неслышная, но сильная вибрация, а в груди что-то на мгновение сжималось – и одновременно готово было взорваться от восторга. Здесь она могла быть собой – особенно в библиотеке, созданной для того, чтобы погрузиться в ее книжные недра и больше не скрывать свой острый ум. Одноклассники постоянно третировали Холли из-за ее блестящих способностей, и девочка замкнулась, перестала отвечать на вопросы учителей, сутулилась и смотрела в одну точку на полу, словно мечтая стать невидимой. Хуже способностей могло быть только неумение скрыть их под слоями туши и сарказма. В школе, где училась Холли, главной целью девочек было найти бойфренда, а ум мог этому только помешать.

Но в выпускном классе, уже зная, что будет поступать в Оксфорд, Холли стала вести себя более уверенно – снова начала говорить нормальным голосом и не скрывала своих знаний, хоть вначале и делала это осторожно. «Вот я какая», – будто говорила она всякий раз, поднимая руку, чтобы ответить на вопрос миссис Торогуд о свободной воле и предопределенности в «Мельнице на Флоссе» или о Берте Рочестер как демоническом двойнике Джейн Эйр. Близилась экзамены на аттестат зрелости, и Холли считала месяцы до выпуска, ощущая запах свободы и предвидя скорое спасение от травли одноклассниц и от ехидных замечаний,

что она некрасивая, толстая, носит недостаточно короткие юбки и неправильно повязывает галстук – широкий конец надо захлестывать строго на уровне между второй и третьей пуговицами и вязать самый узенький узел. В последний день экзаменов Холли повергла в шок школьную общественность, явившись на сочинение о Шекспире в старомодной плиссированной юбке, под которой ляжки терлись друг о друга, в галстук, дерзко завязанном самым широким узлом, – и излила на бумагу свою душу. Ее злейшая мучительница Тори Фокс потом допытывалась, где Холли взяла материал, и девушка не осмелилась сказать правду, не рискнула признаться, что для нее все это несложно. И только когда она получила четыре пятерки, все поняли, что к чему.

Холли встала из-за стола, решив встряхнуться и еще раз полюбоваться одним из лучших видов Оксфорда. Готическая церковь Святой Девы Марии казалась меньше рядом с ротондой Рэдклиффа, выстроенной в стиле классицизма: вздымающийся фаллос шпиля не мог затмить круглый купол, наука пересиливала религиозное поклонение, самодостаточность побеждала самовозвеличивание. Поэтому Холли с тайным удовлетворением приходила на западную сторону мощеной площади, где вокруг были одни библиотеки, и в центре – самая красивая из них, и вся эта красота, история и традиции существовали ради торжества науки и на благо учащихся. Ей больше не нужно было стыдиться желания почитать книгу или быть самой собой.

Опасения Холли, что ей не с кем будет общаться, не оправдались. Пусть ей не стать своей в кругу подружек Софи, но, наверное, это не такая большая проблема. У Холли есть друзья не только в колледже – например, серьезные честолюбивые парни из редакции студенческой газеты, собирающиеся на стажировку в крупные газеты или на Би-би-си – или уже стажирующиеся. А еще есть Элисон, с которой можно выпить сидра в баре колледжа и которая почему-то ее любит, хотя Холли до сих пор упирается, когда подруга тащит ее в ночные клубы на Парк-энд-стрит: то она не так одета, то не так двигается, то фигура у нее слишком нескладная для клуба.

Холли не боялась, что ее сочтут странной, ибо в Оксфорде, как она убедилась, были и другие студенты, выделявшиеся из общей массы. Этого было достаточно, чтобы девушка убедилась: она здесь освоится. Впервые в жизни Холли оказалась среди своих и вздохнула с облегчением. Постоянная тревога, терзавшая ее в школе каждый день и отступавшая только в автобусе по дороге домой, когда Холли успокаивала себя наскоро проглоченным «Твиксом», теперь лишь изредка напоминала о себе – например, если в городе ей случалось столкнуться с Софи и ее

подружками. Теперь Холли жила с новым упоительным ощущением твердой веры в себя, долгожданной легкости и счастья.

Глава 16

Кейт

26 апреля 2017 года

Третий день суда. Оливия Литтон выглядит так, будто пришла на собеседование: платье-рубашку сменила белоснежная блузка и хорошо скроенные темно-синий жакет и юбка. Волосы, которые вчера она то и дело заправляла за ухо, убраны назад и удерживаются целым набором заколок. Цель – сделать свидетельницу моложе и менее элегантной. Такая прическа подчеркивает ее острые скулы, с ней Оливия выглядит жестче.

Сегодня утром она еще бледнее. Я гадаю, спала ли она вообще. Глаза ее горят искусственной бодростью – не то от адреналина, не то от кофе без сахара, купленного в здешней столовой. Взгляд Оливии стал тверже. Эли, обычно тактичная, однажды сказала, что ни одной женщине до конца не понять родовые муки, пока она сама не родит. Точно так же Оливия не могла предвидеть, как трудно окажется давать показания. Несмотря на все старания суда проявлять деликатность, я знаю мало главных свидетельниц в делах об изнасиловании, которые смогли нормально все это выдержать.

Зал уже почти полон. Я заново устраиваюсь на рабочем месте: строю крепость из толстых папок с документами, выравниваю ручки, ставлю графин с водой и стакан, защищаю себя книгами и скоросшивателями. Присяжные устраиваются на прежних местах, а группа журналистов – не какой-нибудь замученный, в лоснящемся костюме и грязном галстуке судебный репортер из агентства новостей, а опытные профессионалы из крупных газет и таблоидов, – бочком протискиваются на места для прессы, роняя блокноты.

Вот Джим Стивенс из «Кроникл», писака старой школы, уже заправившийся пивом и сигаретами. Лицо под черной щетиной выглядит нездорово красным – должно быть, из-за пристрастия к спиртному. Стивенс – один из немногих, кто работает репортером еще с тех пор, когда пресса именовалась «Флит-стрит». На него легко смотреть с пренебрежением, когда вокруг столько азартных стажеров с высшим образованием, но я читаю статьи Джима Стивенса и ценю его.

Софи Уайтхаус на третье заседание не пришла.

– Сбежала, – полушепотом сообщила Анджела Риган, с осуждением кривя губы.

Я переглянулась со своим помощником Тимом Шарплзом, медлительным вялым парнем с хорошим чувством черного юмора.

– Смылась в Девон, к мамаше под крылышко, – угрюмо пояснила адвокатесса.

Такое подчеркнутое, упорное отсутствие супруги в зале невыгодно для ее клиента. Я начинаю деятельно искать какой-то документ в толстой папке, перелистывая бумаги с ненужной поспешностью, и, закусив губу, прячу улыбку, о которой Анджела, настоящий уличный боец среди оппонентов, не может не догадываться.

В зале зашикали, и наступило тяжелое молчание. Шорохи стихли. Слышно мерное тиканье настенных часов. Все готово. Я стою, как актриса на сцене, пока его светлость судья высокого суда не даст понять, что можно начинать. Я поворачиваюсь к Оливии. Пора заставить ее рассказать самую суть произошедшего.

– Хочу попросить вас вернуться к событиям тринадцатого октября, – говорю я. Мой голос звучит сдержанно и убедительно. – В тот день, если я не ошибаюсь, вы должны были вместе присутствовать на совещании специальной комиссии министерства внутренних дел?

– Да. Джеймс должен был выступить в поддержку новой стратегии противодействия экстремизму, которую мы намеревались внедрить...

– На простом английском это, наверное, способы, которыми правительство намерено останавливать потенциальных террористов?

– Да. – Оливия выпрямилась, почувствовав себя увереннее: адвокаты не станут цепляться к рассказу о работе госслужащих. – Обычно подобная информация конфиденциальным образом предоставляется специальному комитету по разведке, но там шла борьба за сферы влияний между главами комиссии...

– Кажется, совещание было назначено на утро? Во сколько вы туда пошли?

– Без нескольких минут девять. Джеймс нервничал и сказал, что хочет поговорить со мной за чашкой кофе.

Я сдвинула очки на переносицу и повернулась к присяжным. Услужливый мужчина средних лет – брюшко натягивает выглаженную рубашку, сегодня он пришел в красивом темно-синем галстуке, – улыбнулся, угадав мой следующий вопрос. Потому что я третий день исполняю перед ними ритуальный танец, и жюри уже выучило многие па.

– Вы сказали «Джеймс нервничал»? Отчего же?

– В «Таймс» появилась нелестная статья, и автором был журналист, которого Джеймс знал и ценил – они вместе учились в Оксфорде. Джеймс

думал, что этот человек тоже хорошо к нему относится. Тон статьи был довольно ядовитый, и Джеймсу никак не удавалось перевести все в шутку. Он то и дело повторял самые обидные фразы, будто не мог выбросить их из головы.

– У нас здесь как раз есть эта статья, – обратилась я к присяжным, открывая нужную страницу. – Вы можете найти ее у себя, это документ номер три в ваших папках.

Послышался шелест перелистываемых страниц: присяжные, которых наконец попросили что-то сделать, с готовностью подчинились. Признаться, я очень удивилась, когда судья разрешил использовать эту статью – она совершенно не в интересах подсудимого, однако мне удалось доказать, что это важная улика, ибо именно статья вызвала гнев у Джеймса Уайтхауса и подтолкнула его к предполагаемому изнасилованию.

– Вот она! – Я подняла листок в левой руке и потрясла им, проверяя, все ли нашли. – Из утренней «Таймс» от тринадцатого октября, написана корреспондентом Марком Фицуильямом. Он пишет о влиянии новых законов против терроризма, но нас больше интересует та часть, которая начинается со второго параграфа, – как мы предполагаем, именно она вывела подсудимого из себя.

Я взглянула на Анджелу, но адвокатесса оставила мою реплику без комментариев, как мы и договорились на предварительных слушаниях: мы все согласились, что статья на редкость негативная. Я откашлялась.

– Позвольте, я начну... «Когда Джеймс Уайтхаус вошел в правительство, многие ожидали, что он станет «новой метлой», которая выметет часть наиболее драконовских антитеррористических законов. Однако близкий друг премьер-министра и давний член его «кухонного» кабинета превзошел своего предшественника в покушении на национальные гражданские свободы, точно член клуба «Либертены», вознамерившийся разгромить оксфордский ресторанчик, перебив окна, обезобразив стены, залив ковры сотней бутылок шампанского. Даже в этом печально известном обеденном клубе Джеймс Уайтхаус выделялся своим неслыханным пренебрежением к владельцам и работникам подобных заведений. С какой стати ему обращать внимание на разгром, чужое недовольство и хлопоты по устранению хаоса, учиненного им и его дружками, если пачка полусотенных банкнот предлагает готовое решение? Рожденный с серебряной ложкой во рту, Джеймс Уайтхаус попросту не понимает, как его поведение сказывается на тех, чью жизнь он разрушает. Этот выпускник Итона вообще не задумывается о влиянии принятых антитеррористических законов на жизнь законопослушных мусульман,

которых он так защищает».

Я помолчала.

– Вы сказали, он «немного нервничал»? А справедливым ли будет сказать, что статья его разозлила?

– Ваша честь... – Анджела встала, потому что это был наводящий вопрос.

– Простите, ваша светлость. – Я слегка поклонилась судье. – Я перефразирую. Свидетельница, не могли бы вы подробнее описать реакцию мистера Уайтхауса на эту статью?

– Он был зол, – подтвердила Оливия. Она задумалась, и я на секунду увидела перед собой молодую женщину, которой судьба сулила отличную карьеру, если бы не эти злосчастные отношения. – Он был резок, но вместе с тем будто искал поддержки. Он словно забыл о дистанции, которую сам же установил между нами, и хотел вернуть былую близость. Очевидно, статья его очень задела. Он казался уязвленным.

– Вы говорите – «статья его очень задела». Как вы это поняли?

– По языку тела. Джеймс держался скованно и очень прямо, как шомпол, и шел очень быстро – мне пришлось почти бежать, чтобы не отстать. Обычно он отмахивался от критики, но тут, идя на совещание комиссии, все повторял фразы, которые задели его за живое.

– Простите, что прерываю вас: в какое время это было?

– Около четверти десятого. Обычно министр Уайтхаус появлялся на заседаниях перед самым началом, чтобы не разговаривать с «заднескамеечниками», если, конечно, это не входило в его планы. А в то утро ему как раз не хотелось ни с кем общаться. Когда он увидел, что члены комиссии собрались у пятнадцатой комнаты – кабинета Ллойда Джорджа – и проводили его взглядами, Джеймс сказал что-то вроде: «Сейчас я не могу этим заниматься» – и свернул по коридору в другую сторону.

– То есть в восточном направлении, к галерее прессы?

Присяжные опять зашуршали листками в своих папках.

– Да, совершенно верно.

Я назвала присяжным номер нужной карты – еще один коридор, ведущий от главной лестницы к месту преступления, фотоснимки которого тоже имелись в папках: невзрачный лифт с коричневым ковролином на полу.

– А что сделали вы, когда он свернул в другую сторону?

– Я пошла за ним.

– Вы пошли за ним? – Я замолчала, чтобы присутствующие осознали

сказанное. Оливия как хорошая работница преданно поспешила за своим начальником-министром. – Он сказал: «Сейчас я не могу этим заниматься», свернул в другую сторону, и вы последовали за ним. – Я сочувственно наклонила голову вбок: – А вы помните, что он при этом говорил?

– Он что-то бормотал еле слышно, затем остановился у двери, ведущей на галерею для прессы и к лифту, повернулся ко мне и сказал: «Неужели я действительно неслыханно надменен? Ты тоже считаешь меня надменным?» – Задохнувшись, она замолчала, точно бегунья, побившая личный рекорд усилием воли, выложившись до конца. Ее щеки пылали, силы практически иссякли.

– И что вы сделали, когда он это сказал? – спросила я самым деловым тоном, углубившись в свою папку, будто ответ вовсе не был важен.

– Я сказала, что он бывает безжалостным, когда ему это нужно. Иногда даже жестоким.

– И как он отреагировал?

– Ему это не понравилось. «Жестоким? – переспросил он и добавил: – Мне очень жаль».

– И что вы ответили? – спросила я. Все в зале прекрасно понимали ее чувства: брошенная любовница, наконец услышавшая долгожданное извинение.

– Я сказала... – Голос Оливии дрогнул, но в зале суда было очень тихо: все напряженно ловили каждое слово. И прозвучало то, что могло все погубить. – Я сказала, что иногда надменность бывает неотразимо привлекательной.

Мы продолжали показания, которые можно было истолковать как неблагоприятные для свидетельницы. Из коридора от кабинета, где шло заседание специальной комиссии, Джеймс Уайтхаус прошел к галерее для прессы, остановился у лифта, нажал кнопку вызова и пропустил Оливию вперед.

– Что случилось потом?

– Мы поцеловались. Мы как бы столкнулись...

– Как это понимать – вы столкнулись?

– Мы одновременно двинулись навстречу друг другу.

– Одновременно двинулись друг к другу? Значит, между вами существовало сильное влечение, хотя он якобы порвал с вами – кажется, вы сказали именно так – всего за неделю до этого.

– Мы были в отношениях пять месяцев... Мы были любовниками. – Оливия посмотрела на меня с вызовом, и мне даже стало интересно, что

она обо мне думает. Неужели она считает меня женщиной, не знающей непреодолимого сексуального влечения, слияния ртов, рук, ног, тел, когда весь мир уменьшается до двоих любящих, а в самые интимные моменты и вовсе исчезает?

Я улыбнулась, давая понять, чтобы она продолжала. Присяжным нужно это услышать, чтобы понять, как Оливия вообще попала в такую ситуацию. Пусть прочувствуют конфликт эмоций и поймут, что, несмотря на унижительный разрыв, Оливия не смогла остаться равнодушной, когда человек, которого она страстно любила, потянулся к ней с поцелуем.

– Нельзя же разом отменить чувства, даже если вас бросили. По крайней мере, не за такой короткий срок... и не когда вам хочется продолжать, – договорила она. – Я вот не смогла. Меня по-прежнему тянуло к Джеймсу. Я все еще любила его.

– Вы можете описать тот поцелуй?

Сейчас я вынуждена быть бесцеремонной.

Оливия непонимающе взглянула на меня.

– Было ли это целомудренное соприкосновение краешками губ?

– Нет, – смутилась она.

Я улыбнулась.

– Ну а каким словом вы могли бы его описать?

Оливия явно сгорала от стыда.

– Кажется, это называется французским поцелуем.

– Французским?

– Ну страстным, глубоким. С языком.

– Значит, вы поцеловались с языком. А можете вы вспомнить, что произошло потом?

– Он начал трогать мое тело. Мои груди и ягодицы... – Оливия замолчала.

– А затем? – рискнула я.

– Затем он... Он... рванул мою блузку и запустил руку под лифчик... к груди...

Я сделала паузу, чтобы присутствующие в зале почувствовали это унижение, это примененное без раздумий насилие. Возможно, я кажусь бессердечной, заставляя Оливию переживать все заново, однако это не так: я все представляю даже чересчур живо и хочу, чтобы и присяжные поняли, что она пережила тогда и что чувствует сейчас.

– А можно изложить подробнее? Значит, он сжимал ваши груди и ягодицы, затем рванул вашу блузку, чтобы добраться до бюстгалтера. Он запустил руку под бюстгалтер?

– Да. – Оливия с трудом сдерживала слезы. – Он схватил меня за одну грудь – за левую, вынул из лифчика и начал целовать и кусать... – Она опустила подбородок, сиюсь проглотить ком в горле. – Он делал это довольно грубо.

– Что вы имеете в виду?

– Я хочу сказать, что он оставил очень сильный... засос.

– Кажется, в результате у вас образовался синяк над левым соском?

Оливия кивнула, чуть не плача.

– У нас тут есть фотография, которую вы сделали на свой айфон через несколько дней. Посмотрите, пожалуйста, фотографию А в ваших папках, – попросила я присяжных, повернув к ним увеличенное до формата А4 изображение. На снимке был кровоподтек размером со сливу, два на три сантиметра, уже начавший желтеть по краям и коричневый в середине – не тот воспаленный красно-черный кровоподтек, которым он наверняка был сразу после случившегося.

– Если вы внимательно взглянете на левую часть синяка, – прежним деловитым тоном продолжала я, – то там можно заметить похожие на пунктир следы. Защита утверждает, что это обычное выцветание гематомы, но обвинение считает... – Здесь я на мгновение замолчала и едва заметно покачала головой. – Обвинение считает, что эти следы оставлены зубами.

Я ждала, когда жюри начнет охать, и оно меня не разочаровало. Несколько присяжных повернули головы к скамье подсудимых, а парень из Эссекса сверлил Джеймса Уайтхауса тяжелым взглядом темно-карих глаз.

– А где вы были, когда это случилось? – продолжала я, чтобы Оливия не теряла набранный темп.

– В лифте. Это тесная кабинка, обшитая деревом. В инструкции написано «Не больше шести человек», но это физически нереально. Я стояла спиной к стене, Джеймс встал передо мной, так что я оказалась зажата, как в ловушке. Я не могла бы из нее выскочить.

– Выскочить не могли, но вы же наверняка что-нибудь сделали?

– По-моему, я взвизгнула от шока и попыталась его оттолкнуть. Я сказала что-то вроде: «Мне больно». И еще: «Нет! Не здесь».

– Вы сказали – не здесь. Почему?

– Поцелуй в лифте – это одно. Это я нахожу волнующим. Но тут было совсем другое, слишком много – и слишком агрессивно. Джеймс, возможно, и хотел, чтобы укус получился страстным, но я опешила – мне было больно, раньше он так никогда не делал! И это было неуместно. Он вытащил мои груди из бюстгалтера и кусал их, когда надо было торопиться на заседание специальной комиссии! Этот лифт спускается из

галереи для прессы в Нью-Пэлас-Ярд, где стоят машины министров. От него ведет короткий коридор к комнате специальной комиссии. В любую секунду кто угодно мог вызвать лифт и застать нас!

– Значит, будет справедливым сказать, что вы боялись быть обнаруженной?

– Да.

– И волновались, как бы не опоздать на совещание?

– Да, но не только. Я не знала, что Джеймс способен быть настолько напористым и бесцеремонным. Он будто не слышал меня и вел себя как одержимый.

– Вел себя как одержимый, – повторила я и сделала паузу. Репортеры сидели, уткнувшись в свои блокноты – заголовки и начало статей у них уже готовы. Судья что-то записывал черным «паркером». Дождавшись, когда замрут ручки, я продолжила: – Итак, что он сделал, когда вы сказали «Нет, не здесь» и попытались его оттолкнуть?

– Он проигнорировал мои слова и начал хватать меня за ягодицы и бедра. – Оливия замолчала.

Я чуть наклонила голову набок с самым сочувственным видом: ей придется откровенно рассказывать самые скабрёзные подробности, но суд должен это услышать. Присяжные, почувствовав важность момента, подались вперед. Все понимали, что речь пойдет о самой сути, и то, что сейчас прозвучит, «моя ученая коллега» Анджела Риган будет с пеной у рта оспаривать и подвергать сомнению в ходе перекрестного допроса.

– Что же случилось потом?

– Он потянул мою юбку вверх, задрал ее до самой талии, и сунул руку мне между ног.

– Могу ли я просить вас быть точнее? Вы говорите, он сунул вам руку между ног...

– К моей вагине.

Я посчитала про себя до трех.

– Он сунул руку к вашей вагине. – Мой голос зазвучал мягче, тише, став нежным, как кашемир. Я сделала паузу, чтобы слова свидетельницы произвели нужный эффект на аудиторию. – Что произошло вслед за этим?

– Он взялся за мои колготки и трусы и... рванул их вниз. Помню, я услышала, как поехали колготки и рвется эластичная резинка на трусах...

– Позвольте, я вас здесь прерву: у нас есть фотография этих трусов, включенных в перечень вещественных доказательств. Взгляните, пожалуйста, на снимок Б в ваших папках, – обратилась я к присяжным. – Там хорошо видно разорванную резинку трусов.

Замелькали страницы. На фотографии – облачко черного кружева. Белье для любовника. Ажурная резинка и шов вверху разошлись, будто трусы стягивали в спешке. Эта улика не является неопровержимым доказательством: защита будет утверждать, что трусы были повреждены ранее, но во мне рождается горячее сочувствие к Оливии, которой и в страшном сне не снилось, что ее нижнее белье будут так внимательно рассматривать и даже распечатают в увеличенном масштабе. Она густо залилась румянцем. Но я продолжила, потому что дальше факты будут только жестче, а пережитое ею – хуже.

– Значит, он сдернул вниз ваши колготки и трусы, и что случилось потом?

– Он сунул пальцы – по-моему, указательный и средний – в... меня.

– А потом?

Оливия была в ярости от моей настойчивости и бесцеремонности.

– Я боролась, старалась его оттолкнуть, просила меня отпустить, но я была прижата к стене кабинки, Джеймс навалился всей массой и просто не слушал меня...

– Значит, он сунул в вас два пальца, – выждав паузу, заговорила я, обращаясь только к Оливии. Я понизила голос, чтобы показать, что понимаю, насколько непростым будет дальнейший рассказ. – Что же было дальше?

– Я увидела, что его ширинка расстегнута, а трусы спущены, и... ну я увидела, что оттуда торчит его пенис.

– Именно торчит? То есть у подсудимого уже была эрекция?

Было очевидно, что Оливии безумно стыдно говорить об этом. Я чуть наклонила голову и осталась бесстрастной.

– Да, уже была, – ответила она изменившимся голосом.

– Что случилось дальше?

– Ну, он приподнял меня – спиной по стене – и вставил в меня пенис, – выговорила Оливия. Голос ее треснул от муки и, пожалуй, облегчения: худшее уже сказано. – Вошел в меня, хотя я говорила, что не хочу.

– В тот момент вы это говорили?

– Я сказала что-то вроде: «Не здесь, нас же могут увидеть!»

– Простите, я хочу уточнить для всех: вы ясно дали понять, что не хотите этого? Вы сказали: «Не здесь»?

– Да! – решительно подтвердила Оливия.

– А что на это сказал подсудимый?

– Он сказал... – И тут ее голос сел. Ей трудно было говорить, настолько болезненным было это признание. – Он сказал... Он

прошептал... – Последовала пауза, а затем у Оливии вырвался крик, хотя я ожидала шепота: – Он сказал: «Нечего было передо мной бедрами вертеть!»

Эта фраза будто хлестнула аудиторию, булыжником упала в гробовое молчание.

– А потом?

– Потом он продолжил то, что начал.

– Значит, он прошептал «Нечего было передо мной бедрами вертеть» и продолжал то, что начал, – повторила я скорее печально, чем гневно, и замолчала. Пусть присяжные послушают ее безудержные рыдания, наполнившие зал без окон, взлетевшие к потолку и отрикошетившие от дубовых скамей с темно-зелеными кожаными сиденьями.

Судья, опустив взгляд, ждал, пока Оливия успокоится. Присяжные отложили ручки и выпрямились. Женщина постарше с короткими седыми волосами и широким открытым лицом явно сдерживала слезы; самая молодая из присяжных – субтильная брюнетка, которую я про себя называла студенткой, наблюдала за Оливией, и ее лицо стало еще красивее. Они ждали и своим молчанием давали Оливии понять, что она может не торопиться.

Свидетельница сейчас не сможет отвечать спокойно, но это неважно. Ее слезы и наше понимающее молчание красноречивее любых показаний.

Судья Лакхёрст перевел взгляд на меня. Анджела тоже уставилась на меня поверх очков, когда всхлипывания Оливии усилились, перейдя в некрасивые клоочущие рыдания, не обещавшие скоро прекратиться, хотя она то и дело вытирала глаза.

– Может быть, нам стоит сделать перерыв? – тактично предложил судья. – Прошу присяжных быть на местах через двадцать минут, в одиннадцать часов, – доброжелательно обратился он к жюри.

Секретарь судьи Никита встала, когда Лакхёрст поднялся, чтобы выйти из зала.

– Тишина. Всем встать, суд удаляется на перерыв.

Меня трясло, когда я вошла в бар «Месс», чтобы перевести дух и собраться с силами. Оливия держалась хорошо, на лучшее я и надеяться не могла, хотя уже сейчас было понятно, на что Анджела будет давить при перекрестном допросе. Синяк – проявление страсти, а не жестокости. «Нечего было передо мной бедрами вертеть»: а правильно ли Оливия запомнила эти слова? Может, подсудимый просто назвал ее вертихвосткой, а это уже может сойти за грубую лезть? Ее слова «Не здесь, нас же могут

увидеть» вместо изначально значившегося в показаниях выразительного, бескомпромиссного «нет».

Адвокат-солиситор от обвинения Дженни Грин вышла из зала суда удовлетворенная. Кажется, Оливия понравилась его светлости судье, хотя решать, конечно, не ему. Мне бы воспрянуть духом, вздохнув с облегчением, но адреналиновое возбуждение покидает меня вместе с последними силами. Неизбежная усталость после хорошего спектакля? Не только. Есть и еще кое-что. Подспудный гнев, за счет которого я выдерживаю такие процессы, отступает, и печаль захватывает меня, как упрямый бык, которого не пересилить.

Обмякнув на стуле, я отпиваю из бутылки воду, теплую и безвкусную. Кутикулы, как я только теперь заметила, у меня обкусаны. Необходимо физически собраться, прийти в нормальную форму. Я не могу позволить себе ошибиться. Минута на рефлексии, а затем настраиваемся на продолжение. Закрыв глаза, я барахтаюсь в дурманящей черноте, отключившись от суеты вокруг – в баре полно других адвокатов, – и ищу свою внутреннюю силу, тот стальной осколок, который, как заявил однажды мой бывший муж Алистер, у меня вместо сердца. Как же плохо он меня знал... Как мало знает меня Эли... Думая об Оливии в лифте, я прогоняю воспоминания о кое-ком еще.

– Задумалась о чем-то, Кейт? – Анджела – серые глаза двумя дулами смотрят с пухлого лица – бодро отодвинула бумажный стаканчик с недопитым остывшим кофе и бросила на стол тяжелую стопку бумаг.

В баре шумно: в других залах тоже разбираются дела, и выбравшиеся на перерыв адвокаты смотрят в свои ноутбуки, анализируют судебные протоколы или вспоминают фильм ужасов, которым обернулась защита того или иного подсудимого:

– ...К тому моменту он выпил четырнадцать кружек светлого и бутылку водки!

– ...А он оказался импотентом – как, впрочем, и его защита...

Я чувствую на себе взгляд Анджелы. Ее присутствие – бумаги, ноутбук, огромная сумка, брошенная напротив меня, – давит почти физически.

– Я всегда думаю, Анджела, – парирую я, ибо «моя ученая коллега» не знает жалости, и слабость ей показывать нельзя. Я отодвигаюсь от стола, желая выйти из помещения, пропахшего столовской едой, застывающей на тарелках, и очень душного – окна отчего-то наглухо закрыты, – чтобы приготовиться к следующей части процесса.

Иногда, размышляла я, собирая бумаги и проверяя, все ли нужные

документы в наличии, присяжные недоумевают: зачем я так докапываюсь до истины? Как я могу с бесстрастным видом углубляться в самые мучительные эпизоды жизни женщины? Как могу рыться в деталях: куда именно он сунул пальцы, сколько пальцев он сунул, как надолго, где был его пенис, была ли у него уже эрекция к этому моменту, делая паузу, чтобы выжать максимум из душевных страданий свидетельницы, и продолжая: а что он сделал дальше?

– Где твое милосердие, «бальзам прекраснодушия»?^[7] – в сердцах бросил мне Алистер, когда рухнул наш брак, просуществовавший полтора года, – следствие не только моей неспособности открыться мужу и хронической перегруженности на работе, но и маниакальной одержимости в спорах, стремления одержать победу любой ценой.

Когда-то мне казалось, что достаточно просто задавать вопросы, пока я не сломаю свидетельницу и не вытрясу из нее нужные признания. Чувства подсудимого меня не волнуют, но как можно делать такое с другой женщиной, заставляя ее рыдать от унижения? Я делаю это потому, что хочу докопаться до истины, а докопавшись, сделать все возможное, чтобы каждый насильник, убийца или любитель распускать руки получил срок. Гарантировать я ничего не могу: решать присяжным, но я делаю все, что в моих силах.

Как я выдерживаю многократное повторение и уточнение всяких красочных подробностей – от ртов и языков, которые затапливаются в чужой рот без спросу, до пениса, вставляемого во все отверстия, ибо руки, мнущие груди, и даже проникновение в вагину – это самое мягкое из того, что я регулярно выслушиваю? Я выдерживаю это так же, как детективы, или судмедэксперты, или социальные работники. Я вырабатываю в себе умение отстраниться, сохранять внешнюю невозмутимость, которая, по сути, такая же маскировка, как мантия и парик.

Конечно, это не значит, что я лишена эмоций – просто я их сдерживаю или направляю в холодную ярость – аналитическую, сосредоточенную, а не в бурлящее негодование, которое вскипит и выльется, только дай возможность.

– Его рука была в вашей вагине? – повторяю я, не повышая голоса, без малейших эмоций.

Пауза. Оливия подтверждает. Я выжидаю три секунды.

– А что случилось потом?

Порой я не понимаю, почему женщины так часто бездумно ступают на опасный путь. Зачем возвращаться к мужчине, который делает совершенно не нужные вам авансы, шлет эсэмэски с поцелуями и смайликами? Зачем с

ним связываться, если в глубине души вам этого не хочется?!

Правда заключается в том, что женщины часто боятся воспротивиться своим обидчикам или же их раздражают противоречивые чувства – ведь еще совсем недавно они были безоглядно влюблены. Женской натуре свойственно угождать. Потребность смягчать и успокаивать у нас в генах: покорись желанию мужчины. Стоит женщине восстать против привычного уклада, как она тут же прослышет вспыльчивой, неуживчивой, самоуверенной, строптивой. За независимость мы платим высокую цену. Почему у меня нет нормального постоянного партнера? Не только потому, что я боюсь кому-то полностью довериться. А еще потому, что не хочу идти на компромисс. Не хочу вести себя по-женски, если хотите.

Поэтому молодая женщина, которую хватал за грудь начальник или к которой лез с поцелуями навязчивый кавалер, всячески постарается не делать из мухи слона. Не раздувать. Не думать о плохом. Считать случившееся нелепой ошибкой, которую лучше забыть и не вспоминать, что бы ни подсказывало учащенное биение сердца или пронизывающий страх. Что ж тут удивительного, она ведь дура.

Мужчины прекрасно умеют делать из нас дур.

Глава 17

Джеймс

16 января 1993 года

Приближалась пресловутая стадия, когда «либертены» выпьют все запасы шампанского в ресторане. Для быстро пьянеющего Джеймса это очень даже имело смысл.

– Джексон! – Развалившись в элегантном обеденном полукресле, он жестом подозвал метрдотеля ресторана «Петух».

Вид у Джексона был как после бессонной ночи, но он же будет щедро вознагражден за любые шалости «либертенов»! Джеймс положительно отказывался понимать этого человека. Сильной рукой он обнял метрдотеля за плечи и прижал к себе, к вящему смущению Джексона. Если твою забегаловку разгромили «либертены», это честь, знак отличия среди оксфордских ресторанов! Так гласит университетский фольклор, такова традиция, а Джеймс всегда чтит традиции – в особенности когда случалось перепить настолько, что возникала необходимость опереться на что-то прочное, вроде Джексона, а не на расплывчатые, бессмысленные концепции.

В этом году Джеймс пил в меру – берег спортивную форму. Нельзя выступать в лодочных гонках за Оксфорд, быть загребным в команде тяжеловесов и надираться спиртным, прогуливая тренировки из-за тяжелого похмелья. Вот почему имело смысл на сегодня закончить и распорядиться оставшимся «Болленже» с выдумкой. Ни к чему оставлять его другим, хотя другие вряд ли скоро появятся в «Петухе»: сегодня «либертены» повеселились на славу. Под подошвой скрипнуло стекло. Джеймс оглядел стол, усыпанный осколками бокалов. Люстры разбиты вдребезги, стеклянная крошка искрится в одинокой корзинке для хлеба и на кружках сливочного масла. Тарелки, лоснившиеся от утиного жира, официанты успели утащить, но ни одного целого блюда не осталось. Помнится, Том стоял на стуле, а Кассиус на столе, скрипевшем под его немалым весом, и с размаху швыряли фарфоровую посуду о столешницу и об пол, как какие-нибудь греческие туристы. Джексон и работники ресторана, включая двух молоденьких официанток, глядевших на происходящее расширенными глазами, не убирали фарфоровые черепки и острое мелкое стекло. Джеймсу подумалось, что в этом есть логика: надо

же «либертенам» увидеть истинные масштабы своего веселья! Сейчас зал представлял собой плачевное зрелище, но пока колотили посуду, грохот стоял восхитительный.

В животе заурчало. Зря он пил бургундское после шампанского, утки и тихоокеанской камбалы. Господи, как погано! Физическая тошнота смешивалась с чем-то напоминающим отвращение или даже ненависть к себе. Ничего, организм справится с последствиями ночи возлияний и излишеств. Джеймс гордился рельефностью своих мускулов: такие кубики на животе заставят сдать любую, которую он захочет поиметь. Он тайком сунул руку под жилет проверить, на месте ли его «рельефы».

– Э-э, так не пойдет! – Том, выпивший больше обычного и совсем потерявший голову, зигзагами шел к нему, натываясь на мебель. Широкое приятное лицо его побагровело. Сейчас никто бы не поверил, что этот молодой человек с лоснящейся кожей и пижонской стрижкой блестяще умен. Он шел на диплом с отличием сразу по двум специальностям, потому что обладал важнейшим качеством – верно определять объем работы, необходимый для высшего балла. Летом на втором курсе Джеймс ходил с Томом на консультации к тьютору. Сам он занимался почти исключительно греблей, ставками на скачках и, до Софи, совращением бесчисленного числа девиц, поэтому сильно зависел от Тома и удивлялся, как ловко его друг всех разводит. Они редко появлялись в дискуссионном клубе – там были одни старые вековухи, сбитые летчики, которые никогда не летали, по выражению Тома, но Джеймс не сомневался, что после Оксфорда его приятель, устроившись в исследовательский отдел партии консерваторов, сделает головокружительную политическую карьеру.

И меньше всего в это верилось сейчас.

– Так совсем не годится! – Том с неистовой радостью хлопнул ладонью по столу и хрюкнул. Он вынюхал несколько дорожек кокаина, чем объяснялась его непривычная говорливость. – Пусть несут нам еще шампусика, да, Джейсон? – Он сжал метрдотеля в медвежьих объятиях. – Шампуня! Шампунчика! «Болли»! Подать нам еще «Болли», и немедленно!

В знак согласия раздался дружный ослиный рев Джорджа, Николаса и Достопочтенного Алека, а также буйный вопль с другого конца, где на полу дремал Хэл – темно-синий фрак припорошен битым стеклом, рубашка выбилась из-за ремня, обнажив бледный выпуклый живот. В паху четко выделялось темное пятно. Хэл утробно, смачно рыгнул.

– Только не будем его пить, – предупредил Джеймс. – Давайте его выльем!

Том расплылся в понимающей улыбке.

– Давай! Джексон, тащите сюда всё «Болли». Болли-олли-олли! Мы его выпьем и отольем вам на стены!

Метрдотель умоляюще воздел руки.

– Да вы чего там? Ты съехал, чувак? – запротестовал Том, когда Николас заревел от смеха, а Джордж расстегнул ширинку, восприняв слова Тома буквально. – Мы не на самом деле отольем, а просто выльем его! – И они, подталкивая, подвели метрдотеля к холодильнику с шампанским и смотрели, как он вынимает оставшиеся десять бутылок вдобавок к двадцати уже выпитым.

– Давай, ты! – задиристо кричал Джордж, затолкав пенис в штаны и кое-как застегнув молнию. – Откупоривай, кому говорят! Господи, да чего ты копаешься? Вот еще копун нашелся...

– ...И выливай его к чертовой матери! – взревел Том, дрожащими руками откручивая проволоку. Хлопнула пробка, он перевернул бутылку над кухонной раковиной, и пена зашипела на нержавеющей стали. Одна из официанток сочла за лучшее потихоньку уйти, но та, что постарше – темноволосая, красивая, но банальной красотой, – осталась рядом с начальником, подавая ему бутыль за бутылью. На ее лице застыло неодобрение. Узколобая мелочная дура... Ну и черт с ней. Ей-то не светит так повеселиться.

– Следующую! – заорал Джеймс. – Давай, мой добрый Джексон... – Стоя рядом с невысоким ресторатором, ростом максимум пять футов восемь дюймов, он с удовлетворением сознавал, что сам он на голову выше и вдвое сильнее и может сделать с метрдотелем все, что захочет. Он немного отступил, не желая показаться хулиганом: это не его стиль. Битье тарелок и оконных стекол он принимал как неизбежное, как часть традиций клуба «либертенов», как знак привилегированности и безнаказанности по сравнению с теми, кто оканчивал не такие известные школы или вообще ходил в государственную. Таких Джеймс едва замечал и уж точно с ними не общался, но зачем же опускаться до хамства? Это удел таких, как Хэл и Фредди, вульгарных в своей брутальности. Им и в голову не приходило держаться учтиво: дебоши увлекали их, отключая разум. Джеймс не забывал многословно извиниться за учиненный разгром, первым вытаскивал комки банкнот и собирал деньги на компенсацию ущерба с остальных. Вежливость ничего не стоит, всегда учила его мать, зато очень облегчает решение проблем и вызывает благосклонность окружающих.

– И эту! – скандировали Том, Ник и Алек. – Выливай без остатка! Без остатка! Без остатка! Без остатка!

Голоса становились все громче, превращаясь в оглушительный рев. Ноги топали по фарфоровым черепкам. Покачнувшись, Кассиус схватился за бархатную темно-красную портьеру, и она упала на него, точно занавес в конце спектакля, – кронштейн выскочил из стены.

– Джентльмены, прошу вас! – В голосе Джексона слышалась паника. Со сведенным гримасой лицом он смотрел на кусок гипса, оставшийся на креплениях шеста, и на чешуйки краски, опадавшие, как снег.

– Упс! – просиял Том, довольный, как расшалившийся школьник, и тут же обратился к метрдотелю с заботливостью, которая в будущем позволит ему сгладить немало политических разногласий. – Джексон, дорогой вы наш, простите. Мы, безусловно, все возместим.

Расстроенный Джексон колебался. На его лице проступила усталая безнадежность: он понимал, что ресторан придется приводить в порядок минимум несколько дней, а ущерб устанавливать официально, хотя Джеймс мог поклясться – они не в первый раз разносят этот ресторан.

– Все «Болли», все «Болли»! – распевал Алек – он, как всегда, был под кокаином.

Вся компания ввалилась в кухню и принялась одновременно откупоривать бутылки. Как бурлящая моча, шампанское пенилось и с шипением уходило в сток длинным золотистым потоком.

– Пройдут годы, – Том заговорщически обнял лучшего друга за плечи, – и мы скажем: мы были такие богатые, что выливали «Болли» в раковину... Золотая молодежь! – Он незаметно рыгнул, засмеялся и прижался влажными губами к щеке Джеймса.

Джеймс поспешил высвободиться из его объятий: он не был настолько пьян, чтобы сносить поцелуи Тома. Он думал о других губах.

– Нам нужны женщины. – Джеймсу они нужны были срочно.

– Женщины! – Том покачал головой. – Беда с женщинами в том, что с ними нужен просто каторжный труд.

Джордж нагнулся к дорожке кокаина, которую ухитрился насыпать на столе, запорошил голову и засмеялся.

– Подсыпать им чего надо, – сказал Себастиан. – Окосеют – никакая прелюдия не понадобится!

Джеймса передернуло.

– Не мой стиль. Мне нравится, когда они понимают, что я делаю.

– Джиму этого не нужно, – процедил Кассиус, с нескрываемой завистью поглядывая на приятеля. – Он у нас второй Эррол Флинн.

Джеймс пожал плечами, не находя нужным подтверждать или отрицать слова Кассиуса. У него член, как бутылка «Виттель», сказала как-

то одна девчонка.

– Да налить им водки лишнюю порцию, двойную, – настаивал Себ. – Иначе нам только друг дружку трахать. Подсыпать чего надо и добить жестким сексом! – В три глотка он осушил свой бокал, неистово дергая кадыком и пристально глядя на Джеймса бледными глазами, странно выделявшимися на его пухлом, еще не оформившемся лице. – Или порезать покрышки их великов, тогда никуда не денутся – останутся и дадут.

Джеймс не улыбнулся. Он испытывал отвращение к этому студенту Крайст-Черч, самому богатому из «либертенов»: семья Себастиана сколотила миллионы на розничной торговле. Однако о нем почти никто ничего не знал: его недавно нажитое состояние было слишком вызывающе-блестящим и не внушало такого доверия, как «старые деньги» большинства из них. Промолчав, Джеймс пожал плечами. Себ – зеленый юнец, сексуально неопытный первокурсник, пытавшийся сойти за настоящего мужчину, но ведь он же вполне безобиден? Себ улыбнулся – его резиновые губы туго натянулись, но глаза оставались холодными, и по спине Джеймса пробежал тревожный холодок. Ему захотелось как-то дистанцироваться – или напиться, или нюхнуть еще кокаину, раз уж нельзя выйти отсюда и найти себе женщину. Ему хотелось новых ощущений, которые не просто развлекут, а захватят его целиком.

Он кивнул Джорджу и в виде исключения покорился неизбежному, втянув чистый, резкий кокаин. Подействовало сразу. Господи, как стало хорошо! Джеймс почувствовал себя непобедимым. Черт побери! Почему он слушает всякий вздор, когда можно вот сейчас пойти и найти себе девчонку? Больше дела, меньше слов. Он же красавец! Это все знают – «либертены», Соф, все до единой девицы в Оксфорде. Он же чертов бог любви, он может заниматься сексом часами, у него член, как бутылка «Виттель», выносливость гребца, язык ящерицы, губы Джаггера... Нет, к черту Джаггера, он слишком уродлив... Но все равно он, Джеймс, уникально хорош в постели, а еще с ним не скучно, он вообще чертов Аполлон, и как бы ни любил он своих друзей – ну ладно, пусть одного Тома, – есть же и другие заведения, и девушки, и вечер только начался, и впереди целая ночь любви, если он осилит стену колледжа Соф (по выступам у навеса для велосипедов) и стукнет в ее дверь, или же найдет что-нибудь новенькое, потому что именно сейчас ему страстно хочется изведать новый рот, новые губы, новые ноги, обхватившие его за талию или сладострастно вытянутые вдоль ушей, и незнакомое поскуливание, потому что она наверняка кончит, эта воображаемая девица, полная новых возможностей, ведь он офигенно хорош в постели, у него член, как бутылка

«Виттель»...

У Джеймса вырвалось хихиканье – не привычный мужской смех, а что-то юное и радостное, как у семнадцатилетнего, до того, как его отправили в частную школу и научили вести себя как взрослого. Это был смешок сопричастности и интимности, ведь он любит своих приятелей не меньше, чем девушек. Ну не в том же смысле, он не гей, боже упаси, но он очень любит Тома, своего лучшего друга с первого класса, вот просто все для него сделает... Кгхм, почти все. Боже, как же он расположен к Тому! Он сейчас скажет ему, как сильно он его любит... своего лучшего друга, самого прекрасного товарища на свете...

– Слушай, Том! – Он обнял здоровяка за плечи и прижал к себе, запечатлев на его щеке поцелуй, от которого сам недавно увернулся. – Пойдем-ка найдем себе женщин!

– Женщин? Проблема с женщинами в том, что они... – начал Том.

– Да, да, знаю, с ними сушая каторга, – договорил за него Джеймс. У него снова вырвался высокий визгливый смешок: шутка была на редкость хороша. У него отличное чувство юмора. Почему они никак не поймут, какой он веселый?

– Проблема с женщинами в том... – повторил Том.

– Что у них нет характера!

– Нет, – озадаченно ответил Том. – У них нет пениса.

– Ну это легко поправить, – захихикал Джеймс.

– Проблема с женщинами в том...

Ответ был настолько ослепительно ясен, что Джеймс не удержался и снова перебил приятеля – от смеха слова вылетели из него, как пули:

– Проблема с женщинами в том, что они не знают, что им нужно, черт бы их побрал! – Согнувшись от хохота, Джеймс недоумевал: почему другие не смеются, а продолжают бить посуду или, как Себ, пытаются лапать официантку? Банально-красивую, в короткой юбке, с насупленными бровями, будто она не на шутку разозлилась на Себа, но ведь Себ безобиден, Джеймс в этом уверен, это она одета так, будто сама напрашивается... юбка едва задницу прикрывает, на блузке вырез до пупа...

– А-а-а! – взвизгнула девица и уставилась гневными черными глазами на Себа, ущипнувшего ее за зад.

Себ конфузливо поднял ладони, будто он ни при чем, хотя только что подкрадывался к ней сзади.

– Джентльмены, боюсь, вам придется сейчас же уйти. – Голос Джексона точно рвался и лопался, как гнилая слива, когда он подошел к

Себу.

Только тут до Джеймса дошло, что официантка, должно быть, дочь Джексона. У них одинаковые глаза – неподвижные, темные черничины на лицах-ватрушках, и вид у Джексона такой, будто он готов съездить Себу по физиономии.

– Я вынужден настаивать, чтобы вы немедленно покинули наше заведение. Хватит – значит хватит. Я не шучу. Всему есть предел. – Он выпрямился во весь свой небольшой рост.

В воздухе запахло дракой. Напряжение между метрдотелем и Себом было ощутимым. Все замолчали, словно невидимое давление распространилось по освещенному свечами залу. Джеймс силился уразуметь, как это ситуация враз перестала быть веселым дурачеством – добродушным погромом, устроенным «либертенами», прирожденными, между прочим, джентльменами, – став такой неприятной и остро неловкой. Полной противоположностью атмосфере, которую они всегда старались поддерживать.

Джеймс открыл рот, придумывая что-нибудь подобающе учтивое и великодушное, но его опередил Том:

– Дорогой вы наш, конечно же мы уходим. Тысяча извинений. Скажите же нам, сколько мы вам должны. – И Себу: – Пойдем-ка, пойдем. Подышим свежим воздухом. На сегодня хватит, пора домой!

Но Себ ничего не желал слушать.

– Какого хрена! Джентльмен делает девке комплимент – дает понять, что у нее есть на что посмотреть, хотя это я готов взять назад – вот хоть сейчас беру это назад, – а она возражает! Не желает принимать! Комплимент! Что за вздор! Что за маразм такой! – Себ говорил, недоверчиво озираясь. Секунду казалось, что глаза у него наполнились слезами.

– Дорогой Джексон... – Джеймс совал банкноты в руку метрдотелю – сто, двести, триста фунтов, за все не хватит, но хотя бы отвлечет.

– Это черт знает что! – не унимался Себ. Он не желал уходить, не давался, когда его попытались вывести под руки, и вдруг раздался грохот и посыпалось стекло: Себ схватил стул и, не успел никто опомниться, запустил им в окно. Стул упал на мостовую.

– Ха! – ошеломленное молчание нарушил одобрителный вопль из угла, где сидел Хэл. Достопочтенный Алек заплодировал – сперва редкими хлопками, затем бурно.

– Отличное шоу, парень, чертовски хорошее шоу!

Джеймс не нашелся с возражениями. Джордж, Ник, Кассиус и

одурманенный Хэл, возбужденные грохотом, присоединились к аплодисментам и кинулись громить ресторан. Метрдотель развернулся и пошел к телефону в вестибюле. Джеймс переглянулся с Томом. Ночь в камере им совершенно не улыбалась – это будет сокрушительный конфуз. Они, конечно, непобедимы, но такое никому не надо, да и – тут Джеймс смутно почувствовал, что кокаин все-таки влияет на его обычно рациональное мышление, – накроют не кого-то другого, а их, «либертенов»! Подобно Икару, они подлетели слишком близко к солнцу. Куда как лучше улизнуть сейчас, бросив младшекурсников, продолжавших громить многострадальный зал, вдребезги бывших оконные стекла (о боже, Джордж снова вытащил свой член, а толстогубый Хэл с тигриным рыком блюет на пол), чем отдуваться за всех.

Все было сказано одним взглядом, Джеймс и Том привыкли обходиться без лишних слов. Они сделали ноги – улизнули с места преступления, пока метрдотель вызывал полицию, а бедная официантка, съезжившись, стояла рядом с ним. Она прижалась к стене, когда Джеймс с Томом пробегали мимо. На бегу Джеймс одними губами проговорил «извините» – вежливость денег не стоит, как говорила его мать, а приличное поведение помогает все уладить, ведь никто не хочет неприятностей, – и друзья выбежали на улицу, в январский ночной холод.

– Черт побери! – Том обеими руками пригладил светло-каштановую челку.

Значит, здорово переволновался. Джеймсу всего пару раз доводилось видеть этот жест у приятеля: когда в семнадцать лет Том испугался, что оставшаяся дома подружка беременна, да еще когда в школе их поймали за курением марихуаны и в кабинете директора они на секунду поверили, что их исключат.

– Ш-ш-ш. – Осторожное предупреждение Джеймса оборвалось визгливым хихиканьем.

– Да, да... Но черт возьми! – В голосе Тома слышались ужас и восторг, страх и трепет. Когда молодые люди уже отбежали довольно далеко, на Сент-Олдейт завывали полицейские сирены, приближаясь к Хай-стрит.

Мы непобедимы, черт возьми, непобедимы, думал Джеймс, когда до него вдруг дошло: погоня приближается! Они рванули так, что фалды летели сзади. Сердца бешено колотились, мышцы ног горели, как после получаса на беговом тренажере или на последних мучительных метрах лодочных гонок.

Сердце колотилось о ребра, но прекрасная форма не подвела: Джеймс неся над булыжной мостовой на открывшемся втором дыхании до самых

надежных стен колледжа Тома – Уолсингема. Дубовые ворота были заперты, и они полезли через стену, порвав фраки об острые пики ограды. Ободранные о камень ладони жгло, но это казалось пустяками. Джеймс и Том шикали друг на друга и фыркали от смеха. Они непобедимы, и этим все сказано. Они всех перехитрили и теперь в безопасности.

Перелезая через ограду, Джеймс на секунду замер на стене, откуда было рукой подать до темно-синего неба, звезд, рая и ухмылявшихся горгулий. Он на мгновение представил себя правителем замка, единственным оставшимся в живых. Джеймс силился отдышаться, прислонившись к стене башни, ощущая твердость камня, накопленное им за день тепло и четырехсотлетний возраст. До несокрушимости этих стен Джеймсу и Тому еще далеко...

– Ты идешь или что? – окликнул снизу благополучно спустившийся Том. Его глаза, озера теплоты и доверия, ярко блестели.

Господи, как же он любит Тома! Джеймс сделает все, чтобы его защитить. С первой школьной четверти они сплотились против целого мира. Их сблизил спорт, школа, юность, суровый выговор директора школы, они вместе впервые попробовали наркотики – марихуану и кокаин, – а во время совместной мастурбации, получается, и секс тоже.

Ночь вдруг показалась враждебной и опасной, и Джеймс спрыгнул во двор, легко приземлившись в темноте. Ночной дворецкий, уютно устроившийся перед маленьким телевизором в своем домике, вряд ли их заметит. Легкие шаги по бетону словно улетучивались вместе с эхом.

– Ну что, по стаканчику на сон грядущий? – Том обнял друга за плечи, обдавая его щеку жарким дыханием.

– А давай, – согласился Джеймс.

Глава 18

Кейт

26 апреля 2017 года

Третий день процесса. Полдень. Адвокат Анджела Риган легонько постукивает чернильной ручкой по толстой папке: «ра-та, та-та; ра-та, та-та» – сигнал побудки, которую играют в войсках на рассвете, чтобы с первыми лучами солнца нарушить непрочный мир. Она сидит, подавшись вперед, упираясь в папку огромной грудью. На правой руке бриллиантовый перстень размером с кастет играет в свете ламп.

Анджела Риган, пятидесяти с лишним лет, из семьи рабочего из Северной Ирландии, – гениальный выбор. Если Джеймс Уайтхаус в детстве играл в мяч и повторял молитвы на латыни, мисс Риган, познав специфику района Ардойн в раздираемом конфликтами Белфасте, быстро смекнула, как оттуда вырваться.

Она улыбнулась Оливии, скрестив неожиданно маленькие для такой великанши руки под грудью. Улыбка была бодрой, но выражение ее глаз не изменилось: в чем-чем, но в лицемерии Анджелу не упрекнешь. Когда она приступила к разбору основных показаний, всякое тепло улетучилось из нее быстрее, чем изморозь с оконного стекла.

Оливия смотрит прямо перед собой, будто решив не поддаваться нажиму этой отнюдь не добродушно настроенной женщины. Она высоко держит голову, а руки сложила перед собой на свидетельской кафедре. Поймав мой взгляд, Оливия улыбается дрожащими губами.

– Мисс Литтон. Я постараюсь вас не задерживать, но некоторые вопросы нам нужно прояснить, – гладенько начинает Анджела. Ее тон призван внушать ложное ощущение безопасности, но Оливия настороже и прекрасно знает, что адвокат подсудимого готовит ей ловушку. – Мы слышали, что вы состояли в интимных отношениях с мистером Уайтхаусом. Это правда?

– Да.

– Как долго длились ваши отношения?

– С середины мая до шестого октября, когда он со мной порвал. Стало быть, чуть меньше пяти месяцев.

– И, насколько я помню, вы нам сказали, что, когда вы «столкнулись» с ним в лифте, вы его «все еще любили»?

- Да.
- А в какой момент вы в него влюбились?
- Мне кажется, сразу. Он так действует на людей. Он очень харизматичен. Вы... я... я потеряла голову.
- Но на момент свидания, о котором здесь идет речь, вы уже расстались, правильно?
- Да, – кивает Оливия.
- И что вы в связи с этим чувствовали?
- Что я в связи с этим чувствовала? – Оливию явно озадачил вопрос с таким очевидным ответом. – Ну... я страдала.
- Отчего же?
- Потому что я его любила и не ожидала такого конца. Во время партийной конференции мы провели ночь вместе, и вдруг через два дня, по возвращении в Лондон, он предлагает расстаться... – В ее ответе прорвались недоверие и боль. Оливия опустила глаза, спохватившись, что выложила слишком много путаных эмоций, отступив от рационального, цензурированного сценария.
- Вернемся к свиданию, о котором здесь идет речь. Вы в тот день все еще... страдали? Ведь прошла всего неделя.
- Я была расстроена, но твердо решила вести себя профессионально. Я сделала все, чтобы это не отразилось на моей работе и наши с Джеймсом коллеги ни о чем не узнали. Этого нам обоим хотелось меньше всего.
- Но вы по-прежнему испытывали сильные чувства? Вы сказали нам, что все еще любили мистера Уайтхауса?
- Да, конечно, я была подавлена и расстроена.
- Злились на него, да?
- Нет. – Ответ последовал слишком быстро, чтобы показаться убедительным. Односложное «нет» бывает очень выразительным – должно быть, в Оливии вспыхнул все еще тлеющий гнев.
- Неужели? Мужчина, которого вы любили, ни с того ни с сего с вами рвет, но при этом требует от вас профессионального отношения к обязанностям! Некоторая злость была бы вполне простительна.
- Я на него не злилась.
- Ну-ну. – Анджела недоверчиво махнула рукой. – Вернемся к интересующему нас дню. Вы сказали, что находились в коридоре перед залом комиссии, а мистер Уайтхаус был очень озабочен критической статьей в «Таймс», обвинявшей его в надменности?
- Да.
- И вы ответили ему... ага, вот эта фраза... «Надменность бывает

неотразимо привлекательна». Что вы имели в виду?

– То, что я сказала. Что надменность может быть привлекательным качеством.

– Вы имели в виду, что находите мистера Уайтхауса неотразимо привлекательным?

– Наверное, да.

– Наверное?

Пауза, и затем:

– Да.

– А потом, как вы сказали, он открыл дверь из коридора на лестницу, вызвал лифт, нажал кнопку открывания дверей и пропустил вас в лифт первой? И вы вошли?

– Не помню.

– Как не помните? – насмешливо-недоверчиво переспросила Анджела, бросила взгляд на присяжных, подчеркивая очевидную ненадежность свидетельницы, и снова обратилась к Оливии: – Если мы обратимся к вашим показаниям, которые у меня тут есть, вы четко заявили: «Он вызвал лифт, и я вошла первой, а он следом».

– Тогда, видимо, так и было, – сказала Оливия.

– Значит, вы сказали мистеру Уайтхаусу, что находите его «неотразимо привлекательным», и вошли в лифт, дверцу которого он для вас открыл?

– Это была не моя идея. Дверь была открыта, и он просто пропустил меня вперед.

– Но вы не противились?

– Нет.

– И не спросили, зачем он это делает?

– Нет.

– Вам следовало находиться возле комнаты комиссии и быть на совещании меньше чем через четверть часа, однако вы не спросили, зачем мистер Уайтхаус это делает, и, не противясь, вошли в лифт?

После паузы Оливия нехотя ответила:

– Да.

Анджела свела брови, наморщив лоб, затем опустила глаза в свои записи, будто ища там правдоподобное объяснение. Она заговорила тише, и ее слова сочились недоверием и откровенным презрением:

– Как вам показалось, для чего он вызвал лифт?

– Не знаю.

– Да перестаньте. Вы же такая умная женщина. Вы говорите мужчине, с которым у вас была интрижка, что находите его неотразимо

привлекательным, затем он вызывает лифт, и вы заходите первой, не задавая вопросов. – Пауза. – Он искал уединения с вами, не правда ли?

– Не знаю... Наверное, – согласилась Оливия.

– Наверное? Вам не было нужды входить в лифт вместе – совещание, на котором вы должны были присутствовать, проходило в комнате на том же этаже, верно?

– Да.

– А ваши офисы в другом здании?

– Да.

– По-моему, тот лифт ходит только до Нью-Пэлс-Ярд, откуда направо можно выйти к Порткаллис-Хаус, а налево – к Центральному лобби. Ни то ни другое не имело никакого отношения к вашему совещанию, не правда ли? К тому помещению, где вы должны были находиться?

– Да, все верно.

– Так о чем же вы думали, заходя в лифт?

Последовала долгая пауза – Анджела смотрела, как Оливия мучительно ищет благовидное объяснение. Адвокатесса напоминала кошку, играющую с мышью: на миг она отпускала свою жертву, подбрасывая в воздух, а потом снова запускала в нее когти.

Выпад был ядовитым, этого не отнять.

– Он повел вас туда, чтобы уединиться?

Последовало болезненное молчание – долгое и напряженное, – и шепот Оливии:

– Да.

– Итак, он пропускает вас в лифт, и там, в кабине, вы целуетесь?

– Да.

– Полагаю, это был страстный поцелуй?

– Да.

– Французский поцелуй, с языком?

– Да.

– «Он начал трогать мое тело», – сказали вы. Значит, вы вошли в лифт с мужчиной, которому признались, что все еще любите его и находите «неотразимо привлекательным», и начали страстно целоваться?

– Да.

– Он взял вас за ягодицы?

– Да.

– И расстегнул блузку?

– Он ее рванул.

– Рывок предполагает некоторую силу. На блузке оторвались

пуговицы?

– Нет.

– А повреждения ткани нашли?

– Нет.

– Значит, точнее будет сказать, что в порыве страсти он ее распахнул?

Лицо Оливии исказилось от усилий сохранить спокойствие при виде такого недоверия. Она пошла на компромисс:

– Он ее распахнул против моей воли.

– Понятно. – Анджела сделала короткую паузу, чтобы пропитать зал своим скепсисом. – Значит, он насильно распахнул вашу блузку и оставил вам то, что можно назвать любовным укусом, над левым соском?

– Он оставил мне синяк, мне было больно!

– Я хочу сразу сделать оговорку, что по своей природе такие укусы являются болезненными, и многие считают их проявлением страсти. – Анджела взглянула на присяжных, точно говоря: «А с кем не бывало?» – Но только в этот момент вы говорите... – Здесь адвокатесса снова посмотрела в свои записи, затягивая напряжение, готовясь перейти от возвышенного к вульгарному: – И лишь когда он страстно целовал ваши груди, вы сказали: «Нет! Не здесь», правильно?

Пауза и вновь неохотное:

– Да.

– Хочу уточнить еще раз: вы не сказали: «Нет, не делай этого, я так не хочу», – вы даже не сказали решительного «нет». Вы произнесли – когда мистер Уайтхаус уже расстегнул вашу блузку, насильно или нет, – вот только тут вы произнесли: «Нет, не здесь».

– Да... Я боялась, что нас кто-нибудь увидит.

– Вы боялись, что вас увидят?

– Это вышло бы крайне неловко.

– И это все, что вас беспокоило, – что вас увидят? А не то, что делал мужчина, которого вы все еще любите, с кем у вас была половая связь, с кем вы по доброй воле вошли в лифт? Когда он распахнул вашу блузку и взял за ягодицы, вас больше всего беспокоило, как бы вас не застали?

– Он шокировал меня своим укусом... Но – да, в ту минуту я думала в первую очередь об этом.

Пауза. Анджела посмотрела в свои записи и покачала головой, будто не веря услышанному. Она медленно и отдельно повторила:

– Вы уверены, что сказали именно так?

– Да.

– Что в тот момент вы сказали «Нет, не здесь»?

– Да.

Повисла очень долгая пауза. Анджела шелестела бумагами, не поднимая взгляда, будто успокаиваясь. Оливия растерялась от этой неожиданной передышки, почувствовав: сейчас что-то произойдет.

– Это был не первый ваш секс с мистером Уайтхаусом в стенах палаты общин?

Репортеры, азартно строчившие на скамье для прессы, внимательно слушали. Ручки летали в блокнотах. Только Джим Стивенс сидел, как всегда, расслабленно, откинувшись на спинку скамьи, но я знала: сейчас записываются все убийственные, изобличающие слова.

Краска бросилась в лицо Оливии. Ее взгляд метнулся ко мне, но я ничем не могла ей помочь и опустила глаза. Во время продолжительной юридической «торговли» в первый день Анджела подала заявление – пункт 41 – о разрешении упоминать историю развития отношений Уайтхауса и Литтон, аргументировав это двумя прецедентами, идентичными нашему делу. Я согласилась, чтобы в случае обвинительного приговора Джеймс Уайтхаус не смог воспользоваться исключением этих фактов из разбирательства как основанием для подачи апелляции.

– Я не понимаю, о чем вы говорите. – Голос Оливии прозвучал на полтона выше.

– А мне кажется, понимаете. Могу ли я попросить вас мысленно перенестись в ночь двадцать девятого сентября две тысячи шестнадцатого года – это за две недели до тех событий, которые мы здесь разбираем. Вы встречались с мистером Уайтхаусом в его офисе в начале десятого вечера, верно?

– Да, – робко ответила Оливия.

– Вы были приглашены на девичник – ваша коллега, Китти Леджер, ждала вас в «Красном льве», но вы опоздали, не правда ли?

– Да, немного.

– По какой причине?

Молчание.

Анджела повернулась к присяжным и буквально вытаращила глаза.

– А причина, по которой вы опоздали, заключается в том, что вы занимались вполне себе добровольным сексом с мистером Уайтхаусом в его кабинете. Оральным сексом, который выполняли вы – верно? – а потом сексом на письменном столе. В кабинет мог войти кто угодно, вас точно так же могли застать. Это был страстный, рискованный секс, как и тот, что вы позволили себе в лифте.

Репортеры лихорадочно записывали. Присяжные смотрели на Оливию

круглыми глазами, явно меняя свое мнение. Сочувствие пожилой леди стремительно испарялось, Оранжевая Физиономия откровенно наслаждалась таким поворотом событий, а старушка-присяжная смотрела на свидетельницу прищурившись.

– Была и другая подобная встреча, не правда ли?

Оливия не отвечала, опустив взгляд. Шея у нее тоже стала густо-красной.

– Двадцать седьмого сентября две тысячи шестнадцатого года, за два дня до этого?

Ответа не последовало.

– В конце нижней галереи репортеров есть звукозаписывающая студия Би-би-си. Около девяти вечера вы встречались там с мистером Уайтхаусом.

У Оливии вырвался какой-то писк.

– Вы встречались там с мистером Уайтхаусом или нет?

– Встречалась, – выдавила наконец Оливия.

Анджела чуть слышно вздохнула.

– И там у вас тоже случился страстный, рискованный секс – на этот раз только половое сношение, но вас опять-таки могли застать в любой момент. – Адвокат покачала головой: – Это уже напоминает систему – безрассудный секс на работе, вы не находите?

Но если присяжные ожидали, что Оливия и на этот раз проглотит унижение, они ее недооценили.

– Нет.

– Нет? – Анджела приподняла бровь.

– В первые два раза это был секс по взаимному согласию. По желанию. Но сейчас речь идет совсем о другом. – Голос Оливии дрожал, в нем смешивались ярость и страх, но он становился все тише и наконец замер, будто у нее кончились силы спорить с беспощадным оппонентом, будто она осознала, что ее проклянут, если она признается, что испытывала сексуальное влечение.

– За две недели до инцидента в лифте вы дважды занимались сексом в палате общин. Рискованным сексом, когда вас могли застать в любой момент. Да или нет? – Анджела помолчала, наслаждаясь усиливающимся напряжением. – Простого «да» нам вполне хватит.

Судья Лакхёрст, сочтя момент подходящим, предложил сделать перерыв.

– Десять минут, не больше, – сказал он, обращаясь к присяжным.

Могу поспорить, Анджела пришла в бешенство: она загнала жертву в

ловушку, и ей не терпелось нанести решающий удар.

Оливия вернулась более собранной – никаких слез, бледное лицо напряжено, – но Анджеला не знает жалости. Она выиграла решающее очко, сведя на нет различие, на которое абсолютно правильно указала Оливия, и теперь будет ее травить, пока от ее показаний не останется ничего, кроме окровавленного остова.

Первым делом адвокат схватилась за оскорбительную фразу: «Нечего было передо мной бедрами вертеть».

– А вы уверены, что он не сказал: «Не надо было меня дразнить. Не дразни меня»? Так ведь говорят друг другу любовники? Особенно любовники, которые наслаждаются недозволенным офисным романом, которым нравится рискованный секс в офисе или в лифте.

Над заявлением, что Уайтхаус разорвал нижнее белье Оливии, Анджеला только посмеялась:

– Эти трусы сами по себе непрочные и явно недорогие, а стало быть, некачественные. Нет никаких доказательств, что вы не разорвали их сами или что они уже не были порваны.

– Неправда! Они были почти новые. – Оливия еле сдерживала слезы.

– Вы могли их порвать, когда снимали.

– Ничего подобного! – настаивала Оливия.

Атмосфера стала тягостной.

– Я не хотела этого. Я сказала, что не хочу! – настаивала Оливия. Ее хладнокровие исчезло, уступив место неприкрытой боли.

Анджеला посмотрела на нее поверх очков.

– Вы в этом уверены? – сказала она, пригвоздив свидетельницу к стене.

– Да.

– Вы говорили, что не хотите этого?

– Да.

У меня все сжалось внутри: у Анджелы есть что-то конкретное против слов свидетельницы, а я могу лишь сидеть и слушать, не в силах отвести грозящий ей удар. Судья Лакхёрст тоже поднял взгляд, почуяв подвох. Ему известны все ловушки, которые мы расставляем. Присяжные подобрались, предвкушая новый поворот.

Анджеला вздохнула, будто ей не хотелось сыпать соль на рану, и достала лист бумаги – заявление. Через пристава она передала его Оливии, поклялась говорить правду и только правду, добилась, чтобы Оливия подтвердила: да, это ее заявление, сделанное в полицейском участке через десять дней после инцидента в лифте, и это ее подпись стоит под фразой

«С моих слов записано верно».

После этого Анджела подняла взгляд и жестом указала на документ.

– Четвертая страница, второй абзац. Пожалуйста, поправьте меня, если я ошибаюсь. Вы заявили: «Я просила его отстать от меня. Он грубо вошел в меня, хотя я повторяла: «Не здесь». – Сделав паузу, Анджела взглянула на присяжных. – Вы только что уверяли нас: «Я не хотела этого. Я сказала, что не хочу», но в заявлении, сделанном вами в полиции вскоре после случившегося, значит, что вы сказали: «Не здесь». В своем заявлении, поданном через десять дней после произошедшего, вы не упомянули, что говорили, будто не хотите этого. Вы лишь указали, что, по вашему мнению, место неподходящее. И только теперь, по прошествии нескольких месяцев, запутавшись, вы перед всеми нами произнесли эти слова.

Говоря это, Анджела в упор смотрела на судью. Эта огромная женщина, защищенная своими книгами, папками и мантией, выпрямившись во весь рост, уверенно озвучила свое главное обвинение – что Оливии нельзя доверять.

– Получается, вы ненадежный свидетель? – Вопрос прозвучал чисто риторически. – Вы любили этого мужчину, занимались с ним сексом в палате общин не один, а целых два раза, страдали от того, что он порвал с вами, признались ему, что считаете его привлекательным, уединились с ним в кабине лифта и целовали его с полным намерением снова заняться с ним сексом.

Оставив Оливию беззвучно раскрывать рот, Анджела эффектно закончила:

– Слова, которые вы произнесли в лифте, можно интерпретировать как завлечение. Вы не просто ненадежный свидетель. Вы нам лжете!

Глава 19

Холли

5 июня 1993 года

Был субботний вечер, ритмичная музыка, доносившаяся с дальней лестницы, вибрировала во дворе, – вечеринка первокурсников в самом разгаре. Шла шестая неделя летнего семестра. Одиноким студентам, отплясывая в дружелюбной потной толпе, могли при желании найти себе пару, обняв кого-нибудь за спину, обтянутую мокрой футболкой, или стиснув чьи-то ягодички в первой неумелой ласке.

Новые парочки разбредались по темным углам, девушки, усевшись на стулья или на колени партнеру, потягивали или жадно пили пиво и приступали к восхитительно подробному исследованию щек, шей и ртов новых любовников. Те немногие, которых никто не выбрал, продолжали танцевать, игнорируя счастливых. Они ритмично сгибали высоко поднятую правую руку, прыгали на носках и вытягивались всем телом от избытка юных сил: всем им было не больше восемнадцати-девятнадцати лет, и единственной заботой для многих было завязать знакомство до конца вечера.

Музыка усилилась: мощным крещендо зазвучал университетский гимн. Его подхватили и проскандировали в едином радостном порыве. Холли пела чуть слышно – она нетвердо знала слова и сбивалась. Дэн, ее знакомый по студенческой газете, пригласивший ее сегодня в Уолсингем, опускал руку все ниже и ниже, пока его палец не ткнулся в Холли. Дэн кружил девушку в танце, что-то пел, уткнувшись ей в волосы – от него разило пивом, – легко придерживал за талию, но его руки то и дело взлетали вверх, задевая ее груди. Холли это сердило и возмущало, ее приподнятое настроение сменилось стыдом и неловкостью.

– Извини, голова закружилась, – сказала она с улыбкой и отошла от Дэна. Строго говоря, она не лгала – буйный танец и две пинты сидра, бурлившего и плескавшегося в желудке, вызвали нешуточное головокружение. Пробравшись по душному залу – воздух был спертый и сладковатый от множества потных тел, – Холли вышла во двор. Шум пульсировал за спиной, окружая девушку плотным коконом и будто подталкивая вперед, прежде чем его впитывал грубо обтесанный золотистый камень стен. Вибрация ослабла, когда Холли направилась к

дому привратника, быстро и неровно стуча ботинками по мощеному двору. Ею двигало непреодолимое желание уйти отсюда, от Дэна, который, как она запоздало поняла, хотел с ней не только дружить.

Холли шла, сосредоточенно глядя на тротуарные плитки: она боялась, что непослушные ноги занесут ее на газон, где стояли строгие предупреждения не мять траву. Ее ноги определенно заплетались. От прохлады июньской ночи кожа у Холли покрылась мурашками, и она остановилась, чтобы накинуть на майку джинсовую рубашку, завязанную вокруг талии. Эйфория от сознания, что она была частью единой счастливой группы, прошла, и девушка начала тихонько напевать своим низким приятным голосом, стараясь вернуть ушедшую радость.

Голова кружилась уже меньше, и Холли несмело подняла голову к бескрайнему ночному небу – темно-синему, усыпанному мелкими бриллиантами звезд. Она попыталась разглядеть рисунок на бледной полной луне, стоявшей высоко в небе. Зеленая Венера подмигнула ей – Холли заморгала в ответ. Несколько секунд она смотрела в небо, словно не могла наглядеться на бездонную темноту над золотыми шпилями. Начитавшись феминистской литературы, Холли теперь повсюду видела фаллические символы, но остренькие башни казались удивительно жалкими и даже смехотворными в сравнении с роскошью звездного полога. Холли пошатнулась, засмотревшись на царственную красоту бескрайнего ночного неба, раскинувшегося, насколько хватало глаз.

Часы долгими, звучными ударами проббили полночь. Холли стала искать выход с территории колледжа. Повернув налево, она оказалась в крытой галерее, огибавшей залитый лунным светом прелестный внутренний дворик с дубовыми дверями в глубоких стенных нишах и мягким газоном. Неужели она заблудилась? Холли впервые оказалась в этом колледже, который был гораздо больше и роскошнее, чем ее, с оленьим парком и студенческим садом. Есть где заблудиться... Что, если она нарушает границы чужих владений? Но ее пригласил Дэн, и пригласил весьма настойчиво. Как всегда, Холли чувствовала себя непрошеной гостьей, чужой, белой вороной. Дэн, Нед, Софи, даже Элисон – хотя гордость северянки ни за что не позволила бы ей в этом признаться – с легкостью могли обосновать свое пребывание в Оксфорде, и только Холли до сих пор считала себя выскочкой, хитрой пронырой, попавшей сюда в рамках некой квоты для государственных школ, но недостойной здесь учиться, и была уверена, что рано или поздно ее разоблачат.

Она на цыпочках отошла в тень, подальше от глухих окон, обрамлявших пейзаж невероятной красоты, и прислонилась к бледной

стене из известняка. В тени Холли было комфортнее – она могла наблюдать, оставаясь незамеченной. Она не такая, как другие, но все-таки она здесь, пусть и с самого краешка. Холли крадучись двинулась вдоль стены, держась в тени, наслаждаясь тишиной и чувствуя, как от холодного ночного воздуха уходит хмель и возвращается способность думать. Она поступила довольно глупо; пожалуй, имеет смысл вернуться, притворившись, что долго искала туалет, найти Дэна и позволить ему снова поприставать к ней. Ее девственность становилась даже большей неловкостью, чем ее происхождение, и казалась настолько очевидной, что Холли боялась: скоро все об этом догадаются.

Сможет она решиться на это с Дэном? Холли подумала о своем приятеле: тощий, невысокий, с мягкими волосами и прыщами на подбородке. Красноречив – по крайней мере, на бумаге. Это ее в нем и привлекало – то, как Дэн умеет придать предложению идеальную форму. У него талант рассказать историю в нескольких точных словах. Он умен, а Холли ценила ум, пусть даже сегодня Дэн и вел себя неуклюже. Может, он просто нервничал и пытался дать понять, что хочет переспать с ней – или хотя бы что не считает ее физически отталкивающей? Возможно, лучше в первый раз проделать это с другом, когда это ничего не значит, когда в это ничего такого не вкладываешь и можно сохранить романтические идеалы. В первый раз же всегда больно и не очень приятно, и Холли не хотелось такого с тем, к кому она действительно равнодушна. Сунув руку под джинсовую рубашку, она поправила груди, приоткрыв соблазнительный вырез, получившийся с помощью нового «Уандербра», подрывавшего ее феминистские принципы, но волшебным образом перегруппировавшего ее жирок: сегодня Холли не казалась дремуче целомудренной. Глядя вниз на две мягкие выпуклости, она ощущала вину и непривычную гордость, думая: это тоже я, это часть меня, наверное, не меньшая, чем мои умные мысли и прочитанные книги. Расстегнув еще одну пуговицу и выпятив бледные полушария, Холли повернула обратно, к комнате отдыха для первых курсов. В душе у нее росло беспокойство, от жгучего ожидания внутри все сжималось.

Из дальнего угла галереи метнулась фигура. Холли услышала его раньше, чем увидела: упругие толчки ног спортсмена по гулкой плитке и дыхание, неожиданно интимное в полной тишине, когда он выскочил из-за угла и едва не врезался в нее.

Холли точно окаменела, замерев, как один из оленей в парке за стеной. Она слышала, что бегущий приближается, но не ожидала такой скорости и не думала, что он заполнит все пространство своей крупной фигурой,

дышащей энергией, так что места больше не останется ни для кого.

– О господи... извини, извини! – Он был шокирован не меньше Холли. Глаза над высокими скулами показались темными провалами, когда он вцепился в ее плечи, чтобы не упасть и не сбить ее с ног.

Девушка слышала, как колотится его сердце, и к страху и адреналину вдруг примешалась острое болезненное желание. Он тут же улыбнулся ей – привык очаровывать, хотя от него сильно пахло виски и его слегка шатало. Интересно, каково это – жить, зная, что тебе простят все ошибки, потому что твое природное обаяние неотразимо, даже когда ты пьян? Софи рассказывала, как «либертены» выливали в раковину дорогое шампанское, но Холли по-прежнему не верилось, что он, дисциплинированный спортсмен, выступающий за Оксфорд, участвует в подобных дебошах. Он не настолько плохо воспитан, думала Холли, жадно глядя на его гладкую кожу. Ее захлестнула нежность: может, ему не хочется быть в этом клубе? Может, он тоже не подвержен стадному чувству, хоть и одет сейчас в нелепый наряд «либертенов»? Он очень разгорячен, поняла вдруг Софи: возбуждение в нем так и пульсировало. Ей захотелось обнять его и убедить, что все будет хорошо. Она ощущала тепло его рук у себя на плечах, всего в нескольких дюймах от груди.

– Ничего страшного. – Она опустила глаза, боясь, что он угадает ее реакцию.

Его зрачки сузились – он вглядывался в ее лицо.

– А я тебя знаю?... Молли? Полли?

– Полли, – согласилась девушка. Еще бы ему помнить ее имя – их же не знакомили.

– Прелестная Полли...

Она засмеялась, смутившись от комплимента и его неуклюжей попытки сострить.

– Я тебя наверняка знаю – по крайней мере, должен знать. – Голос Джеймса стал мягким. Он придвинулся ближе, вглядываясь в ее лицо: – Милая, милая Полли...

– Ты слишком добр. – Стоя с пылающими щеками, она старалась смотреть вниз, но ее взгляд помимо воли сам то и дело устремлялся на его лицо.

– О нет, – сказал он с улыбкой.

Они сделали еле заметное движение друг к другу. Его рука скользнула ей за спину и оказалась у нее на шее. Девушку бросило в жар, когда он провел кончиками пальцев по ее стриженному затылку – самой, как она ошибочно считала, неженственной, из-за мальчишеской стрижки, части ее

тела.

– Ты выглядишь, как лесбиянка, – сказала однажды Софи, как всегда без задней мысли. – Ты что, это самое?

– Нет, что ты. Я – нет, – замотала головой Холли, смущенная своим нежеланием прослыть «розовой», потому что это же часть нормы, но испытывавшая большое облегчение оттого, что подруга не догадывается о ее чувствах к нему.

На мгновение закрыв глаза, Холли представила, как будто смотрит со стороны: двое студентов, словно в замедленной съемке, за несколько мгновений до первого поцелуя. Ведь все шло именно к поцелую. Да-да, в воздухе возникло то особое напряжение – связь, которую можно разорвать в последний момент, но которая, скорее всего, перейдет в поцелуй. Это же закон жанра – неизбежное сближение, падение друг другу в объятия, сплетение рук, «слияние уст», закрытые в ожидании чуда глаза, легкая улыбка, играющая на приоткрывшихся губах...

Ее глаза открылись сами собой. Он по-прежнему смотрел на нее, но взгляд его стал пристальным. Откровенное желание положило конец попыткам вспомнить, кто перед ним. Узнал ли он ее? Холли сомневалась. Она для него лишь очередная подвыпившая студентка, случайно подвернувшаяся при лунном свете, а он – здоровый, возбужденный спортсмен. Его пальцы скользнули по ее щеке, он склонился к ее лицу...

Его губы были мягкими, и первый поцелуй превзошел все ожидания Холли. Это было удивительно. Она искала взглядом его теплые зеленые глаза. Он посмотрел на нее, улыбнулся и снова склонился к ней. Его руки скользнули по ее талии, проникли ей за спину и притянули поближе. Холли упивалась его теплым дыханием, когда он целовал ее, щекоча языком ее губы. Она чувствовала вспышки удовольствия в самых неожиданных частях тела: вот такая частная вечеринка с фейерверком.

Это волшебство, подумалось ей, однако наблюдатель в ней отстраненно следил, как происходящее захватывало ее целиком. Страсть оказалась заразительна – у нее часто, возбужденно забилося сердце. Его губы стали тверже, настойчивее, язык проник ей в рот. Он был как волна, как сила, которая подхватила ее и несла, не заботясь, не слишком ли быстро это для Холли.

– Я, пожалуй, пойду, – начала она, не зная толком, куда идти и хочется ли ей этого. Она желала лишь немного замедлить происходящее, понять, где и что делают его руки: одна нырнула ей под рубашку, и широкий большой палец поглаживал сосок, а вторая оказалась под ее мини-юбкой.

– Правда? – Его глаза расширились, как у заблудившегося маленького

мальчика, и Холли увидела в них золотые искры и непонимание. Неужели он никогда не встречал отказа?

– Правда, – повторила она и улыбнулась, стараясь его задобрить.

– Не может быть. – В его голосе слышалось отдаленное ворчание грома, свидетельствовавшее о безграничной самоуверенности. – По-моему, ты совсем не хочешь уходить. – И он поцеловал ее сильнее, почти яростно, так что у нее начало саднить губы. Страсть, догадалась Холли и почувствовала удивление и даже гордость, что вызывает у него такие чувства. Но одновременно в ней пробудились страх и ощущение, что ситуация выходит из-под контроля.

– Нет, правда же. – И Холли со смешком отодвинулась.

Неужели он имеет наглость считать, что лучше знает ее желания? Это ее возмутило. Или это игра, чтобы ее соблазнить? Его взгляд стал мягче, и Холли безумно захотелось повторения первого поцелуя, дразнящего и нежного. Может, он поцелует ее так еще раз?

Он нагнулся и поцеловал ее в нос.

– Так лучше?

– Гораздо. – Значит, он ее понял. Холли испытала невероятное облегчение. Она тоже поцеловала его, задержавшись на его губах, наслаждаясь моментом, лунным светом, освещающим их молодые лица, безмолвной прохладой арок галереи, смесью возбуждения и трепета, побуждающей ее быть смелее, прогнать неловкость перед Софи, страх, что их застанут, опасение, что он плохо о ней подумает, и поддаться ощущениям, пульсирующим в ней и грозящим завладеть ею целиком.

Его пальцы играли с ее волосами, губы скользнули вверх по шее, покрывая кожу легчайшими поцелуями. Он подтянул девушку к себе и стиснул так, что у нее чуть не затрещали ребра и остановилось дыхание – воздух вылетел из груди, как из сложенного аккордеона. Услышав его шепот, Холли замерла, пораженная скрытой угрозой этих слов, хотя голос оставался негромким и ласкающим. Неужели он вправду произнес такое? Холли цеплялась за надежду, что ослышалась.

Но тут же поняла, что он не шутил.

Все изменилось. Она решила вытерпеть, прибегнув к привычной роли наблюдателя, представив, что просто смотрит, как это происходит с другой девушкой – Тесс Дарбифилд, например, – и видит ее боль. Холли сосредоточилась на гаргулье, гротескной фигуре, закрывающей глаза ладонями, в ужасе приоткрыв рот с опущенными вниз уголками. Гаргулья была вырезана в углу, у самой крыши. Смотри на происходящее глазами

гаргульи, повторяла себе Холли, прижатая к холодному неровному камню. Это всего лишь рядовой случай в истории университета. Здесь такое происходит уже несколько веков – джентльмены получают удовольствие от девок-прислужниц или мальчишек-слуг. Ничего личного, к тому же она сама напросилась, выставив свои нелепые груди и пляясь на него с нескрываемым желанием. Это ее вина, потому что вначале она сопротивлялась и говорила «нет», отрываясь от его губ, но он, должно быть, не слышал, и Холли быстро замолчала. Он закрыл ее рот своим, тяжесть тела заглушала вырывающиеся у нее звуки, иначе он бы так не поступил, ведь правда же? Ну если бы расслышал, что она на самом деле против? Шокированная ухмылка и толстый нос каменной гаргульи расплывались от слез, хотя можно было разглядеть ладони, прикрывающие глаза, и большие пальцы, затыкающие уши. Не слышать дурного, не видеть дурного.

Она вытерпела. Ей удалось выдержать почти все, только не получилось остаться отстраненным наблюдателем, когда он вторгся в самую интимную ее часть и тело пронзила резкая боль. Холли не удержала слез, покотившихся по щекам, но не закричала – она была слишком подавлена и испугана своей полной беспомощностью.

Закончив, он отодвинулся и извинился – не за сам акт, а за то, что она оказалась девственницей.

– В первый раз? О господи, извини. – Он взглянул на кровь, струйкой текшую по ее ногам и оставившую пятна на нем. – Что ж ты не предупредила? – Он спрятал свидетельство ее дефлорации и стыда под темными брюками. – Я бы не торопился... – Он стоял красный и растерянный – ему явно редко попадались девственницы. – Блин! – в сердцах произнес он в заключение.

Холли не делала попыток ему помочь. Он пригладил волосы, задорно взглянул на нее из-под челки и обаятельно улыбнулся.

– Блин! – повторил он и, запечатлев поцелуй на ее лбу, прижал ее к себе. Холли чувствовала, как перестукиваются их сердца через преграду ребер – сильно и быстро. Он попытался закончить на дружеской ноте: – Но ты уж не держи на меня зла!

У Холли перехватило горло. Тяжело дыша, она неподвижно стояла, ожидая, когда он ее отпустит, и мечтая уйти и смыть, соскрести с себя его следы.

– Не держу, – выговорила она.

Утром ее нашла Элисон. В свое общежитие Холли бежала бегом, держась в тени, не глядя на танцующие влюбленные парочки, и проскользнула в старинные ворота, когда другая студентка впустила ее «ночным ключом». Холли торопилась скрыться ото всех.

Она наполнила глубокую ванну очень горячей водой, не заботясь о соседях: трубы стонали и скрипели, изрыгая воду, и звук льющихся струй разносился по всему зданию с его деревянными панелями. Кожа у нее стала порсячье-розовой от обжигающей воды, обваренные ляжки заболели. Внутри защипало, когда Холли сунула в себя мыло. Опустившись поглубже, она неистово скребла ногтями шею, груди и ключицы, к которым он прикасался, царапая кожу, терла волосы, которые он гладил и тянул. Так мать когда-то вычесывала ей гнид. Холли скребла все сильнее, пока не почувствовала под пальцами что-то липкое и влажное и не увидела, что расцарапала себя до крови.

Потом она свернулась под одеялом, натянув спортивную фуфайку и тренировочные штаны – подростковую одежду, скрывавшую эти груди, это тело, которое доставляет одни проблемы.

Она ничего не чувствовала. Внутри по-прежнему жгло, но сердце превратилось в твердый тяжелый камень. Она плакала, пока не заснула. Ощущение вины и ярости придут позже и будут вспыхивать в самые неожиданные моменты, но пока у Холли не было на это сил.

Она не пошла на завтрак. Со двора доносились голоса первокурсников, которые возвращались из столовой, наевшись тостов, овсянки и яичницы с беконом, напившись чая или кофе из кофеварки и заплатив розовым талоном, на котором значилось «50 пенсов». На десять было назначено совещание телефонной службы доверия «Найтлайн» – Холли на него не пошла. Она не встретилась с Элисон за ланчем, хотя они и договаривались. Мысль наткнуться на кого-нибудь, особенно на Софи, милую, ни в чем не повинную Софи, вызывала у Холли тошноту.

В полвторого в дверь забарабанили. Холли вцепилась в одеяло. Уши у нее заболели от настойчивого стука. Пришедший был настроен решительно и не собирался уходить.

– Кто там? – Холли не узнала собственный голос, тихий и дрожащий. Решившись встать с безопасной постели, она крадучись подошла к двери.

– Это я, Элисон! Ты заболела? Или вы там с Дэном? Если да, то я отваливаю.

С трудом справившись с ключом, Холли потянула дверь, и это усилие – открыть дверь и одновременно открыть кому-то себя – едва не лишило ее последних сил.

Рот подруги в ужасе приоткрылся. Холли знала, что глаза у нее опухли и налились кровью, на щеках следы слез, лицо без макияжа кажется совсем детским и каким-то голым.

– Что с тобой случилось? – Слова вырвались у Элисон шепотом, будто, если говорить тихо, можно не верить ответу. Она протянула руки, чтобы обнять Холли, но та попятилась, съежившись.

Глава 20

Холли

19 июня 1993 года

Вскоре после этого она уехала домой. Весь ее вид, когда мать, Линда, встречала ее на вокзале, говорил о подавленности и крахе надежд. Именно это Холли и чувствовала – что она неудачница, раз не настояла на своем в сексе и в разговоре, не смогла доходчиво озвучить важнейшую вещь – она не хочет, чтобы вторгались в ее тело.

– Там слишком много снобов, – говорила она, когда ее спрашивали, почему она не поедет в Оксфорд в октябре.

Мэнди, не скрывавшая радости от того, что ее высоко метившая сестрица опалила себе крылышки, приставала к ней с расспросами.

– Отвяжись, сделай милость, – сказала ей Холли. – Просто это не мое.

– Наверное, девочка стосковалась по дому, – объясняла ее мать в ответ на расспросы подруг. – Там, на юге, все чужое.

Куда как лучше учиться в Ливерпульском университете, откуда можно приехать домой, когда захочется. Линда была неглупой женщиной и видела, что дочь пережила какое-то потрясение. Наверняка из-за парня. Или, еще вероятнее, из-за мужчины.

И в сентябре 1993 года Холли начала все заново в Ливерпульском университете. Рекомендации оксфордских преподавателей были превосходны, хотя экзамены Холли сдала не так блестяще, как ожидалось. У нее был полный грант на обучение, и никто не собирался лишать ее стипендии только потому, что она перешла на юридический факультет.

– Гораздо лучше приобрести какую-то практическую специальность, – сказала она Мэнди.

Сестрица кивнула, не преминув напомнить, что говорила об этом с самого начала.

– На романтической литературе далеко не уедешь.

– И чего же тебе хочется? – Мэнди жевала жвачку с деланным безразличием, но ей не давало покоя, что старшая сестра вдруг стала такой карьеристкой.

– Да мало ли, – отмахнулась Холли с притворным безразличием. Откровенничать с Мэнди означало подставляться. – Закрывать плохих парней, добиваться правосудия... – Впервые после возвращения домой она

улыбнулась по-настоящему. Улыбка вспыхнула и в глазах, ненадолго прогнав из них суровое выражение.

Диплом она получала уже как Кейт Мохайни. Кейт – более твердая и резкая форма ее среднего имени Кэтрин, а Мохайни – девичья фамилия матери, которую Линда вернула себе, узнав, что Пит со своей двадцативосьмилетней подружкой ждут ребенка.

Холли Берри – папашина шутка, превратившая ее в посмешище, – исчезла навсегда, как руно, состриженное с замызганной меченой овцы, обнажив чистую, безжалостно оголенную кожу.

Метаморфозы на этом не кончились. Волосы, которые Холли коротко остригла перед Оксфордом, за несколько лет отросли и посветлели. Спрей «Сан-ин», которым ее щедро поливала Мэнди, сменился мелированием, выглядевшим так естественно, что лишь мать и сестра помнили, что Кейт не натуральная блондинка. Девушка сильно похудела: чересчур соблазнительные груди и округлый живот будто сдулись, тело стало совершенным и стройным, а вес контролировался регулярными пробежками и постоянными взвешиваниями. Война с телом велась постоянно: мягкая податливость и ненужная сексуальность изгонялись, пока Кейт не превратилась почти в андрогина, став худой и резкой. Густые сросшиеся брови были элегантно выщипаны, а когда сошел жир, обозначились скулы – высокие и четкие. Прежде пухлые, щеки слегка запали, и лицо по форме стало напоминать сердечко.

– А она у нас похорошела, – отметила Линда, когда Кейт окончила университет, фотографируя ее перед Ливерпульской филармонией. Квадратная шапочка была лихо сдвинута набок, но улыбка Кейт казалась жесткой. – Вот бы она это поняла и начала с кем-нибудь встречаться...

Студенческие годы в Ливерпуле прошли практически без поклонников: Кейт Мохайни мало кто отваживался пригласить на свидание – настолько она презирала мужчин. Поэтому все очень удивились, когда она, поступив в лондонскую адвокатуру, обзавелась бойфрендом, быстро ставшим ее мужем. Алистера Вудкрофта, добродушного молодого человека, всегда уступавшего жене, по окончании учебы так и не взяли на работу в судебную систему.

Кейт мечтала научиться снова доверять людям, отказаться от излишней категоричности, ставшей частью ее натуры, позволить хоть немного любить себя, но не смогла вынести близких отношений, хоть и терпела секс. Она не пускала мужа в свой личный мирок и пресекала его попытки помочь. Она вскидывалась, затевала ожесточенные споры, осаживала его, отталкивала, как только возникал риск сближения. Кейт

видела, как его глаза сверкали от обиды, и подольше задерживалась в баре или офисе, приходя домой, когда муж уже спал – или притворялся спящим.

Брак продержался полтора года, внушив Кейт стойкое нежелание жить с кем-то еще – и оставив ей новую фамилию, под которой она начала юридическую карьеру. Фамилия нравилась ей своей простотой: твердые, деловые согласные, два бесстрастных слога, оставляющие впечатление чего-то прочного.

Так появилась Кейт Вудкрофт.

Глава 21

Эли

26 апреля 2017 года

Опершись о кухонный стол, Эли натянула плотные черные колготки и сунула ноги в туфли. В доме, в виде исключения, было тихо. Десять вечера. Завтраки в школу собраны, на кухне более или менее чисто. Дети спят, Эд в отъезде. Эли понимала, надо воспользоваться возможностью и поспать подольше, но у нее еще оставались силы. Ей так редко выпадает возможность спокойно посидеть и подумать!

Отпив глоток чая «Эрл Грей» без кофеина, бесцветного и успокаивающего, взрослый эквивалент теплого молока, которое Джоэль все еще требует перед сном, – его Эли заваривает, когда у нее хорошее настроение, что в последние годы бывает реже и реже, – она взяла вчерашнюю «Гардиан». За неделю Эли едва просматривала пару газет, но эту бесплатно положили к покупкам в супермаркете. Можно в кои-то веки узнать обстановку в мире.

Пробежав первую страницу, Эли открыла сразу третью, где даже крупные газеты печатают самые скандальные истории. На глаза ей попался отчет о первом дне процесса над Джеймсом Уайтхаусом. Именно о нем говорила Кейт, сидя за этим столом: резонансный процесс над высокопоставленным чиновником станет новым стимулом для ее карьеры. Ни о чем другом она и думать не могла.

Эли не видела подругу больше месяца – уже целых шесть недель – и почувствовала угрызения совести: надо было хоть эсэмэс написать с пожеланием удачи. Хорошая подруга, Эли искренне считала свою работу пустяковой по сравнению с профессией Кейт. Она взглянула на часы, не решаясь беспокоить ту неурочным звонком. Лучше не надо. Если Кейт работает, это ее только отвлечет. Да и в любом случае уже поздно.

Эли торопливо читала, ухватывая суть: любовница, лифт, палата общин – и зловещая подробность, от которой статья переставала быть пикантным анекдотом: «изнасилование». Надо же, какая Кейт умница, раз ей поручили такое важное дело... Но Эли не верилось в виновность Уайтхауса, смотревшего на нее с фотографии шириной в четыре колонки со смесью серьезности и уверенности в себе. Ни усмешки, ни намек на самодовольство, только эта характерная вера в себя. Он знает, что

невиновен, говорила фотография, и присяжным ничего не останется, как тоже в это поверить.

Кожу под волосами стянуло от смутной тревоги. Если он не совершал преступления, тогда Кейт поддерживает обвинение против невиновного. Но как же это возможно? Вот чего Эли никогда не понимала в адвокатах, так это их легкомысленного объяснения, что необходимо доказывать вину, а не невиновность. От ошибок и правосудие не застраховано. Эли надеялась, что Джеймс Уайтхаус все же невиновен. У него жена и дети, им-то сейчас какво? Эли с трудом представляла, что переживает его бедная супруга. Но если он не совершал преступления, Кейт проиграет дело и будет страшно расстроена!

Эли просмотрела статью до конца. Надо же, всего на два года старше, чем они, окончил Итон, учился в Оксфорде – она так и думала. Жена на суд не приходит. Любопытно, что об этом упоминают в газете. Интерес Эли к семье Уайтхауса усилился: а кто у него супруга? Взяв айпад, она смущенно набрала ключевые слова, отчего-то надеясь, что Уайтхаус женат на каком-нибудь богатом страшилище, хотя и понимала, что это маловероятно.

А вот и пара строк о его жене: «Супруга обвиняемого Софи Уайтхаус, внучка шестого барона Гринуэя из Уиттингтона». На фотографии она, сжимая руку мужа, надменно смотрит на фотографа. Длинные темные волосы, большие голубые глаза, в которых читается впечатляющая комбинация презрения, обиды и, пожалуй, страха.

Внутри у Эли все оборвалось, сердце заметалось, стуча о ребра. Ей знакомо это лицо, эта женщина! Здесь она, конечно, старше и ухоженнее, но сомнений быть не может: в последний раз Эли видела ее в студенческой столовой, в спортивной форме университетских гребцов, из которой эта Софи не вылезала, или в топе на бретельках и крошечных джинсовых шортиках. Кажется, это было после выпускных экзаменов, когда целый июнь они ничего не делали, только пили и устраивали пикники в университетских парках. Эли помнила, как эта Софи смеялась, откидывая голову, играла в крокет во дворе колледжа и говорила уверенно, громче однокурсников. Красивый вкрадчивый голос с прекрасными модуляциями порой портил вырывавшийся у нее слишком громкий смех – смех человека высокого статуса.

Софи Гринуэй. Одна из красавиц, без усилий влившихся в студенческую жизнь, не тративших время на общение вне своего круга, мгновенно вычислявших, кому никогда не стать одной из них, изучавших историю искусств, английский или классическую литературу – никаких точных или, еще не хватало, *полезных* наук, потому что им не приходилось

искать работу сразу после университета, чтобы выплачивать кредиты. Оксфорд для них был скорее школой жизни, источником разностороннего образования. Хотя некоторые стали бухгалтерами или менеджмент-консультантами – на последнем курсе у них все-таки включился здоровый прагматизм.

Софи почти не замечала Эли, или Элисон, как она тогда себя называла, считая, что так солиднее. Так почему же память выделила ее из массы игнорировавших Эли мажорок? Почему здесь угадывается какая-то связь?

Ответ Эли поняла еще до того, как спустилась в туалет на первом этаже, где у нее, в качестве тонкой иронии, висела общая фотография со дня посвящения в студенты. Вот оно, доказательство, которого Эли не хотела видеть, в этой массе открытых юных лиц с густыми челками и мягкими мышинными волосиками, одинаково одетых в оксфордскую форму, в которой полагалось являться на экзамены и официальную церемонию посвящения в студенты: белые блузки, белые галстуки, черные ленты для девушек, черные мантии и черные квадратные шапочки, которые большинство надели прямо и только самые самоуверенные лихо сдвинули набок.

Вот они, эти две девушки с лицами не больше отпечатка пальца, на разных концах шеренги, растянувшейся во всю длину часовни. Стояли они, как помнилось Эли, на скамье. Девушки, совсем не похожие внешне – одна пухлая, другая стройная, – но изучавшие один предмет и одинаково переполняемые оптимистическими ожиданиями. Точно прыгуны в воду у бортика бассейна, студентки внутренне собранны перед необыкновенным приключением длиной в три года. На лицах Софи и Холли читается надежда, а не страх.

Эли вглядывалась в фотографию, думая, что сейчас они вряд ли общаются. Это ей подсказывал здравый смысл – об адвокатской этике Эли знала мало.

Упоминала ли об этом Кейт, проговорившись, что поддерживает обвинение против Джеймса Уайтхауса? Прозвучало ли что-то вроде: «Ты никогда не догадаешься, кто его жена»? Может, Кейт делала какие-то туманные намеки? Эли напрягала память, убеждая себя, что Кейт в курсе и сюрпризов не будет, что все по-честному и она знает, что делает. Но с ледяной ясностью, от которой по спине у нее пробежали мурашки, Эли поняла: ни о чем таком они не говорили. Кейт этой детали в беседе не касалась.

От тревоги в животе будто лег камень. Почему Кейт об этом умолчала? Или ей неизвестно, что Джеймс Уайтхаус женат на Софи, которую они

знали по Оксфорду? Но разве Софи уже тогда не встречалась с Джеймсом? Эли помнила высокого широкоплечего гребца с густой челкой до самых глаз, прикрывавшей высокий лоб, – красавец не удостаивал их даже взглядом, когда им случалось стоять в коридоре, а он выходил от Софи. Его образ всплыл из глубин памяти, пробившись сквозь залежи ненужных воспоминаний. Наверняка это был он, Уайтхаус!

Возможно, Кейт не связала одно с другим – или не сочла это важным: ведь она не знала Уайтхауса лично, а только ходила на семинары вместе с его подружкой. Значит, любой, мнимой или реальной связью может пренебречь. Но в это трудно было поверить. Кейт, с ее системой кодировки цветными стикерами и сложнейшими планами сочинений, с аналитическим подходом к судебным делам, с ее прекрасной памятью, наверняка бы отыскала эту ниточку. Ничего не упустила бы, даже не сразу вспомнив, что супруга подсудимого – та самая Софи, с которой они ходили к тьютору. Это же знакомство, пусть мимолетное и ничего не значащее! Так почему Кейт ни словом не обмолвилась? Тому могла быть единственная причина, прошившая Эли насквозь ледяной стрелой. Страх разлетелся от сердца по всему телу.

Облокотившись о стенку туалета, она разглядывала фотографию, припоминая забывшиеся имена тех, кто слился в единое черно-белое пятно для привычного глаза. Теперь свидетели тех золотых лет словно выходили из небытия. Впрочем, Кейт не назвала бы то время золотым – вернее, Холли, как ее тогда звали. Эли будто воочию увидела свою дорогую подругу в мешковатом анораке, скрывающем фигуру, с набрякшими веками и красными глазами, в которых застыла непривычная апатия. И вспомнила, что случилось с Холли.

Подруга так и не рассказала, кто это сделал. Когда Эли пришла к ней на другой день, Холли признала только сам факт изнасилования. Кто-то из другого колледжа, сказала она. Эли сначала подумала на Дэна из студенческой газеты, но пару дней спустя увидела его и не смогла представить себе, чтобы тощий нервный мальчик с мягкими волосами и прекрасными длинными пальцами проявил по отношению к ее подруге – а он явно питал к Холли большой интерес – агрессию, сделав бы с ней такое.

Эли сразу догадалась, что Холли изнасиловали: такой реакции не бывает после секса по согласию. Пьяное совокупление стоя, на которое соглашаешься, потому что, как говорится, легче дать, чем отказать, – это одно, но если девушка безжалостно оттирает потом свое тело, лезет в ванну с кипятком и сдирает с себя кожу как одержимая, – это уже совсем другое.

И здесь двух мнений быть не может.

Эли предлагала Холли обратиться в полицию или сходить к женщине-полицейскому, прикрепленной к колледжу (правда, ни Эли, ни Холли не знали, что она может сделать и сталкивалась ли когда-нибудь с подобными проблемами). Может, посоветоваться со старшим преподавателем первого курса, молодой лекторшей-француженкой? Уж она-то лучше разбирается в проблемах студенток, чем почтенные академики. Но Холли только энергично мотала головой.

– Я сама виновата, – шептала она. – Наверное, я вела себя чересчур вызывающе. Видимо, я двусмысленно держалась.

Она смотрела на Эли, ища у нее ободрения, которого подруга при всем желании не могла ей дать.

– Твоей вины в этом нет, ты тут ни при чем! – убеждала она.

Но слова не помогали – Холли продолжала винить себя. С какой стати кому-то ее насиловать, если бы она его к этому не поощряла?

Она категорически отказалась идти в полицию. Эли ее понимала: кому захочется сообщить о своем позоре, привлечь к себе всеобщее внимание, рассказывая и пересказывая случившееся, рискуя, что тебе не поверят? Девушек в этот колледж начали принимать совсем недавно, и существовало мнение, что им не следует раскачивать лодку. Так для чего же Холли оставаться в памяти дирекции, преподавателей и студентов девицей, допрыгавшейся до изнасилования?

Она замкнулась в себе – девушка, чей расцвет длился так недолго. Холли только-только превратилась из робкой, недоверчивой провинциалки в одаренную студентку, обеими руками хватавшей за все, что Оксфорд мог предложить. Холли перестала писать очерки для «Червелл» и ходить на митинги лейбористов, забросила занятия в хоре колледжа, хотя обладала прекрасным сильным и очень востребованным альтом. Она больше не работала ночным консультантом на телефоне доверия и безвылазно сидела в читальном зале Бодлеанской библиотеки, устроившись в конце длинного дубового стола и соорудив вокруг себя надежный бастион из книг. Если ей случалось выйти ночью, она сжимала в руке «сигнализацию» – твердую трубку, издававшую при нажатии пронзительный рев. Но вообще-то Холли почти никуда не ходила, кроме библиотеки. Там она пряталась – только макушка виднелась из-за книжной баррикады.

На второй курс Холли не приехала, написав Эли: «Наверное, Оксфорд не для меня. Мне не подходит его климат. Причину знаешь только ты». Последняя фраза, а также жалкий вид Холли после изнасилования и то, как несколькими месяцами раньше она помогла Эли, найдя подругу в отключке

на полу туалета, натянув ей спущенные трусы, а потом умывая ее перепачканное рвотой лицо, придерживая сзади собранные волосы, – сплотило девушек гораздо теснее, чем хорошие времена. Эли сразу написала в ответ, завязалась постоянная переписка, а когда подруги переехали в Лондон, дружба только окрепла.

К тому времени Холли уже превратилась в Кейт – жесткую, элегантную, почти неузнаваемую. Это произошло не сразу, но когда она начала работать, метаморфоза уже завершилась. Новая Холли была куда увереннее в себе, чем несчастная девушка, сбежавшая от позора в родной Ливерпуль: голос ее стал ниже, звучнее и благороднее, акцент исчез совершенно. Лишь изредка, когда ей случалось выпить и впасть в сентиментальность, возвращалась прежняя скороговорка. Кейт стала лощеной, хладнокровной и разучилась шутить, ее интересовала только работа, а бедняга бойфренд, быстро ставший мужем, довольствовался вторыми ролями. Эли его искренне жалела: это был приятный молодой человек, лишенный неприкрытого честолюбия Кейт, ее энергии и упорства, с мягким характером – должно быть, стабильная жизнь представителя среднего класса никогда не преподносила ему неприятных сюрпризов.

Подруги не вспоминали о том, что произошло в ту ночь, – к чему? Однажды Эли заговорила на эту тему, но тут же пожалела об этом.

– Слушай, ты вообще как? Ну после того, что тогда случилось?..

Кейт уставилась на нее расширенными холодными глазами.

– Я не желаю об этом говорить.

– Конечно-конечно, извини, – смутилась Эли и заговорила о другом, пряча глаза, чтобы Кейт не увидела, что она заметила ее румянец.

– Ничего. – В голосе Кейт послышалась теплота, будто она смягчилась. Закончила она так тихо, что Эли пришлось напрячь слух: – Я просто не могу об этом говорить.

Но и без разговоров было понятно, что Кейт по-прежнему живет прошлым: затаенная боль никуда не делась и возвращалась, когда Кейт рассталась с Алистером, когда подолгу жила одна, когда металась между короткими, ни к чему не ведущими связями.

Пусть это случилось больше двадцати лет назад, но изнасилование совершенно изменило Холли. Сделало ее Кейт. Послужило катализатором блестящей карьеры уголовного адвоката, предпочитавшего выступать на стороне обвинения. Эли это чувствовала, пусть подруга и не признавалась в этом.

Могло ли случиться так, что старая боль пересилила профессиональную объективность? Возможно ли – чисто теоретически, –

что Кейт изнасиловал Джеймс Уайтхаус и теперь она преследует его на почве личной неприязни? Пока Эли знала только, что двадцать четыре года назад Кейт была знакома с девушкой, впоследствии ставшей женой обвиняемого. Раз она об этом умолчала, значит, есть какая-то причина. Вопрос без ответа не давал покоя, как укус насекомого. Эли знала: нельзя расчесывать зудящее место, но чем больше она старалась об этом не думать, тем большее смятение росло в ее душе. Так, ну-ка, понемногу, не спеша: Джеймс крутил амуры с Софи, которая занималась с тьютором вместе с Холли. Значит, Джеймс мог знать Холли – в Оксфорде они точно учились в один и тот же год. Но только на этом основании его невозможно обвинить в изнасиловании Холли!

Эли вышла из уборной, оставив там фотографию молоденьких доверчивых студенток, и постаралась успокоиться. Она поставила чайник и, чтобы чем-то себя занять, заварила еще чая. Теоретически не исключено, что Кейт не стала упоминать давнего знакомства с подсудимым из-за той мрачной, позорной истории. Она ни разу не назвала имя насильника, и упорное желание сохранить это в тайне теперь вполне объяснимо. Но Кейт может быть жесткой, упорной и безжалостной, и если – только если – изнасиловал ее все же Джеймс Уайтхаус, она способна стереть его с лица земли, и ее будет мало волновать, раскаивается он в старых грехах или нет.

Но как же бедняжка Литтон, обвиняющая его в новом изнасиловании, если Кейт думает не об обстоятельствах дела, а совсем о другом? На суде всю жизнь этой Оливии вывернут наизнанку, растерзают ее на части! Эли глубоко вздохнула. Кейт, организованная, дисциплинированная Кейт не пойдет на поводу у эмоций. Она направит давно копившийся гнев в нужное русло и выиграет процесс.

А что ждет Софи? У Эли сжалось сердце. Бедная женщина. Она не просто какая-то недалекая мажорка, а давняя знакомая, чем-то похожая на саму Эли, – и такой чудовищный удар!.. Интересно, каково было жить и спать с Уайтхаусом? Эли помнила, как Софи со всех ног бежала через привратницкую на свидание и заливалась нежно-розовым румянцем, упоминая «своего бойфренда». Теперь его судят в Олд-Бейли, а она не приходит на заседания. Неужели подозревает, что он совершал такое и раньше? Даже если она сомневается в порядочности своего мужа, ей сейчас надо молиться, чтобы его оправдали.

Эли подумала о своей любимой подруге. Если Кейт проиграет дело, она не только погубит свою карьеру, но и упустит возможность отомстить своему насильнику, сломать ему жизнь, как он едва не сломал жизнь ей.

Если Уайтхаус уйдет из зала суда оправданным, его новая жертва будет

просто раздавлена, однако такой исход может кое-как склеить пошатнувшийся мирок Софи. Но как это отразится на Кейт?..

Глава 22

Кейт

27 апреля 2017 года

Он почти не изменился за столько лет. Более того, он не только не состарился, но и сделался еще красивее. Есть такие мужчины, которые, подобно сыру или красному вину, с возрастом становятся только лучше. Морщинки у глаз и легкая седина на висках добавляли солидности, подбородок стал тверже и казался решительнее. Уайтхаусу вполне удался хитрый трюк выглядеть моложавым, но умудренным жизнью.

Фигура у него осталась, как у юноши: все тот же торс спортсмена, широкие плечи, рельефный пресс – видимо, от вестминстерских ланчей брюшко не растет, или Уайтхаус сгоняет жирок упражнениями. Хотя он активно участвовал в дебошах «либертенов», мне казалось, что на самом деле он на них не похож. Член элитной команда гребцов, сумевший стать первым, политик, который меньше чем за пять лет после избрания в парламент сел в кресло заместителя министра, сделав перед этим впечатляющую карьеру в совершенно иной области, – такой человек знает, что такое жесткий самоконтроль и дисциплина.

Входя в зал суда, я едва достаиваю его взглядом: меньше всего мне сейчас нужен прямой контакт. Страх, что он каким-то образом меня узнает, еще не прошел, пусть я и переделала себя столь радикально. Даже профиль стал другим: свой нос я не любила еще до того, как Джеймс Уайтхаус нагнул и поцеловал его кончик, но после этого стала просто брезговать им. Опытный хирург сделал его классически прямым, и теперь даже я не узнаю в зеркале прежнюю простушку, а чтобы под париком и мантией разглядеть во мне Холли, нужна нечеловеческая зоркость.

Однако быстро выяснилось, что подсудимый воспринимает меня только как Кейт Вудкрофт, королевского адвоката, и глубоко сидящий страх отступил. Я убедилась, что он конечно же меня не узнает: вспомнить меня невозможно, плюс я осталась для него анонимной студенткой – Полли или Молли, как он тогда сказал. Наша встреча была для него лишь очередной зарубкой на кроватном столбике. Я стала одной из многих побед, которую он записал на свой счет, если не забыл.

Я глубоко дышу: неожиданно сильно забило сердце. Меня вдруг охватило иррациональное возмущение: да как он смел забыть и даже не

понять всю глубину вреда, походя нанесенного мне? С каждым звериным толчком он разрушал мою веру в то, что мир населен в основном порядочными людьми. Боль внизу прошла быстро, тошнота от противозачаточной таблетки, принятой утром, длилась всего один день, но вот память об изнасиловании – о задранной юбке, об обжигающем жаре его губ, о фразе, которую он произнес, – эта жгучая горечь не уходила. Мне казалось, я давно с ней справилась, но едва Брайан передал мне документы по делу, как воспоминания сразу ожили.

Я перелистывала свои записи, стараясь представить, что подсудимый думает обо мне – женщине с острым лицом и в парике. Я не знаю, смотрит ли он на меня с интересом, потому что у меня нет причин смотреть на него: один из парадоксов заключается в том, что Уайтхауса, несмотря на большой объем доказательств его вины и его роль подсудимого, можно игнорировать. Мы, адвокаты обвинения и защиты, не один час будем слушать свидетелей, излагающих свою версию событий, и даже головы не повернем к Уайтхаусу. Его вообще можно не допрашивать, хотя, конечно, Анджела своего не упустит: безумием было бы не вызвать его для дачи показаний. Но пока у нас есть другие свидетели, к которым и приковано основное внимание.

Первой заслушают Китти Леджер, подругу Оливии и сотрудницу центрального офиса партии консерваторов. Это Китти разговаривала с «Дейли мейл», когда репортеры впервые вышли на Оливию в связи со слухами об интрижке. Что бы ни утверждала Анджела Риган и ни думал Джеймс Уайтхаус, Оливия не звонила в таблоиды, а лишь разрешила Китти отвечать на звонки репортеров, пронюхавших о служебном романе. За это Анджела Риган обрушит на Китти шквал критики – а также за то, что Леджер убедила Оливию заявить в полицию. Моя задача – доказать, что у Китти нет личной антипатии к нашему влиятельному импозантному политику, близкому другу премьер-министра и члену партии тори, которого Китти как сотрудница отдела предвыборных кампаний должна, по здравом размышлении, всячески поддерживать. Так почему же она помогала ковать цепь событий, которая в итоге притащила Уайтхауса на скамью подсудимых в Олд-Бейли? Китти Леджер могла это сделать только в одном случае: если она была убеждена, что это правильно с точки зрения морали.

Она хороший свидетель – это видно сразу, как только Леджер поднимается на свидетельское место. Плотная брюнетка около тридцати, со строгим каре, в скромном темно-синем платье, непробиваемо спокойная. Леджер легко представить директрисой школы или главной медсестрой реанимационного отделения – ее, как говорится, не сдвинуть. Такая слегка

начальственная подруга, которая никогда не поставит себя в щекотливое положение и сумеет поступить грамотно, если туго придется другим. Такие женщины автоматически берут на себя командование в критических ситуациях.

Я смотрю на нее и вижу – пусть даже кому-то Китти Леджер покажется скучноватой, – что у нее есть четкие моральные принципы, ощущение того, что хорошо и что дурно, практикуемое с детства, когда воскресенья начинались с посещения церковной службы. На шее у нее маленький бриллиантовый крестик, так что, пожалуй, я не ошибаюсь. Вряд ли Китти Леджер знавала в жизни серьезные потрясения, но если другую женщину глубоко оскорбили, Китти сделает все, чтобы это исправить.

Она отвечает уверенно и четко, назвав свое имя и подтвердив дружбу с Оливией. Я еще раз повторила для присутствующих, что подруга впервые позвонила ей на следующий день после инцидента в лифте.

– Можете описать, какой она была?

– Расстроенной, плачущей. Обычно она философски относится к неприятностям – вернее, относилась до их разрыва с Уайтхаусом, но в тот день она очень страдала.

Мы уже выяснили, что это было за неделю до того, как Китти разговаривала с «Дейли мейл», подтвердив ходившие слухи. Я задала вопрос: Оливия разрешила ей это сделать, потому что искала мести?

– Нет. Она была возмущена его поведением.

Краем глаза я увидела, как Анджеला что-то отметила у себя в записях.

– Она считала, что ею просто-напросто воспользовались, но при этом винила и себя за то, что он с ней сделал, причем не меньше, чем Уайтхауса. Она сказала, что чувствует себя грязной, будто все произошедшее – ее вина.

Далее свидетельница сказала, что расспросила подругу о случившемся. Я представила, как Китти Леджер, с расширившимися от ужаса карими глазами, обнимает подругу за плечи, как сильная старшая сестра, и в ее голосе слышится то безмерный гнев на насильника, то мягкое сочувствие к жертве.

– Кто впервые заговорил об изнасиловании? – Это нужно разъяснить прямо и недвусмысленно.

– Я. – Китти не собирается оправдываться: голова у нее высоко поднята, плечи расправлены. – Когда Оливия рассказала, как он разорвал ее трусики, показала мне свой синяк и повторила, что он ей сказал... – Китти еле сдерживала отвращение. – Я спросила: «Ты вообще понимаешь, как называется то, что он с тобой сделал?» Оливия кивнула и заплакала.

Говорить она не могла.

– Поэтому вы...

– Да. – По залу ощутимо пробежало волнение. – Я так и сказала: «Он тебя изнасиловал. Ты несколько раз повторила, что не хочешь этого, а он и ухом не повел. Это изнасилование».

– И что случилось после ваших слов?

– Оливия долго плакала, потом сказала: она надеялась, он ее любит. Ей просто не верилось, что он с ней такое сделал. «Это не укладывается в голове даже у меня, – сказала я, – но Джеймс Уайтхаус действительно надругался над тобой».

– Вы обсуждали, какие шаги теперь предпринимать и предпринимать ли вообще?

– Я предложила ей обратиться в полицию. Сперва Оливия очень не хотела этого делать. Мне кажется, ей хотелось, чтобы все как-нибудь само собой устроилось. Она ничего не делала больше двух недель.

– Это было в понедельник, тридцать первого октября, через девять дней после того, как история появилась в газетах?

– Да, – не смущаясь, ответила Китти. – Я поговорила с репортером, только когда они начали звонить Оливии по поводу служебного романа, и подтвердила, что между ними действительно был роман, но ничего больше не прибавила.

– Если я не ошибаюсь, в газетах писали, что «друг» Оливии заявил: «Он отвратительно с ней обошелся. Она любила его, а он злоупотребил ее доверием». «Друг» – это вы?

– Да.

– Что вы имели в виду, сказав «он злоупотребил ее доверием»?

– Что он ее унизил, недостойно с ней обошелся. Я не намекала на изнасилование или на физическое насилие. Оливия очень беспокоилась, чтобы я ничего такого не сказала, а юридически я не имела на это права. Мне кажется, она еще надеялась, что он извинится и они наладят отношения.

– Наладят отношения? – Я подняла бровь. Сейчас нужно на корню подавить возможное заявление защиты, что Оливия, ловко манипулируя подругой, слила через Китти информацию таблоидам в надежде подтолкнуть Уайтхауса к примирению.

– Ну не так, чтобы они снова сошлись, но хотя бы чтобы смогли работать вместе. Оливия считала невозможным продолжать работать с Уайтхаусом после того, что он сделал.

– Но извинений она не дождалась?

– Нет. Уайтхаус пришел в ярость из-за того, что история попала в газеты, усмотрев в этом некую женскую месть. Он перестал отвечать на ее звонки и замечать ее при встречах. И до Оливии наконец дошло, что он не собирается извиняться. Он вообще не считал, что сделал что-то плохое. Ей понадобилось время осознать, что произошло, и принять тот факт, что вопрос сам собой не рассосется. И тогда она обратилась в полицию.

Анджела собиралась разделаться с Китти Леджер быстро и жестко, еще безапелляционнее, чем с Оливией. Допрос напоминал разминку бойцов-тяжеловесов, когда один молотит другого отнюдь не скользящими ударами. Даже осанка адвокатессы изменилась: плечи стали тверже, грудь слегка выгнута вперед. «А ну, кто кого? – говорила эта поза. – Нам с тобой не занимать уверенности в себе. Ни ты, ни я не станем мириться с недооценкой, давай-ка сразимся за свое понимание истины».

В изложении Анджелы Китти Леджер получалась расчетливой ханжой, не одобрявшей романа Оливии с женатым мужчиной и решившей его наказать. Добропорядочной подругой, затаившей злобу на помощника министра – «рокового красавца», по словам самой Леджер, – который ее в упор не замечал, да и с какой бы стати? Именно эта молодая женщина заговорила об изнасиловании, впервые произнеся это отвратительное слово, она попыталась очернить политика в газетах («Злоупотребил доверием – читай, изнасиловал!») и не отставала от своей расстроенной подруги, пока через две недели та не дрогнула под ее давлением и не пошла в полицию.

Судья перебил Анджелу, указав, что она должна задавать вопросы, а не давать комментарии, и дал Китти возможность ответить на каждый выпад. Обвинения адвокатши, сгустившись подобно туче, угрожали бросить тень на показания Китти: вокруг нее словно расплылась грязная лужа. Анджела выиграла несколько очков: да, Китти Леджер не одобряла интрижку Оливии и не была высокого мнения о Джеймсе Уайтхаусе (правда, реплика свидетельницы «Я считала его прохвостом!» вызвала улыбку у некоторых присяжных), а также намекнула, что интерес Китти отдает сексуальной озабоченностью («Почему вы сразу стали убеждать мисс Литтон в самом худшем? Зачем вы полезли в чужие отношения?»).

Однако, как мне кажется, ей не удалось дискредитировать свидетельницу. Я смотрю на присяжных, проверяя их реакцию. Тот, которого я считаю председателем жюри, нахмурился при этих словах Анджелы, а Оранжевая Физиономия округлила глаза, будто говоря: «Да хватит нам тут плести...» Помогла и непробиваемость Китти. Никто не

любит нападок, и хотя Китти вряд ли можно назвать слабой – слишком высокий пост, слишком хорошее образование, слишком, черт побери, избранный круг общения, – было нечто трогательное в том, как она отбивалась от моей ученой коллеги, грузной великанши в широкой черной мантии.

– Нет, – отрезала Китти в кульминационный момент допроса. – Я посоветовала Оливии обратиться в полицию, потому что Уайтхаус ее изнасиловал! – И ее голос, голос молодой женщины, пусть и не знавшей в жизни настоящих бед, но которая никогда не примет чужую точку зрения, если она ее не устраивает, которую не принудить страхом согласиться с тем, во что она не верит, – прозвучал громко, чисто и искренне.

Парень из Эссекса усмехнулся. В его усмешке почувствовалась угроза, и смотрел он на скамью подсудимых, где сидел Джеймс Уайтхаус, а не на место свидетельницы, которая помогла его туда отправить. Анджела с размаху уселась на свое место, шурша мантией, – воплощенная уверенность в своей правоте, но настроение у нее подпорчено: рот сжат в тонкую плотную линию. Анджела понимает, что могла и получше постараться для своего клиента, что не обработала свидетельницу как следует на благо подсудимого, а уверенное заявление Китти, что «он ее изнасиловал», прозвеневшее в зале, запомнилось присяжным и сыграет свою роль во время обсуждения вердикта. Я немного приободрилась и почувствовала робкую надежду.

День продолжал тянуться. Короткий рабочий день для судьи – это одно досудебное рассмотрение и пара вердиктов.

– Если нет возражений, на сегодня закончим и приступим завтра с утра свежими и бодрыми, – объявляет судья присяжным, и они сияют, как дети при известии об отмене уроков.

Разбирательство по делу Уайтхауса начинает на них сказываться: обязанность сосредоточенно слушать показания свидетелей оказалась утомительной. История распутывается, разные версии ложатся, как кусочки шерсти и шелка для вышивания, но из пестрых нитей разнородной текстуры никогда не соткать убедительного целого. Но вначале присяжным предстоит заслушать отчет о допросе Джеймса Уайтхауса в полиции, то есть все сказанное им с того момента, как в Вестминстере к нему подошли двое полицейских и предупредили об ответственности за дачу ложных показаний.

На кафедру свидетеля поднимается детектив сержант Клайв Уиллис, дежуривший в тот день. Он держится прямо и говорит громко и четко: это

самое резонансное задержание в его карьере. Стенограмму допроса должен был зачитывать мой помощник Том, но его неожиданно вызвали на другой процесс, поэтому за детектива и подсудимого будем читать мы с сержантом Уиллисом. Слегка подкорректированный текст допроса я произношу отрывисто, с нейтральной интонацией, в моем обычном – страница в минуту – темпе.

Сержант Уиллис весьма приятный человек, но, давая показания, он говорит как детектив – бесстрастно, с каменным лицом, будто считает недопустимым не то что сказать, а даже подумать о чем-то интересном. Вопросы, которые он задавал известному политику в связи с обвинением в серьезном уголовном преступлении, кажутся в его прочтении не любопытнее прогноза погоды или списка покупок. Но даже его сухие слова несут в себе драму: кожа у меня под волосами натягивается, когда сержант повторяет, как предупредил Уайтхауса об ответственности за дачу ложных показаний. Эти слова присяжные сразу узнают, если хоть раз смотрели детективный сериал.

– Вы не обязаны ничего говорить, но вашей защите может повредить, если, отвечая на вопрос сейчас, вы чего-то не упомянете, но позже захотите сослаться на это в суде, – нараспев читает сержант Уиллис, и его голос крепнет от сознания торжественности момента. – Все, что вы скажете, может быть использовано против вас в суде.

Я выжидаю пару секунд, чтобы присяжные прочувствовали важность сказанного, и смотрю, как проясняются их лица – как же, как же, слышали. Знакомая формулировка произвела впечатление и на зал.

– Где вы арестовали подсудимого? – спрашиваю я.

Детектив сержант Уиллис выпячивает грудь, припомнив серьезность момента и как предъявленное обвинение не сочеталось с обстановкой, и отвечает:

– У самого парламента.

Читать полицейский отчет мы закончили уже к ланчу, но я была совершенно без сил. Возможно, сказалось получасовое чтение вслух или стремление не выдать ощущение бессилия, пока я озвучивала вкрадчивую, приглаженную, авторитетную версию событий, изложенную Джеймсом Уайтхаусом. Рот будто наполнился ватой, когда я проговаривала его ответы, копируя модуляции и отмечая беглость и непринужденность, с которой он сплел свой рассказ. Он объяснился с такой легкостью, что ему вполне можно было поверить.

Уайтхаус заявил, что Оливия, разумеется, лжет. Она ни разу не

просила его перестать, когда они занимались любовью в лифте, и это она инициировала секс, как было уже много раз. Он уверен, что это недоразумение, которое скоро разъяснится и уладится. И вот тут проявилась его жестокость: детективам известно, что он разорвал отношения с любовницей – ведь он женатый человек, это была досадная ошибка, у него обязательства перед женой и детьми, а Оливия восприняла это очень негативно и обратилась в газеты. Если честно, ему больно об этом говорить, произнес Уайтхаус с грустью, а не с гневом, и у него вызывает опасение здравость ее рассудка, оказавшегося на поверку не столь крепким. В подростковом возрасте мисс Литтон страдала анорексией, позже яркий перфекционизм сделал ее превосходным парламентским работником, но свидетельствовал о некоем нарушении психики, а теперь, когда слив информации таблоидам не оправдался – он не ушел от жены, как хотела Оливия, – возникла эта фантазия.

Беспечно сказанные, пренебрежительные слова. Неужели он сам в это верит? Этот политик настолько самоуверен, что предложенная им версия правды абсолютно субъективна. Неужели он способен верить только в собственное толкование истины? Или это ловкость лжеца, сознающего, что он лжет? Скоро мы это узнаем. Завтра места для прессы и публичная галерея будут переполнены, и на перекрестном допросе я проверю информацию из полицейского отчета. Завтра Джеймс Уайтхаус будет давать показания, и я наконец повернусь к нему лицом.

Глава 23

Софи

27 апреля 2017 года

Грязные лужи на девонских дорогах походили на разлитый горячий шоколад, стекавший с холмов и капавший с живых изгородей, среди которых блестели ягоды боярышника и дикой ежевики. Глинисто-красные, лужи тянулись поперек изрытой кротоми дорожки, словно напрашиваясь, чтобы Эмили и Финн обдали друг друга жидкой грязью. Крупные круглые капли усеивали непромокаемые штаны и куртки.

– Он меня поймал! Эй, ты меня поймал! – Возмущенные вопли Эмили переходили в восторженные, когда ей удавался симметричный ответ. Красные резиновые сапоги топали и взлетали не хуже, чем в канкане, и лужи расходились по покрытому глиной асфальтобетону маленькими водоворотами.

Софи смотрела на детей, не ругая их, не выговаривая, как обычно, Эмили за испачканную одежду, – какая теперь разница? Дети веселились с почти истерическим возбуждением: Эм расшалилась как маленькая, зато Финн стал куда смелее и свободнее, чем дома. Теперь они жили по законам Девона, по правилам слегка эксцентричной, пившей настоящий эль бабушки (изменив джинку с тоником, в честь которого Джинни переименовала себя, она начала варить собственное крапивное пиво). Или же привычный уклад настолько изменился, что правилами теперь можно пренебречь? Не стало ни школы, ни привычных занятий, ни Кристины, ни папы. Неизменной оставалась только мама, но даже она вела себя не как обычно.

Они здесь уже вторые сутки – прошло менее сорока восьми часов после того, как Софи неожиданно забрала детей из школы и увезла в увеселительную поездку-сюрприз в Девон. Четвертый день процесса, третий день заслушивания свидетельских показаний. Сегодня чудовищно дорогая адвокат решительно порвет дело Джеймса на части. Господи, как Софи на это надеялась! Ее пальцы подергивал нервный тик – она скрещивала их и снова распрямляла. Не следует быть суеверной, но Софи не решалась ни от чего отказываться, цепляясь за любую, пусть даже воображаемую, помощь.

– Хватит, хватит, идемте на пляж, – сказала она детям.

Тело просило настоящей нагрузки – быстрой энергичной ходьбы, а не этого променада. Эм и Флинн лениво тащились, хлопая голенищами сапог и волоча ноги: новизна игры в грязевые ванны потускнела, к тому же им стало жарко. Эмили протянула матери свою шапку.

– Нет. Ты захотела ее надеть, ты ее и неси, Эм.

Дочь скорчила гримасу, выпятив прелестную нижнюю губку.

– Нет! – заупрямилась она.

– Ладно. – Софи со вздохом взяла мягкую шерстяную шапочку с ярким узором и, к изумлению Эмили, затолкала ее в карман пальто. Ей не хотелось спорить с дочерью. Вся эмоциональная энергия Софи уходила на то, чтобы не раскиснуть и не дать распуститься детям в ближайшие несколько дней. Потому что сегодня ей придется вернуться в Лондон.

Анджела хочет вызвать Джеймса как свидетеля, и когда он будет давать показания, Софи должна быть рядом – по крайней мере, в лондонском доме, если не сможет заставить себя прийти в суд. На эту сделку Софи пошла после откровенного разговора с Крисом Кларком, который ясно дал понять: если она и дальше будет скрываться, шансы на политическую реабилитацию ее мужа после оправдания станут совсем призрачными. Софи едва сдержалась, чтобы не огрызнуться: в данный момент ей плевать на политическую реабилитацию, ее куда больше волнует, что происходит в зале суда и отпустят ли его вообще.

Она вздрогнула от боли. Щека изнутри заныла, будто там образовалась язва, но нет – просто Софи ее изжевала. Проведя языком по саднящим неровным краям, она почувствовала соленый вкус крови.

Неудивительно, ведь она в таком напряжении. Уложив детей, Софи открывала новости Би-би-си и онлайн-издания, читая все подряд про резонансный процесс. Предполагаемое преступление Джеймса всячески муссировалось, зато Оливии даровали анонимность: ни имени, ни фотографий, ни места работы. От этого из газетных отчетов было не вполне ясно, каким образом мисс Икс, или «предполагаемая жертва изнасилования», как ее называли, оказалась в том лифте. От улик Софи просто сходила с ума. Некоторые из них – синяк и даже порванные колготки – она готова была отбросить: Джеймс страстный любовник, он мог переусердствовать с любовным «укусом», оставить затяжки на колготах и порвать пояс трусов. Все это было объяснимо и понятно: ничего злонамеренного, в порыве страсти и не такое бывает. Он ведь хотел эту Оливию, в конце концов!

Софи проглотила болезненный комок, стараясь мыслить рационально и не думать о трусиках – черных, тонких, ажурных, откровенно

сексуальных, – именно такое белье возбуждало Джеймса. Она запрещала себе заикливаться, но из головы не шла гнусная фраза «Нечего было передо мной бедрами вертеть». Ничего подобного Джеймс никогда не говорил, но почему же она, жена, не может отмахнуться от этой якобы улики? Может, виной тому страх, что люди поверят и сочтут его способным на такую вульгарность и низость? Дело в том, что Джеймс действительно мог сказать нечто подобное – небрежно-презрительное, но не об Оливии, а о других мужчинах. «Ну такой самодовольный идиот», – говорил он о Мэтте Фриске, Малколме Твейтсе и, наверное, даже о Крисе Кларке. Это была беззаботно брошенная реплика. Но он ни разу не позволял себе отзываться так о женщинах, тем более с какой-то сексуальной привязкой. Софи в жизни не слышала от мужа слов «вертеть бедрами». Это же не одно и то же? Ни в каком смысле?

Софи чувствовала, что ей необходимо срочно переключиться.

– А ну, побежали! – крикнула она детям и с усилием бросилась штурмовать песчаную дюну, стараясь прогнать неотвязный страх.

Поднялся ветер – резкий бриз с моря, разрумянивший щеки Финна и заставивший Эмили заулыбаться, пока дети карабкались по скользким дюнам, а потом бежали вниз, к морю. Софи осторожно переступала обломки, усеявшие берег, – коряги, выброшенные морем, удочку, одинокую стеклянную бутылку без всякого послания, – а потом стала смотреть вдаль, подавляя тревогу. Маленький остров поднимался из воды, отрезанный от суши даже во время отлива. Остров Бург, где пряталась Агата Кристи, когда писала «Десять негритят». Там она нашла уединение, которого требовала работа над романом. Вот бы и ей, Софи, скрыться от всех...

Она старалась. О, как она старалась! В этой складке долины нет магазинов и вайфая, поэтому в первый день у Софи получилось сбежать от новостей и электронных писем и сделать вид – по крайней мере, перед детьми, – что в зале суда номер два в Олд-Бейли ничего не происходит. Сегодня уже не получалось: весь вечер она просидела, сгорбившись над ноутбуком. Рядом стоял большой бокал джина с тоником – мать не окончательно бросила старую привычку, – но внутри все скручивалось в ледяной узел, пока она читала, не в силах остановиться. Страх растекался по телу, заставляя немочь руки и ноги. То, о чем писали газетчики, – синяк, порванные трусики, эта отвратительная угрожающая фраза... было от чего похолодеть.

Детей она оставит в Девоне. Незачем тащить их обратно в Лондон и подвергать тому, что неотвязно мучает Софи, – вероятность, что мужа не оправдают, неотступный страх, что показаниям Оливии поверят и Джеймса

признают виновным в изнасиловании.

У нее сжалось горло. Она не должна позволять себе этому верить. Да, ее Джеймс страстный, упрямый и даже напористый в сексе – он нужен ему чаще, чем ей, и иногда муж пристает к ней как с ножом к горлу, но всегда останавливается, если Софи говорит «нет», всегда смиряется, если она не хочет!

Дети носились по пляжу – два ярких пятна, красное и синее, словно воздушные змеи, подхваченные ветром и бросаемые из стороны в сторону, бешено мечась с нерастроченной энергией. Сердце Софи переполняла нежность: глядя на детей, она успокаивалась. Это дети Джеймса, и в ней рождалась тихая уверенность: мужчина, принимавший участие в их создании, неспособен на изнасилование.

Весь этот кошмар – месть отвергнутой женщины, которая обратилась в газеты, а потом решила пойти дальше. Королевская уголовная прокуратура вцепилась в ее заявление, хотя, как Оливия дала понять вчера на перекрестном допросе (ну или так Софи это поняла), у нее оставались сомнения.

«Я любила его и хотела его», – призналась истица, когда ее спросили о сцене в лифте. Софи знала, что такое желать Джеймса, и понимала неистовую, жгучую ревность той женщины, когда он предпочел ей свою жену, и унижение, толкнувшее Оливию на фатальную, глупую месть.

Это дело вообще не должно было дойти до суда – такую позицию они займут, когда Джеймса оправдают. Софи помнила, как Крис Кларк лаконично заявил: вина ложится на сторону обвинения, у которого хватило наглости возбудить производство без всяких оснований, кроме политической выгоды, в то время как настоящие преступники уходят от наказания.

Приободрившись от этой мысли, Софи зашагала энергичнее. Ей вспомнилось кое-что пережитое до замужества – то, что ошибочно принималось за согласие на секс на вечеринках в старших классах, когда мальчишки непременно хотели все попробовать и иногда легче было просто уступить. Она не утверждает, что парни были правы, и меньше всего хотела бы, чтобы такое случилось с Эм, но сейчас Софи тоже могла бы обвинить их в изнасиловании или как минимум в посягательствах сексуального характера, при том что вся их вина состояла в буйном молодом эгоизме, а ее – Софи ведь тоже в этом участвовала – в неумении общаться, неспособности дать отпор, решительно сказав: «Я этого не хочу. Пожалуйста, не делай этого со мной».

Софи наизусть выучила юридическое определение изнасилования, оно

может быть доказано только в том случае, если жюри убедится: ее муж на момент введения члена знал, что Оливия не согласна на секс. Но зачем бы Джеймс стал продолжать, зная об этом? Пусть он страстный, безрассудный, упрямый, но он не животное, да и Оливия призналась, что хотела его, что, когда они столкнулись, поцелуй был взаимный, что она по своей воле вошла в лифт.

У Софи немного отлегло от сердца. Это просто яркий пример нелепой политкорректности. Она представила себе лицо главного редактора «Дейли мейл», когда Джеймса оправдают, и попыталась улыбнуться, идя по песку к своим детям, бросавшим осколки сланца в свинцово-серое море. Ее муж не идеален, иногда он ведет себя неправильно, может быть неверным и даже грубым (Софи не сомневалась, Джеймс не собирался возобновлять отношения с Оливией и в лифте действительно ее использовал), но он не насильник. Здравый смысл и закон подсказывают, что с него нужно снять это обвинение, способное исковеркать им жизнь, разве не так?

Ей станет легче, когда они увидятся, поговорят наедине и она посмотрит мужу в глаза. Газеты всегда раздувают сенсации, подчеркивая детали, которые все искажают. «Нечего было передо мной вертеть бедрами»... Софи чувствовала угрожающий вкус этих слов на губах.

– Мама, мама! – Голос Эм вывел ее из задумчивости. Дети уже рылись в мусоре, вынесенном прибоем. Дочь протягивала ей на ладони что-то похожее на крошечную ракушку, только окровавленную.

– Смотри! – Эм улыбнулась какой-то незнакомой улыбкой. – У меня зуб выпал, который шатался!

Софи забрала у дочери твердый комочек, похожий на неровную жемчужину, – еще одно доказательство, что Эм теряет последние связи с детством и быстро взрослеет.

– Зубная фея найдет меня в Девоне? А она похожа на Санта-Клауса?

Софи внимательно посмотрела на дочь. Девочке девять лет, она слишком взрослая, чтобы верить в зубную фею или Санта-Клауса, но Эмили себе на уме – знает, что, подыгрывая взрослым, получит блестящую фунтовую монету, а на Рождество – полосатый чулок, набитый подарками. А может, Эм, как и ее мама, сознательно решила во что-то верить, потому что ей так больше нравится, и неважно, что это неправда? Дочь верит в зубную фею, совсем как Софи верит, что Джеймс не мог произнести ту фразу, потому что ей очень хочется так считать.

Софи кашлянула.

– Обязательно найдет, – ответила она с деланой веселостью. – Может, ты напишешь ей письмо и положишь под подушку, а в письме объяснишь,

что это все равно ты, хотя и в Девоне?

– Но фея же и так знает, – растерялся шестилетний Финн. – Она узнает зуб! Это же Табита, личная зубная фея нашей Эм!

– А-а, верно, верно. – Софи и думать забыла об истории, которую сама же сочинила, когда выпал предыдущий зуб – летом, в Корнуолле. – Глупая мама!

Ложь, подумала она, которая удобна и упрощает жизнь. Санта-Клаус, зубная фея, муж, который никогда бы не совершил изнасилования, – он не мог, Софи знает, что не мог, он никогда не сказал бы такого женщине, с которой занимался сексом.

Софи обняла дочь – одни ребрышки под флисовой курткой, ни намек на талию, никаких признаков, что однажды Эм превратится в женщину, – и вдохнула запах мягких волосиков, страстно желая остановить физическое взросление дочери.

– Ты чего? – Эм строптиво высвободилась, сразу преисполнившись подозрений.

– Разве мне обязательно нужен повод? – Софи с улыбкой выпрямилась, огорченная реакцией дочери, но стараясь казаться по-прежнему бойкой и веселой. – Может, я мало обнимала тебя сегодня!

– И меня. – Финн влез между ними, сразу заревновал к сестре. Им двигала потребность в любви: мальчику время от времени обязательно нужно было оказываться в центре объятий.

Они стояли, прижавшись друг к другу, пока прилив не начал лизать их сапоги. Эм обхватила мать за талию, Финн уткнул лицо в ее грудь, а Софи обнимала обоих своих детей. Но вскоре она выпрямилась. Нельзя их пугать. Нельзя эмоционально перегружать, добиваясь проявлений любви. Надо собраться – ради них и ради себя.

– Пойдемте, – сказала она, наклонившись и отряхивая джинсы, чтобы избежать вопросительного взгляда Эм. Выпрямившись, Софи взяла себя в руки и снова стала строгой, деловой мамой. – Сейчас получше завернем этот зуб и пойдем к бабушке. Пора пить горячий шоколад. Кажется, скоро дождь пойдет...

Будто подслушав ее, с сизого неба заворчал гром, и крупные капли зашлепали по песку, сделав его из белого золотым. Дети молча посмотрели на небо и пустились бегом.

– Кто первый добежит до дома? – крикнула им вслед Софи.

Эмили вырвалась вперед. Финн, как всегда, напрягал силенки, стараясь догнать сестру. Визг и детский смех разнеслись над пляжем.

Надо научиться у детей жить сегодняшним днем, наслаждаться

минутами счастья, думала Софи, стоя под дождем на девонском пляже. Она пошла следом – ноги зарывались в песок, по щекам хлестали дождевые капли, – стараясь не обращать внимания на не проходящий холодок под ложечкой, на фразу, звучащую в ушах, на свою застывшую улыбку, на сердце, превратившееся в твердый камешек скорби.

Глава 24

Кейт

27 апреля 2017 года

Только в конце дня я ответила на звонок Эли. Ее номер высветился на экране мобильного, еще когда я ехала в Мидл-Темпл в начале восьмого утра. Небо было мутно-синим, Стрэнд только-только пробуждался после зябкого ночного сна. Я купила двойной капучино для себя и горячий шоколад с лишним пакетиком сахара для оливково-зеленого спального мешка, скорчившегося перед дверью магазина. Девушка не пошевелилась, и я некоторое время вглядывалась в маленькую съезжившуюся фигурку, убеждаясь, что она дышит: ночью температура опускалась ниже нуля. Пальцы ног в «судебных» туфлях и тонких колготках занемели, пока я сидела на корточках, – от тротуара шел ощутимый холод. Только заметив легкое движение – еле заметную дрожь, я пошла дальше.

Утром у меня не было времени прослушать сообщение Эли – мысли были заняты показаниями Китти Леджер и другим кратким досудебным предварительным слушанием, назначенным на десять часов. На иконке автоответчика появилась красная точка, но я весь день готовилась к допросу Джеймса Уайтхауса и, только покончив со всем, нажала на точку, ожидая оживленного предложения пообедать вместе или выпить по бокалу. Прошло уже больше месяца после нашей встречи, а Эли гораздо лучше меня умеет поддерживать отношения: когда на меня наваливается работа, я становлюсь настоящей затворницей и прекращаю всякое общение. На автоответчике оказалось три пропущенных вызова – странно, ведь Эли знает, что в суде я трубку не беру, – и три сообщения. Я прослушала их одно за другим. Дыхание у меня участилось, когда я услышала напряженный голос подруги, в котором с каждым звонком росло раздражение, будто ей не терпелось что-то выяснить: «Кейт, это касается дела, которое ты ведешь, – Джеймса Уайтхауса. Можешь перезвонить?» «Кейт, пожалуйста, перезвони, это важно». В последнем сообщении, оставленном в три минуты седьмого, когда Эли обычно забирает Джоэля и Олли с продленки, уже звучала обида, словно я намеренно игнорировала ее целый день: «Кейт, я понимаю, ты очень занята, но мне необходимо с тобой поговорить. Можно, я зайду вечером? – Короткий досадливый вздох, будто я одна из ее детей. – Кейт, по-моему, это важно».

Значит, она догадалась. Через окно своего кабинета в георгианском стиле я смотрю на здание суда напротив, на весь этот аристократический квартал. Оконное стекло забрызгано дождевыми каплями – свидетельство налетевшей грозы с ливнем, промочившим меня насквозь, когда я, выбравшись из такси, побежала в нашу контору, неуклюже маневрируя набитым бумагами чемоданом на колесиках. Грозовые тучи превратили вечернее небо в темную сливу или созревший синяк, который еще нескоро исчезнет. Я слежу, как капли ползут по стеклу, оставляя мокрые дорожки, и вспоминаю, как когда-то стояла у окон оксфордской библиотеки. Из изящных рам словно открывались иные миры, и я немного свысока поглядывала на тех, кто не попал в Оксфорд. Теперь мое особое положение в самом сердце британской правовой системы снова позволяет смотреть на окружающих сверху вниз. В этом лабиринте георгианских особняков я в полной безопасности.

Но мне тут же приходит в голову, что Джеймс Уайтхаус тоже рассчитывал на абсолютную безопасность в стенах куда более надежных и аристократических – палаты общин, на верхушке политического истеблишмента, занятый разработкой и проведением через парламент ни много ни мало законов страны. Я думала о неприкосновенности, которую обеспечивала Уайтхаусу должность, и о том, что с него наконец удастся сорвать маску и посадить его с помощью тех самых законов, которые принимали он сам и его предшественники. Министерский статус не уберег его от скамьи подсудимых в Олд-Бейли: Уайтхаус привлечен к ответственности наравне с уголовниками, нарушившими одно из самых серьезных табу, установленных обществом, наравне с убийцами, педофилами и насильниками.

Я думаю о том, что правосудие не всегда свершается. В недавнем отчете прокуратуры прямо сказано: в трех четвертях дел возникают проблемы с обеспечением доказательств. Главный вопрос – все ли улики, необходимые для отправления правосудия, собраны, вся ли информация, которая может сыграть на руку защите или подорвать позицию обвинения, в наличии, не вскрыется ли с запозданием что-то в ходе процесса?

Работники системы уголовного правосудия могут назвать не одно дело, развалившееся в суде по причине того, что главный свидетель, как слишком поздно выяснялось, дает противоречивые показания или не так надежен, как казалось. Иногда вдруг появляется новая информация (порой из социальных сетей), которая идет вразрез с версией гособвинения. Все мы боимся неожиданностей со свидетельского места, связанных с тем, что

следователь и гособвинитель не имели времени ознакомиться с показаниями и приобщили к делу непроверенные материалы. Потенциальные доказательства пересылаются почтой или с нарочным, поэтому материалы теряются, задерживаются на почте, забываются курьером. Судебные ошибки случаются и из-за спешки, когда кто-то пытается ускорить ход разбирательства.

Но это палка о двух концах. В случае проблем с обеспечением доказательств иск может вообще быть отклонен до начала фактического разбирательства, и заведомо виновные уйдут от наказания через лазейку в законе. Мне кажется, я не выдержу, если что-нибудь подобное случится на процессе Уайтхауса. Если и есть крупница сомнения в обоснованности иска Оливии Литтон – она признала, что сама вошла в лифт с Джеймсом Уайтхаусом, сама целовала его и вначале ей все даже нравилось, в ее пользу свидетельствуют кровоподтек на груди, явно насильно содранные колготки, трусики с порванной резинкой и брошенная Уайтхаусом фраза, еще более оскорбительная из-за презрительной интонации.

Я так и слышу его вкрадчивый шепот, который мог бы даже показаться нежным, если бы в тот момент Уайтхаус не был далек от нежности как никогда: «Нечего было передо мной бедрами вертеть». Я уверена, я просто знаю, что он сказал это в лифте. Такие вещи не придумывают.

К тому же именно эти слова он сказал мне.

Мы встретились в моей квартире на Эрлс-Корт. Эли редко сюда приезжает: добираться из Чизвика нелегко, хотя я и живу в ближайшей к ней части Лондона. Я не голодна, но все же купила салатов в «Маркс и Спенсер». Желудок сжимается от тревоги, к горлу подступает желчь вместо приступов острого голода, которые я всегда ощущаю около восьми. Я наливаю себе большой бокал вина и смотрю, как белые пики пены льнут к стеклу. Вино холодное, а на вкус просто нектар – ароматный сансер. Жадно отпив глоток, я усаживаюсь на краешек кожаного кресла. Кожа блестит, потому что, как и вся моя мебель, это кресло относительно новое – не с историей, как я хотела, чтобы благородная потертость намекала на солидную родословную. К тому же оно слишком мягкое – мне трудно в нем расслабиться.

А может, я не могу избавиться от напряжения из-за сознания, что поступаю неправильно? По крайней мере, с позиции профессиональной этики. Я знала это, еще когда Брайан подал мне документы по делу, любовное послание без розовой ленточки, с надписью «Государство против Уайтхауса» на папке.

В самом начале процесса обвинение обязано раскрыть информацию, опровергающую основания для иска или способную помочь защите, и поступать так вплоть до вынесения вердикта. Надо ли говорить, что поддерживать обвинение против давнего знакомого, пусть он и не помнит о вашем знакомстве, – это злоупотребление служебным положением. А если вы к тому же не забыли, что он вас изнасиловал... В общем, вы понимаете, чем это пахнет.

Коллегия адвокатов, которая может лишить барристера мантии, не прописывает прямо, что мы не имеем права поддерживать обвинение в случае личного знакомства с обвиняемым – видимо, считая такую оговорку излишней, но предъявляет абсолютно четкие требования к нашей работе: мы не только должны вершить правосудие, но и делать это в соответствии с законом. Умолчав о знакомстве с подсудимым, я трижды нарушила профессиональный кодекс: пренебрегла своим долгом перед судом в части отправления правосудия, не проявила честности и принципиальности, ну и, наконец, мой поступок подрывает репутацию нашей профессии в глазах общества. Подозреваю, что все это произведет на адвокатскую коллегию весьма невыгодное впечатление.

Меня затрясло. Буквально. Неконтролируемая дрожь охватила меня второй раз в жизни – первый случился, когда я скребла себя ногтями в ванной в Оксфорде. Это был дистиллят настоящего страха. Приступ продолжался минут пять. Бокал с вином дрожал в руке, пока мне не удалось поставить его на стол, сильно звякнув ножкой и едва не разбив. Колени стучали друг о друга, хотя я сжимала их, пересиливая страх. Я велела себе дышать глубоко и успокоиться. То, чего я страшусь больше всего – предательства, разоблачения, – не случится, потому что Эли меня любит. Она поймет. Я смогу ее убедить, я же отлично умею убеждать. Да и в любом случае она не дура. Постепенно дыхание у меня выровнялось. Эли поймет. Иначе и быть не может.

Да, я обязана была сказать, что знаю Уайтхауса – вернее, знала. Я обязана была добровольно передать дело коллеге и надеяться, что он станет поддерживать обвинение не менее ревностно, чем я. Однако при данных обстоятельствах я не смогла этого сделать. Не смогла отойти в сторону, передоверить другому нечто столь важное. Когда речь идет об изнасиловании любовницы, пусть и бывшей, шансы добиться осуждения малы, и я не могу рисковать, не надавив незаметно пальцем на чашу весов Фемиды. Я не верю, что кто-то станет заниматься этим делом так же горячо и беззаветно, как я.

Потому что меня заботит соблюдение естественного права. Я за

торжество справедливости. Я хочу заставить кое-кого ответить за преступление, совершенное больше двадцати лет назад, и сделать все, чтобы у него больше никогда не было возможности это повторить. У меня есть и более эгоистичный мотив: из-за этого человека я пережила боль и отвращение к себе, мои права были грубо попорчены, я навсегда осталась униженной, отчаявшейся, непоправимо изменившейся. Я верила, что он остановится, если я его попрошу, но эта вера разлетелась вдребезги, как тонкий винный бокал о средневековую брусчатку. Я до сих пор не могу никому довериться, открыться до конца. Я не хочу, чтобы Уайтхаус избежал наказания за то, что сделал с Оливией, и имел возможность совершать подобное в будущем с другими женщинами. Но еще я не хочу, чтобы он ушел от ответственности за то, что сделал со мной.

Эли вошла с покрасневшими щеками, слегка растрепанная. Румянец появился либо оттого, что она бежала ко мне от метро, либо, что вероятнее, от волнения перед важным разговором.

Я хотела ее поцеловать, но она уклонилась, нагнулась, чтобы поставить сумку, стянула пальто и отвернулась, вешая его на крючок. Против обыкновения, Эли молчала. Обычно во время наших встреч она трещит без умолку, потому что мы обе ограничены временем и стараемся втиснуть как можно больше новостей в выкроенные два-три часа. Молчание – роскошь, которая приходит с ежедневной близостью, но даже когда мы каждый день виделись в общежитии и недолго снимали одну квартиру, мы никогда не молчали, тем более подчеркнуто сухо. Мы обе были слишком заняты, к тому же Эли экстраверт по натуре, а я очень любила ее компанию.

Эли смотрит на меня холодно, и это необычно, потому что она – самая преданная подруга на свете, пусть в последнее время мы и видимся реже. Однако в ее больших голубых глазах читается обида – и огорчение.

«Бальзам прекраснодушия», в отсутствии которого Алистер с такой горечью меня обвинял, у Эли в крови. Я ищу в ее глазах сочувствие, ведь она – воплощенное сердоболие. Я улыбаюсь, но улыбка у меня получается нервной. В ней нет и следа уверенности, которой я отличаюсь в суде. Эли опускает глаза, сжав губы, и не улыбается в ответ.

– Хочешь вина? – Алкоголь всегда облегчал самые сложные разговоры – например, когда я призналась, что ухожу от Алистера, или когда мы впервые встретились после моего перевода из Оксфорда.

Это случилось через полтора года, и я уже была не Холли, а Кейт. Помнится, Эли была потрясена переменой во мне. Я вся состояла из острых углов: локти, колени – и скулы под осветленными,

выпрямленными волосами. В пабе Эли меня не узнала, и мы замаскировали взаимную неловкость и замешательство, заказав водки с апельсиновым соком. От крепкого спиртного языки сразу развязались.

– Еще? – спросила тогда Эли.

– А почему бы и нет? – отозвалась я, и мы быстро уговорили шесть порций.

Ковер кружился и вставал на дыбы, прокуренная комната норовила куда-то провалиться. Спотыкаясь, мы вышли из бара в холодный декабрьский вечер, игнорируя улюлюканье и свист, раздавшиеся нам вслед, и хохотали с самозабвением молодых женщин, уклонившихся от непрошеного мужского внимания.

– Отчего же нет, – отозвалась сейчас Эли с наигранным безразличием и присела на край дивана, положив руки на колени и плотно переплетя пальцы.

Я щедро налила ей золотистого сансера. Эли посмотрела на бокал, подняла его и сделала глоток. Распробовав вино, она заметно расслабилась, и вот уже передо мной всего лишь мрачная, а не ледяная Эли. Я сижу в кресле сбоку от нее и жду, когда она заговорит.

– Я волнуюсь за тебя, – сказала наконец подруга.

Я опустила глаза на свои ноги в плотных колготках, боясь спровоцировать ее гнев, и ждала, когда она договорит.

– Джеймс Уайтхаус... Он женат на Софи, на той самой Софи, с которой вы вместе ходили на семинары. Она тоже изучала английский на твоём курсе.

Чувствуя на себе ее взгляд, я нерешительно поднимаю глаза.

– Я не могу понять, почему ты не упомянула об этой связи. Это... Это же не он с тобой тогда так поступил?

Я посмотрела на нее в упор.

– О Кейт... – Взгляд Эли смягчился, глаза наполнились слезами, и она потянулась обнять меня.

Я этого не вынесу. Я предпочла бы безжалостное пламя ее гнева, чем тепло ее прикосновения.

– Не надо.

– Не надо чего?

– Не надо ко мне прикасаться.

Это вышло некрасиво, не так, как я хотела. Слова из меня выходят с усилием, сжатые, как в тисках.

Ее лицо исказила обида, и я снова опустила глаза, положив руки на колени, ссутулившись, сдерживаясь из последних сил. Минутная стрелка

на моих часах ритмично двигалась – раз-два-три, а я ждала.

– Не могу поверить, что это был он, – сказала Эли, будто ожидая уверений, что это конечно же не он.

Я промолчала. Что тут скажешь...

Эли пришла в возбуждение и снова покраснелась: правда показалась особенно неприятной. Пальцы у нее сжимались и разжимались, пока она не сунула ладони под ляжки.

– За столько лет мне и в голову не приходило, что это может быть он... Мы же его не знали! Ты была с ним знакома?

– Нет, – хрипло ответила я.

– Он что, пришел к нам в колледж?

– Нет. – Я уже не знала, куда заведет нас разговор. – Это случилось не в нашем колледже, а знакомство... в таких случаях необязательно.

– Ой... Господи, Кейт!

Я ждала, не вполне понимая, чего от меня хочет Эли. Я не могу сейчас бушевать или хныкать, потому что глубоко упрятала свой гнев, и если он порой прорывается, то это зрелище не для чужих глаз. Даже женщине, ближе которой у меня никого нет, я не могу это показать. Коллеги называют меня Снежной Королевой – своего рода комплимент, потому что уголовный адвокат должен уметь отключить эмоции и оставаться аналитиком, отстраненным и даже суровым. Вот и сейчас я заледенела. Я не могу позволить себе находиться в растрепанном состоянии. Я надеюсь, что Эли это поймет и из сострадания оставит эту тему. Но я ее, естественно, недооценила.

– Кейт, а тебе можно участвовать в процессе, если это Уайтхаус с тобой такое сделал? – Голос у Эли умоляющий, но она попала в яблочко – в мою возможную пристрастность, учитывая, что я поддерживаю обвинение против своего насильника, обвиняемого в новом изнасиловании. – Я, конечно, целиком и полностью понимаю твои мотивы, но как же ты угодила в такую ситуацию? Разве ты не должна была сообщить об этом судье? – Эли смотрит на меня так, будто в моих силах немедленно все исправить, но я не могу, для этого придется остановить процесс над Уайтхаусом и начать новый, где обвинитель может отнестись к своим обязанностям спустя рукава, а Оливии придется заново пройти через этот ад.

Эли этого не понимает, как не понимает и то, что в случае моего признания процесс будет остановлен на основании злоупотребления процессуальным правом и на этом моя карьера закончится. Единственное, что теоретически можно сделать, – это покаяться поднять руки и заявить,

что я только сейчас припомнила старое знакомство. Да вот только кто мне поверит?

Надо действовать осторожно. У меня есть выбор: солгать, попытавшись убедить Эли, что моя личная трагедия на дело не влияет и я умею профессионально дистанцироваться от эмоциональной стороны, или сказать правду и воззвать к сочувствию подруги и к справедливости. Эли меня не выдаст, несмотря на свои моральные принципы и внутреннюю потребность поступать правильно. Но мне важно, чтобы она поняла мою позицию или хотя бы причины моего молчания. Я не хочу, чтобы она считала меня бесчестной, она должна знать, что, принимая из рук Брайана папку с делом, я не сомневалась: выбора у меня нет.

Заговорив, я с удивлением услышала, что мой голос дрожит. Я стала объяснять, почему решилась взяться за это дело, рискуя все потерять. Впереди маячил призрак дисциплинарного трибунала вместе с перспективой лишиться мантии и возможности работать по профессии. Когда Брайан протянул мне документы, я могла, а может, и должна была очень спокойно ответить: «Нет, спасибо». Почему я не отказалась? Потому что я ненормальная, стремящаяся все контролировать, и не умею отказываться от предлагаемой работы? Или потому, что мне захотелось отомстить? Нет, я взяла записку по делу рефлেকторно, приняла поданную папку, видя в этом руку судьбы. «Вот, бери», – сказала судьба. Я знаю, это покажется бредом шизофреника, который, доказывая свою ограниченную вменяемость, рассказывает, что голоса в голове заставили его сделать то-то и то-то, но в то мгновение я не могла мыслить рационально.

– Представь, вот что-нибудь случилось с Пиппой, – сказала я, понимая, что ступаю на опасную почву. – Представь, что на нее напали и, не дай бог, изнасиловали.

Эли чуть не стало дурно.

– Разве ты не сделаешь все, что в твоих силах, чтобы отомстить? Особенно если оскорбивший ее мужчина может уйти из зала суда оправданным?

Эли кивнула.

– У меня нет дочери и уже никогда не будет, – сказала я. – Но девчонка, которой я была, наивная идеалистка, студентка-девственница, впервые вкусившая другой жизни, – вот за ту девчонку я хочу отомстить. Ей я хочу помочь.

После паузы я заговорила снова, выталкивая слова через силу, точно сгустки крови: боль росла, пока фразы не сделались отрывистыми, а голос совсем чужим.

– Он причинил мне столько вреда, – путано объясняла я. – Он меня едва не уничтожил. То, что он сделал, не отпускает меня спустя двадцать с лишним лет, по-прежнему влияет на мою жизнь, хотя я ни о чем так не мечтаю, как о том, чтобы забыть прошлое!

– Кейт...

– Я так стараюсь быть счастливой – и иногда мне это удается. Я ощущаю неподдельное счастье, когда выигрываю дело, когда вижу закат с моста Ватерлоо, когда сижу на твоей теплой кухне, когда в редкую ночь с Ричардом позволяю себе расслабиться и наслаждаться его близостью. Но потом я лежу в постели, и в памяти всплывают интонации Уайтхауса, мой шок оттого, что мне задрали юбку и сдернули с меня трусы, судорожный страх, когда меня прижали к каменной стене галереи и я поняла, что не могу вырваться. Решение поддерживать обвинение было поспешным, а ведь я обычно не спешу...

– Это так, – вставила Эли.

– Соглашаться было абсолютно неразумно, но я взялась вести это дело и должна довести его до конца. Разве ты не понимаешь, что в противном случае он не понесет наказания не только за меня, но и за Оливию? Я знаю, что он ее изнасиловал – слишком много параллелей с моим случаем, но он не ответит ни за одно изнасилование, если я сейчас откажусь от обвинения.

– Но если ты признаешься, что давно знаешь подсудимого, судья назначит новое слушание, и Уайтхауса все равно могут посадить.

– Могут. А если Оливия откажется снова пройти через все это? Я до конца жизни буду помнить, как ее подвела. Другой обвинитель, в отличие от меня, не знает, на что способен Уайтхаус. Если я признаюсь, моей карьере конец, зато Уайтхаус как политик будет полностью реабилитирован, его звезда снова взойдет... – В отчаянии я повысила голос и, доведенная до предела, устала на Эли.

Мне вдруг стало очень нужно, чтобы подруга поняла, как несправедлив подобный исход. Уайтхаус, родившийся с серебряной ложкой во рту, будет и дальше преуспевать, снова превратившись в золотого мальчика, а изнасилование назовут стечением обстоятельств, безумным балаганом, затеянным одной сумасшедшей и поддержанным другой – мстительной бабой. Это будет лишь досадное пятно на репутации, которое со временем исчезнет без следа.

Я жестикулировала, хватаясь руками за воздух, будто в поисках уверенности, глаза мои блестели от непролитых слез... И тогда моя самая давняя и лучшая подруга повернулась ко мне и молча кивнула. Это было еле заметное движение – тайное, понимающее. Я проглотила комок,

вставший в горле от благодарности Эли за ее выбор и беззаветную поддержку.

Глава 25

Софи

28 апреля 2017 года

Джеймс был вне себя. Софи, считавшая, что хорошо знает своего мужа, лишь один раз видела его таким заведенным. И, в точности как тогда, сейчас ему предстоит быть в высшей степени убедительным и обходительным.

«Тогда же тебе это удалось», – хотелось сказать Софи, но она знала: о том случае Джеймсу лучше не напоминать, к тому же сейчас ставки выше. На этот раз визит в полицию закончился судом.

По его виду невозможно догадаться, что он нервничает: Джеймс умеет держать лицо. К тому же он вообще не подвержен тревоге: присущая ему вера в свою звезду, в достижение поставленной цели пересиливает любые опасения. Софи всегда завидовала этому качеству мужа: он таким родился, а она в уверенность облекалась при необходимости, как в плащ супергероя, создававший иллюзию непроницаемости или хотя бы самообладания. Джеймс знает, что производит хорошее впечатление. Сомнения в себе, которые Софи считала чисто женской чертой, никогда не беспокоили мужа и его коллег. Джеймс клялся, что его оправдают, потому что он невиновен и абсолютно уверен в присяжных.

Однако сейчас Софи видела перед собой не своего в высшей степени воспитанного и сдержанного мужа: челюсти его были сжаты, подбородок выдавался вперед заметнее обычного, к тому же Джеймс сегодня очень тщательно одет: галстук повязан широким виндзорским узлом, двойные манжеты застегнуты скромными запонками, на нем новая белая рубашка – не одна из шести, которые Софи регулярно отдавала в прачечную.

Наверное, так он встречает каждый новый день процесса. Софи уезжала и не может этого знать, но Кристина доверительно сообщила, что сегодня утром он нервничал особенно сильно.

– Хорошо, что вы вернулись, – сказала помощница, когда они встретились на кухне. Она старалась держаться незаметно и не мозолить глаза.

Софи через силу пила черный кофе, глядя, как девушка собирает себе завтрак из фруктов, йогурта и меда, и удивляясь ее аппетиту: у нее самой желудок отказывался принимать пищу.

– Гораздо лучше, когда вы здесь. Мне кажется, вы ему нужны, – деловито и без осуждения добавила Кристина, бочком выбираясь с кухни.

Софи не могла с ней не согласиться: она видела, как Джеймс улыбнулся помощнице. Так он мог улыбнуться государственному служащему – глаза остались серьезными, а улыбка была лишь данью вежливости.

Он взял кофе, предложенный женой, и сделал глоток, дернув кадыком.

– Остыл немного.

– Я сварю новый.

– Нет. – Это вышло слишком резко, и Джеймс сразу поправился с улыбкой: – Нет, зачем же, я сам.

Он занялся кофемашиной. Софи ждала, представляя, как крохотные брызги летят на белоснежные манжеты. Джеймсу наверняка придется переодеваться.

– Впрочем... помоги, пожалуйста. – На мгновение он стал беспомощным, совсем как Финн, который до сих пор не ладил со шнурками, не в силах понять, как их завязывать.

– Конечно. – Софи хотела положить руку мужу на спину в знак ободрения, но он отодвинулся – почти незаметно и вместе с тем выразительно.

– Я буду в гостиной – пойду подумаю.

Можно было и не отвечать, что она конечно же поможет.

То, что он не скрывал волнения, успокаивало Софи. Она сохраняла видимость беззаботности при детях – сохранит и перед мужем. Ради него она будет стойкой, уверенной женщиной, которая ему сейчас так отчаянно нужна.

Ее ободрило поведение Джеймса вчера вечером. Они оба были без сил – она от долгой поездки и мыслей о предстоящей встрече после услышанного в суде, а он – от ежедневного многочасового напряжения. Лицо у него посерело, и когда Джеймс ее обнял, Софи захлестнула неожиданная нежность. Как она могла в нем усомниться? Как могла думать, что Джеймс был способен произнести те ужасные слова, как могла вообразить, что он настолько не щадил чувства Оливии? Как она могла даже допустить подозрение, что ее муж способен на изнасилование?

Чувствуя себя предательницей при одной мысли об этом, Софи упала в объятия мужа и тоже крепко обняла его, зная, что впервые нужна ему вся, без остатка. Его плечи немного расслабились, и Софи стояла, ощущая тепло его тела и радуясь, что он ищет в ней опору. Это было нехарактерно и продлится недолго, но тем приятнее казалась новизна этого ощущения.

А потом они занимались любовью – по-настоящему, чего не было с того дня, как разразился скандал. Это не был секс, подогретый гневом или желанием доказать, что у них все в порядке, а будет еще лучше. Это не был секс с целью рассеять тревогу, страх и сомнения, не отпускаявшие их последние пять с половиной месяцев. Это не была и чисто физическая разрядка – нет, они занимались любовью нежно и страстно. Джеймс передавал через свою любовь, что Софи ему нужна и он доверяется ей, не боясь показаться беззащитным. Лицо его смягчилось, в нем не было и следа притворства, старания поддержать некий имидж. Потом Софи лежала в кровати, зная, что надо вставать, но желая подольше понежиться рядом с мужем. Ей казалось, муж только что доказал ей свою невиновность – доказал не менее полно и искренне, чем мог бы сделать это с помощью слов. Мужчина, который может заниматься любовью с такой нежностью и заботой, ее муж, отец ее детей, неспособен на такую гнусность, как изнасилование.

За руку с мужем Софи прошла несколько шагов от такси до входа в Олд-Бейли – голова поднята, плечи расправлены, глаза в упор смотрят на папарацци, сразу бросившихся к ним. Главное – не позволить засыпать себя вопросами.

– Софи, Софи! Сюда! – Немолодой мужчина в плаще с взъерошенными волосами, в поношенном костюме и с красным лицом пьяницы подошел к ним вплотную, нарушая личное пространство. В руке у него записная книжка. – А что, Софи, премьер-министр еще не утратил «абсолютного доверия» к вашему мужу? – Голос у него жесткий, «с песком», напористый и низкий от сдерживаемого гнева.

Софи испепелила журналиста взглядом – она знала, что умеет осадить без слов. Да как он смеет кричать и подманивать ее, как собачонку палкой? Но Джон Вести быстро провел их в здание суда, и они оказались в безопасности. Рука Джеймса по-прежнему плотно лежала в ее руке. Софи чуть сжала пальцы, ощущая ее тепло, и почувствовала, что ладонь у него вспотела, что случалось крайне редко. Джеймс отнял руку.

– Все нормально? – спросил он, глядя ей в глаза, будто важнее нее для него никого не было.

Софи кивнула и отступила в сторону, молча и понимающе: Джеймсу надо переговорить со своим солиситором. Ее участие сейчас не требовалось, но Софи продолжала держаться рядом.

Снаружи, думала она, фотографы сравнивают снимки, а тот наглый репортер уже кропает статейку. Почему о Томе он спросил ее, а не самого Джеймса? Неужели опять копают под «либертенов»? Ладони закололо

невидимыми иголочками, сердце забилося чаще. Ритмичный стук отдавался в ушах. Размеренно дыша, Софи пыталась успокоиться и подавить бывший в висках настойчивый вопрос: что именно им известно?

С публичной галереи она неотрывно смотрела на мужа, вкладывая в этот взгляд всю свою поддержку, хотя и знала, что он не поднимет голову, чтобы посмотреть на нее. На свидетельской кафедре он выглядел внушительно и уверенно, и на миг Софи посетила безумная надежда, что присяжные сочтут его еще одним свидетелем, рассказывающим свою, иную версию событий, а не подсудимым, которого обвиняют в изнасиловании.

Табличка на стене гласила, что вставать с места, когда говорит судья, и перегибаться через перила запрещено. Невзирая на предупреждение, Софи смотрела вниз, пока голова не закружилась от прилива крови. Острый мгновенный испуг прогнал все иллюзии – Софи даже показалось, что она сейчас упадет в зал. Она тут же выпрямилась, с облегчением ощутив под собой жесткую скамейку.

Чтобы отвлечься, она разглядывала головы барристеров, в напряженной тишине листавших свои бумаги в ожидании, когда судья попросит продолжить показания. Софи смотрела на Анджелу Риган, находя странное утешение в ширине ее плеч и заметной даже под мантией грузности. Мисс Вудкрофт по сравнению с ней выглядит хрупкой, хотя она довольно высокая. Из-под парика виднеются собранные в хвост светлые волосы, на правой руке – бриллиантовое кольцо. Боже, какие нелепые у нее туфли – лакированные лодочки с золотой цепочкой поперек мыска! Такие подошли бы парламентскому церемониймейстеру.

Она немного суетится, эта Вудкрофт, перепроверя что-то в толстой папке на кольцах, оцетинившейся цветными стикерами. Страницы пестрят от пометок яркими маркерами. Адвокат что-то быстро пишет левой рукой, нажимая на толстый мягкий кончик фломастера. У сидящей на той же скамье Анджелы в руках айпад, у ее помощника Бена Кёртиса – тоже. Не сторонница традиционного подхода, Анджела проницательна и, по словам Джеймса, обладает невероятной памятью. Софи инстинктивно угадывает, что между ними нет ничего общего и адвокат мужа не испытывает к ней теплых чувств. Но ей не нужна симпатия Анджелы. Главное, чтобы она вытащила Джеймса.

С появлением в зале судьи наступает тишина: спокойствие расходится по аудитории кругами, как по поверхности пруда. Джеймс начинает давать показания. Он хорошо держится: голос низкий и теплый, в нем звучит

привычная уверенность, но ни следа надменности. Это Джеймс в своей лучшей форме: близкий к избирателям политик, излагающий свою историю самым убедительным образом.

Софи все равно трудно следить за словами мужа. Анджела энергично берется за тему супружеской неверности, и Софи вынуждена выслушивать объяснения Джеймса, который говорит, что на интрижку с Оливией решился не сразу.

– Я понимал, что это неправильно, – признается он, переплетая пальцы а-ля Тони Блэр, словно в детской игре: «Вот церковь, а вот колокольня со шпилем...»

– Потому что вы были семейным человеком? – подгоняет Анджела.

– Я и сейчас семейный человек. Жена и дети для меня – все. Я поступил недостойно, предав их доверие, когда вступил в связь с мисс Литтон. Это был неверный шаг, совершенный под влиянием минутной слабости, и я глубоко сожалею о той боли, которую каждый день причинял своей семье.

Адвокат помолчала.

– Однако вы все-таки причинили им эту боль?

– Да. – Джеймс вздохнул. Вздох, казалось, исходил из глубин его души. Это был вздох человека, терзаемого своим несовершенством. – Я не идеален, – тут он с мольбой приподнял руки, – но ведь идеальных людей не бывает. Я уважал мисс Литтон как коллегу, и, признаюсь, меня влекло к ней, как и ее ко мне. В момент моей слабости у нас завязался роман.

Глаза Софи наполнились слезами. Она задыхалась от жалости к себе и унижения, становившегося все более сильным. Она попыталась сосредоточиться на чем-нибудь другом, чтобы не смотреть на мужа, – например, на присяжных, сидевших с самыми разными выражениями на лицах. Мужчина средних лет слушал сочувственно, пожилая женщина в заднем ряду и молодая мусульманка в темном платке – куда более холодно. Софи смотрела на Джона Вести и на солиситора со стороны обвинения – безвкусно одетую даму в дешевом сером костюме: откинувшись на спинку скамьи и скрестив руки на груди, она даже не притворялась, что верит Джеймсу. Или ей просто скучно? Софи рассматривала мисс Вудкрофт – барристера, поддерживавшего обвинение: пока Анджела наводящими вопросами подгоняла Джеймса, та копалась в своих записях, иногда что-то быстро записывая в одном из синих блокнотов. Наклон головы и манера быстро, размашисто писать показались Софи очень знакомыми.

Это ощущение крепло в следующие тягостные полчаса, пока Джеймс

продолжал давать показания. Пожалуй, легче смотреть на эту Вудкрофт, чем выслушивать мужнину версию событий, составленную в расчете на публику: он, конечно, человек семейный, но отношения с Оливией были уважительными и по взаимному согласию. Раньше он очень тепло к ней относился: посылал ей цветы, водил на ужин, а в конце июля купил цепочку в подарок на день рождения. Сердце Софи тяжело забилося при этом открытии. От осознания, сколь глубок был обман мужа, в груди у нее возникла острая боль, от которой перехватывало дыхание. Как, оказывается, легко он вел двойную жизнь!

– Что это была за цепочка? – отвлек ее вопрос Анджелы.

– С кулоном-ключиком, – с готовностью ответил Джеймс. – Понимаете, это был символический подарок: Оливия была ключом к успешной работе моего отдела, и я хотел показать, что высоко ценю ее и считаю залогом нашего успеха.

– А вы не подумали, что она может счесть кулон ключом к вашему сердцу?

– Полагаю, возможность такой интерпретации исключать нельзя. – Джеймс наморщил лоб. – Но я не хотел внушать ей эту мысль. Возможно, я покажусь вам наивным, но тогда я был несколько... увлечен.

Пять слов как пять ударов в живот. Сердце Софи будто замкнулось – ей не хотелось ничего чувствовать.

Анджела сделала паузу, чтобы в зале прочувствовали смысл сказанного.

– Вы были несколько увлечены? – В ее тоне слышался интерес и не было осуждения.

– Ну, хорошо, я увлекся довольно сильно... Она ведь очень красивая и умная молодая женщина.

– Стало быть, вы купили ей цепочку. Из какого металла?

– Из платины.

– То есть это был весьма щедрый подарок?

– Ну наверное.

– Куда более щедрый, чем обычно дарят коллегам?

– Я не думал тогда о ней как о коллеге.

– Вы были любовниками?

– Да.

– В своих показаниях мисс Литтон говорила, что была влюблена в вас. А вы, вы были в нее влюблены?

– Такую возможность я не могу исключить. – Он замолчал, и Софи показалось, что все в зале подались вперед, чтобы расслышать следующие

слова, сказанные настолько тихо и с таким очевидным сожалением, будто Джеймс раскрывал секрет. – Да, пожалуй, был.

Софи заставила себя слушать, как в день рождения Оливии любовники вместе провели ночь. Она тогда уезжала к матери в Девон, и ей удалось лишь коротко переговорить с Джеймсом, когда вечером она поднялась на ближайший холм, чтобы поймать сигнал. Муж говорил меланхолично, и Софи даже стало неловко, что она бросила его возиться с бумагами, а сама с детьми бездельничает, ходит купаться и играет на пляже.

– Мне так жаль, – сказала она, представив, как несладко остаться в душном Лондоне на две недели. – Мы можем вернуться пораньше, правда, дети огорчатся, и Джинни тоже. Эм и Финну здесь очень нравится.

Софи помнит, как солнце припекало шею, и она все время поглядывала на море, сверкавшее на краю долины и сливавшееся с небом – линию горизонта едва можно было различить. Про себя она надеялась, что им не придется все бросать и ехать домой.

– Конечно, оставайтесь, – сказал муж. – Я просто соскучился.

– Мы тоже по тебе скучаем, – с нежностью ответила Софи.

А в это время, должно быть, Оливия в Сент-Джеймском парке ждала, пока он договорит, и поторапливала его, делая страшные глаза. Джеймс ничем не выдал, что на вечер у него запланировано кое-что получше, чем бесконечные «красные ящики» для официальных бумаг и стейк с салатом. Ложь с удивительной легкостью сходила с его языка – вернее, недомолвки. Во второй раз за несколько минут Софи ошеломила ловкость мужа, так просто жившего двойной жизнью. Двадцать с лишним лет назад его уклончивые объяснения тоже сквозили предательскими недомолвками, однако все же спасали его от агрессивного допроса. Как Эмили с ее зубной феей или самой Софи в Девоне прошлым летом, ему просто удобнее было поверить.

Отмахнувшись от этой мысли, Софи прислушалась, мысленно внушая мужу не отступать от роли обаятельного, располагающего к себе человека, не лишенного недостатков, но от этого только казавшегося ближе к простым людям. Ногти ее впивались в ладони, и это хоть немного отвлекало от тупой боли в груди, от нестерпимого желания разрыдаться.

И тут вмешалась мисс Вудкрофт:

– Ваша честь, моя ученая коллега задает свидетелю наводящие вопросы.

Судья поднял руку и опустил ее, словно отмахиваясь от разыгравшегося щенка, на которого у него нет времени. Анджела

улыбнулась – это слышалось в ее грудных протяжных гласных и подчеркнутой снисходительности – и продолжала.

Но Софи отвлеклась, услышав голос мисс Вудкрофт, мелодичный и глубокий, изысканный, как дорогой кларет, который хочется пить не торопясь. Интонации и тембр этого голоса говорили о привилегированном положении, остром уме и блестящем образовании. Но отчего эта женщина чем-то неуловимым – возможно, характерным напором – напоминает Софи девушку, о которой она не вспоминала больше двадцати лет?

Должно быть, дело в лихорадочной и небрежной манере писать левой рукой, будто неординарные мысли торопятся попасть на бумагу. Так писала Холли – но ведь многие люди так пишут, особенно настырные барристеры, для которых любая брешь в показаниях означает возможность не оставить от версии противной стороны камня на камне. Софи так и видела, как под париком пухнет мозг этой адвокатши, как она ищет способы запутать Джеймса на перекрестном допросе. Но пока муж не допустил ни одного промаха. Даже скептически настроенные присяжные, пожилая женщина и молодая мусульманка, смотрели на него уже не так враждебно, а банально-красивая женщина помоложе – черные дуги бровей, искусственный загар – положительно поддавалась его обаянию и смотрела Джеймсу в рот – по крайней мере, пока речь шла лишь о супружеской неверности, этакой запутанной современной лавстори. Пока не было никаких упоминаний о синяках и порванных трусах, никаких предположений, что Джеймс мог сказать «Нечего было передо мной бедрами вертеть». Это надо прекратить, зачем же повторять эти ужасные слова?

Усевшись поудобнее, Софи велела себе успокоиться и забыть о Холли. Надо слушать, надо испить эту чашу. Она снова прислушалась к словам своего неверного супруга. Она уже начала презирать себя за то, что любит такого человека, и чувствовала, что ее любовь к мужу немного поостыла.

Джеймс продолжал говорить, но Софи то и дело непроизвольно отвлекалась – слова скатывались по ней, не впитываясь, будто по тугому свитку пергамента. Близился главный пункт обвинения – инцидент в лифте, и Софи берегла силы, чтобы выслушать версию мужа, изложенную под присягой. Вот когда ей понадобится внимание.

Снова вмешалась мисс Вудкрофт. Еще одно замечание о нарушении правовой нормы – и очередной усталый взмах судьи. И с чего Софи вспомнилась Холли? У этой ручки как палочки, ни намек на грудь, тонкие плечики. Прямо не женщина, а пичужка какая-то. Может, невротичка? Такая не нанесет разящий удар по ее мужу, справившись с неотразимым

обаянием Джеймса, который с виду по-прежнему спокоен, только очень серьезен. И лишь Софи, замечавшая каждую мелочь, вроде напряженного подбородка мужа, понимала, что нервы его натянуты до предела. Голос Джеймса вернул ее в настоящее – глубокий, убедительный баритон, который, кажется, вот-вот дрогнет от смеха, но вместо этого начинает звучать еще увереннее и авторитетнее. Его тон сменился на сумрачный, в нем зазвучали интонации политика, принимающего на себя ответственность за ошибку, но тщательно следящего, чтобы не сказать лишнего, не проговориться о своей причастности.

– Я бы хотела вернуться к тому, что случилось в коридоре у комнаты для совещаний утром тринадцатого октября, – начала Анджела Риган, улыбнувшись подсудимому.

– Ах да! – сказал муж Софи. – После того, как мисс Литтон вызвала лифт?

Позже Софи и сама удивлялась, как высидела все это время, вытянув шею, чтобы лучше видеть зал, и стараясь угадать мысли присяжных, двенадцати совершенно разных людей, которым предстояло решать судьбу ее мужа. Она не понимала, как ей удалось выдержать любопытные взгляды сидевших на галерее, которые, узнав ее, многозначительно переглядывались. Софи украдкой косилась на них, испытывая стыд – злой и жгучий. Подумать только, когда-то она любила быть в центре внимания – в юности, в Оксфорде... Здесь взгляды были иными: всезнающими, осуждающими, откровенно растерянными, любопытными: «Это его жена. Надо же, замужем за насильником! Так он сделал это или нет, в конце концов?»

Софи старалась сохранять невозмутимость, и ей это почти удалось: Джеймс изложил совсем другую версию, отличную от той, о которой писали в газетах, дал событиям свою оценку, которой Софи очень хотелось поверить. По его словам, женщина, не сумевшая сохранить собственный брак, вызвала лифт, сказала чужому мужу, что он «убийственно неотразим», и вошла в кабинку, увлекая его за собой, а Джеймс, занятый мыслями о статье в «Таймс» и благодарный за возможность поговорить в приватной обстановке, наивно, не подумав, шагнул следом.

– Я понимаю, это покажется нелепым, – иронизировал он над собой с улыбкой, очень хорошо известной Софи и безотказно действовавшей на мамаш возле школы, учительниц и избирателей, – но мне хотелось с ней поговорить. Она всегда была хорошей референткой. Наперсницей, что ли. Видимо, я усомнился в себе – помню, я спрашивал себя, действительно ли

моя манера может быть истолкована как надменность, и подумал: уж Оливия-то сможет ответить мне честно.

– Но разговора между вами не было? – поторопила Анджела.

– Нет, мы не говорили. – Джеймс покачал головой, словно затрудняясь объяснить, как оказался в такой ситуации. – Она потянулась ко мне с поцелуем, и я почувствовал, что отвечаю на него. Это был момент помрачения и слабости. – Он помолчал и добавил дрогнувшим голосом, полным искреннего раскаяния: – О котором я, разумеется, глубоко сожалею.

Подталкиваемый адвокатшей, Джеймс изложил свою версию поцелуя, хватания за ягодицы и расстегивания блузки.

– Блузку я на ней не рвал, – уточнил он и оглядел зал, будто сама идея казалась ему абсурдной. – Насколько я помню, мисс Литтон сама помогла мне ее расстегнуть. Мне не свойственна жестокость, я не из тех людей, которые рвут на женщинах одежду. Это не мой стиль.

Он умен, подумала Софи, не сказал прямо, что такому мужчине, как он, нет нужды срывать одежду с женщин, что Оливия сама прыгнула на него.

– А как быть с затяжками на колготках? – не дала ему уйти в сторону адвокат Риган. – Колготки тонкие, пятнадцать ден, на таких легко остаются затяжки.

– Должно быть, это вышло, когда она их стягивала, а я помогал. – Джеймс замолчал почти что с покаянным видом. – Боюсь, в порыве страсти события приняли бурный оборот, – сказал он.

– А трусы с надорванным эластичным поясом? Вы можете сказать, когда они были порваны?

– Нет. Может, когда она их натягивала. Не помню, чтобы я слышал, как они рвутся, но, как я уже сказал, события приняли бурный оборот. Насколько мне помнится, трусики спустила сама мисс Литтон.

Софи подавила рвотный спазм – все представилось ей слишком ясно. Она бывала в лифте палаты общин: тесная скрипучая каморка, где невозможно не задеть локтями о дубовые стенки. Поцеловавшись, любовники не могли не прильнуть друг к другу – пространство побуждало к крепким объятиям. Оливия помогала ему расстегнуть ей пуговицы, может, даже сама все их расстегнула, спустила колготки, сдернула трусы. И Джеймс, неистовый, обезумевший, пусть сначала и пытался сохранить лицо, но потом потерял голову и был втянут в это действо.

Но в то же время Софи похолодела от сознания, что муж говорит неправду. Для этого не было никаких особенных причин – лишь еле

ощутимая дрожь, ощущение, что рассказ отклоняется куда-то в сторону, что настоящая правда здесь не прозвучала. Джеймс сказал, что никогда не срывал с женщин одежду, однако Софи прекрасно помнила, как он рвал на ней вещи, стремясь побыстрее добраться до тела. Взять хоть то платье-комбинацию косого кроя, у которого он оторвал бретельки на вечеринке, или блузку со сложной застежкой, под которую ему не терпелось проникнуть, или юбку, с которой посыпались пуговицы от его рывка. Это все дела минувших дней, когда Джеймс был импульсивным, страстным и совсем молодым – двадцать один, двадцать два года. Тогда это доказывало взаимность их страсти, потому что Софи хотела Джеймса не меньше. Но если он давно перестал так делать с ней, женой, это не значит, что он не делал этого в лифте с Оливией! Джеймс еще как способен рвать на женщине одежду, что бы он ни говорил.

Не в силах думать, Софи оцепенело слушала, как муж объясняет, что синяк – просто чересчур энергичный укус в порыве страсти.

– Вы уже оставляли ей подобные следы? – спросила Анджела Риган.

– Да, когда мы занимались любовью, – признался Джеймс. – Она хотела, чтобы я покусывал ее во время секса.

Софи потрясла головой, стараясь привести в порядок мысли. Она знала, что муж лгал и раньше: в полиции в 1993 году, потом ей насчет Оливии. У Софи копились неопровержимые доказательства его постоянной лжи с той минуты, как эта история получила огласку. Не стоит забывать, что уклончивость – одно из требований его профессии, часть политической игры наравне с манипулированием статистическими данными, фальсификацией цифр, замалчиванием или утаиванием фактов, способных украсть победу в споре, а потому подлежащих зачистке.

Но лгать под присягой, что он не рвал на ней одежду? Это уже что-то новое даже для Джеймса. А может, и нет. Может, он не считает это предосудительнее умолчания или полуправды. «Я не такой человек, чтобы срывать с женщин одежду». О чем еще он солгал? О той фразе? Или о том, говорила ли Оливия «нет»? Мысли завертелись калейдоскопом, но голос мужа вернул Софи в реальность. Наступал самый важный момент.

Именно этой части показаний Софи страшилась больше всего – и не могла ее не выслушать. Вместе со сгорающими от любопытства соседями по галерее она вытянула шею, ловя слова Анджелы Риган, обратившейся к щекотливому вопросу согласия мисс Литтон. В зале стало очень тихо – воздух был пропитан неестественной тишиной, когда адвокат качнулась на носках, опустила каблук на пол и приступила к разбору юридической сути дела.

– Мисс Литтон заявляет, что вы сказали: «Нечего было передо мной бедрами вертеть». Эта фраза заставляет предположить, что вы понимали: мисс Литтон не желает заниматься сексом. Вы это говорили?

– Нет. Какая гнусная фраза! – в ужасе отшатнулся Джеймс.

– А вы говорили что-нибудь вроде «вертихвостка»?

– Нет! – твердо стоял он на своем.

– Тогда, может, вы просили ее не дразнить вас?

– А вот такое я мог сказать, – признал он, – в процессе любовных ласк. Но это было задолго до того, как мы дошли до этой стадии. Возможно, я пробормотал что-то подобное, когда она поцеловала меня.

– Мисс Литтон показала, что говорила вам: «Отойди от меня. Нет! Не здесь!» Вы слышали от нее эти слова?

– Нет, не слышал.

– Могло ли быть так, что она говорила, а вы не слышали?

– Нет, мы стояли совсем рядом. Невозможно, чтобы она такое сказала... да и вообще что-нибудь сказала, а я бы не услышал. К тому же... – здесь Джеймс сделал паузу, будто собираясь с духом, чтобы сказать нечто очень деликатное, и ему крайне неловко, хотя поступить иначе он не может. – Мисс Литтон всячески давала понять, что это как раз то, чего она очень хочет. Ни словесно и никак иначе она не выразила своего несогласия.

Рядом кто-то беззвучно ахнул, а Софи невольно выдохнула. Она смотрела, как ее муж обращается к присяжным, переводя взгляд с одного на другого, прекрасно сознавая: наступил важный момент, необходимо сделать все, чтобы они накрепко запомнили эту часть показаний, прежде чем удалиться на совещание решать его судьбу.

Софи очень нужно было услышать это от мужа. Он говорил абсолютно искренне, звучно и уверенно. Сейчас Джеймс был сама убедительность, и Софи была готова поверить ему до конца.

Однако – может, потому, что она уже много раз слышала этот голос и знала, что в драматические минуты он появляется у Джеймса как по заказу, – ее не отпускала странная неловкость. Дурные предчувствия усилились, когда Джеймс повторил, делая паузы, чтобы значительность сказанного разнеслась по залу:

– Я точно помню, что она не просила меня прекратить. Не было ни секунды, когда бы у меня сложилось впечатление, что она этого не хочет.

Но, зная своего мужа: его любовь к сексу, эгоцентричность, легкомысленное отношение к правде, его уклончивость, – ей было больно мысленно перечислять все это сейчас, – Софи не могла избавиться от неприятного осадка.

Она не была убеждена, что верит ему.

Глава 26

Кейт

28 апреля 2017 года

Итак, настал долгожданный момент, который я представляла себе с того дня, как Брайан передал мне документы по делу, а подсознательно ждала больше двадцати лет. Бремя ожидания вдруг навалилось на меня всей тяжестью. Руки дрожали, когда я поднялась, чтобы начать перекрестный допрос, а под волосами возникло странное щекотно-тягучее ощущение, какое бывало всего несколько раз в жизни, в мгновения настоящего страха. Так было в оксфордской галерее, когда мне стало ясно, что я не смогу остановить Уайтхауса. Так было, когда Эли догадалась и я едва не лишилась всего, ради чего работала, своей блестящей карьеры и шанса привлечь Уайтхауса к ответственности.

Я глубоко дышу, представляя, как легкие расширяются и давят на диафрагму. Я вбираю как можно больше кислорода. Неважно, что суду придется подождать. Присяжные сидят прямо, они уже приспособились к ритму процесса и чувствуют: настал решающий момент. Сейчас их взгляды будут метаться от меня к подсудимому, как на теннисном матче, когда зрители ахают от волнения или затаивают дыхание. И я заставлю Уайтхауса подождать – пусть это покажется мелочным, но сегодня все вертится вокруг него. Мы вдоволь наелись его рассказней, пора предложить суду альтернативную версию случившегося и бросить тень сомнения на каждую фразу, которую он произнес.

Проблема в том, что весь имидж Джеймса Уайтхауса построен на его убедительности, резонности и авторитетности. Об этом говорит каждая мелочь – от пальцев, сложенных как бы в молитве, до спокойного баритона, который успокаивает богатством тембра, с легкостью вызывает доверие, усыпляет бдительность, убеждает, что будет только правильным ему поверить. Значит, надо ограничить подсудимого в возможности много говорить и не уступать ему ни на дюйм. Задавать наводящие вопросы, которые лишат его роскоши пространных объяснений, торопить, когда он будет отвечать. Гнев вскипает во мне мгновенно и неудержимо, но сейчас не форум истерических срывов. Уайтхаус займет рациональную, реалистичную позицию, значит, и мне нужно быть не менее хладнокровной

и сдержанной, чем он.

– Я хочу прояснить несколько пунктов, – бодро начинаю я с улыбкой. – В частности, вопрос о расстегнутой блузке. Мисс Литтон сказала, что вы рванули и распахнули ее блузку, но вы предположили, что она сама помогала вам расстегивать пуговицы. – Я заглянула в записи, устроив небольшое шоу из своей дотошности. – Вы заявили: «Мне не свойственна жестокость, я не такой человек, который срывает с женщин одежду. Это не мой стиль».

– Все верно, – подтвердил подсудимый.

– Вы же сильный мужчина, мистер Уайтхаус. Бывший участник гребной команды Оксфорда. Спортсмен, смею сказать. И вы никогда насильно не распахивали на женщине блузку в порыве страсти? – спрашиваю я, рассчитывая, что он смутится, что ему станет неуютно от воспоминаний или хотя бы сквозь непрошибаемый фасад прорвется дурацкий мужской шовинизм. Но если я надеялась, что Уайтхаус вспомнит, как изнасиловал меня, или о другом подобном случае, то я была слишком наивна.

– Нет. – Он сморщил нос, якобы ошеломленный моим предположением.

– Даже в минуту неистовой страсти, вроде той, что была между вами и мисс Литтон в сентябре, когда вы занимались сексом в вашем кабинете?

– Нет, – уже тверже ответил он.

– А как же то, что в лифте вы помогали ей стягивать колготки и порвали трусики, как сами признались?

Анджела поднялась с места.

– Ваша честь, нет никаких доказательств, что мой клиент несет ответственность за эти повреждения.

Судья Лакхёрст вздохнул и повернулся ко мне:

– Не могли бы вы переформулировать свой вопрос, мисс Вудкрофт?

Я помолчала.

– Вы признали, что помогали ей стянуть колготки и трусы и что события «приняли бурный оборот». Значит, более чем вероятно, что в этот бурный момент вы с силой рванули ее колготки, не правда ли?

– Нет.

– Возможно ли, что «в порыве страсти» вы разорвали ее трусики?

– Нет.

– Неужели? – Я притворилась равнодушной, скрывая негодование, потому что знала: вот здесь он лжет. Двадцать лет назад он рванул мою рубашку – я до сих пор помню обрывки ниток и две отскочившие

пуговицы – и начал тискать мой «Уандербра». – Это ценно, спасибо.

Я кашлянула, якобы прочищая горло и быстро оценивая ситуацию. Чем колупаться в показаниях о синяке («Ей нравились укусы в пылу страсти»), всякий раз упираясь в стену его самоуверенности, надо переходить к главному. Предложить ему мою версию в надежде сорвать с него маску – с абсолютным пренебрежением к его ответам – и показать истинное лицо лжеца. Но сначала надо продемонстрировать залу его надменность: присяжные должны увидеть человека, который ставит свои потребности превыше всего и абсолютно глух к чувствам молодой женщины, которая говорит ему «нет».

– Давайте вернемся к инциденту в лифте. Мы знаем, что вы с мисс Литтон и раньше занимались сексом в палате общин.

Уайтхаус кашлянул.

– Да.

– Стало быть, вы не без основания ожидали, что она не против повторить? Снова заняться сексом в палате общин, просто в иной обстановке?

– Да. – Он насторожился, чуть протянув это короткое слово.

– Когда вы вошли в лифт, который, как вы заявили, Оливия сама же и вызвала и в который вошла первой, заявив перед этим, что все еще считает вас привлекательным, – я рискну утверждать, что вы рассчитывали на секс.

– Вначале нет.

– Вначале нет? Это был быстрый секс, не правда ли? Вы уложились меньше чем в пять минут. «Бурный оборот», как вы сами заявили. Стало быть, на прелюдию ушло не так много времени.

Уайтхаус снова кашлянул, прочищая горло.

– К чему все идет, стало понятно очень скоро, но в лифт я вошел, не думая, что так получится.

– Вы не могли об этом не думать, вы же в лифт не совещаться шли.

Один из присяжных прыснул.

– Нет, – ответил Уайтхаус напряженнее. Ему не нравится, когда над ним смеются.

– Нет, – негромко повторила я. – Значит, вы вошли в лифт, сразу же столкнулись и начали целоваться?

– Да.

– Затем блузка была распахнута – насильно, как утверждает Оливия, расстегнута вами обоими, как настаиваете вы, – и вы берете мисс Литтон за ягодицы.

– Да.

– И вместе с Оливией стягиваете с нее трусики – как вы сами признались, вы ей помогали?

Пауза, затем:

– Да.

– И когда это происходило, вы, по вашим словам, находились очень близко друг к другу?

– Да.

– Лифт ведь крошечный, метр в ширину и меньше метра в глубину. Насколько близко друг к другу вы были?

– Ну мы целовались и... находились лицом к лицу.

– Как близко? Десять, двадцать сантиметров или еще меньше?

– Не более тридцати сантиметров.

– Не более тридцати сантиметров, – повторила я. – Значит, если Оливия говорила: «Отойди от меня, нет, не здесь», – вы должны были ее слышать?

– Да.

– А на деле вы нам сказали: «Если бы она сказала что-то подобное – да и вообще что угодно, – я не мог бы ее не расслышать». Так вы сказали?

– Да. – Уайтхаус с вызовом выставил подбородок, видимо, не вполне понимая, к чему я веду.

– И, как вы заявили, вам не свойственна жестокость, вы не такой человек, который рвет на женщинах одежду, однако «помогать стягивать» в порыве страсти вы способны. То есть вы бы остановились, зная о нежелании Оливии продолжать?

– Да.

– Однако она показала под присягой, что просила вас прекратить.

– Нет.

– Она сказала: «Отстань от меня! Нет! Не здесь!»

– Нет.

– И не один раз, а два.

– Нет.

– Но она разрыдалась здесь, в суде, когда пересказывала этот эпизод.

– Нет. – Голос у Уайтхауса утробный, стиснутый, как кулак.

– Вы стояли почти вплотную, практически в клинче, не более тридцати сантиметров друг от друга, Оливия просила вас прекратить, однако вы продолжали?

– Нет.

Его голос напряжен, но я специально не смотрю на подсудимого. Я в упор гляжу на судью, не снисходя до взгляда на Джеймса Уайтхауса,

потому что сейчас здесь идет война, и я не собираюсь сластить пиллюлю.

– Она повторила свою просьбу, однако вы опять проигнорировали ее слова?

– Нет, – настаивает он.

– Вы вошли в нее, хотя она запрещала вам делать это?

– Нет.

– Вы прекрасно понимали, что она не согласна, потому что сказали: «Нечего было передо мной бедрами вертеть»?

– Нет.

– А что означает эта фраза?

– Что? – На секунду Уайтхаус растерялся от смены ритма.

– Она ведь очень оскорбительна, не правда ли? – Здесь мне пришлось сдержаться, чтобы не поддаться поднимающемуся гневу. – Она означает «не возбуждай меня, если потом не хочешь дать». В ней есть признание нежелания женщины продолжать, отсутствие согласия, не правда ли?

– Это отвлеченное предположение, я такого не говорил, – упорствует он.

– Однако вы сказали: «Ты меня дразнишь», не правда ли? – Я взглянула в свои записи. – Моя ученая коллега мисс Риган спросила: «Вы говорили «Ты меня дразнишь»?», и вы ответили: «Возможно... когда мы впервые поцеловались». Вы чувствовали нежелание Оливии, – продолжаю давить я, сдерживаясь на каждом слове. – Значит, вы знали, что она отказывается в согласии!

И вот наконец Уайтхаус не сдержал гневного движения. На его лице отразилась внутренняя борьба.

– Это было сказано в качестве ласки. – Голос его натянут, как слишком сильно взведенная часовая пружина. – Это всего лишь слова, так все говорят!

– Вы почувствовали ее нежелание и изнасиловали ее. Когда Оливия сказала: «Нет, не здесь», вы предпочли ей не поверить.

– Нет.

– Вы решили, она это не всерьез.

– Нет.

– Вернее, вам было все равно. Вы слышали, что она сказала «нет», но проигнорировали ее несогласие, потому что сочли – вам лучше знать. – Здесь я впервые взглянула на него в упор, с вызовом и интересом: увижу ли я, как в его глазах мелькнет узнавание? Но нет, он весь пылал праведным гневом.

Я повернулась к судье, не дав Джеймсу Уайтхаусу возможности

ответить.

– У меня больше нет вопросов, ваша честь.

Глава 27

Кейт

1 мая 2017 года

Днем присяжные удалились на совещание – после заключительных речей и напоминания судьи Лакхёрста не торопиться и тщательно взвесить все услышанное. Его честь строго напомнил то, о чем уже предупреждал перед началом процесса: данный иск инициирован государственным уголовным судом, значит, сторона обвинения и должна доказывать виновность подсудимого, сам же мистер Уайтхаус не обязан доказывать ничего. Судья подытожил основные аргументы и повторил юридическое определение изнасилования, вкладывая в головы присяжным, что основным является согласие или отсутствие такового и что (слово истицы против слова подсудимого) главный вопрос состоит в том, мог ли, по добросовестному рассуждению, Джеймс Уайтхаус знать на момент введения члена, что истица не согласна на секс.

Во время этого мастер-класса по юриспруденции присяжные внимательно слушают, уже не сутулясь и не наваливаясь на стойку перед ними. Они сидят прямо и что-то помечают в блокнотах, как прилежные ученики во время речи директора школы, сознавая свою ответственность и стремясь оправдать ожидания. Больше недели они наблюдали за высокоумными профессионалами, которые их убеждали, обольщали и доказывали свою правоту, сияясь блеснуть знаниями и произвести впечатление, а заодно – как же без этого – состязались за лишние очки. Теперь власть впервые перешла к присяжным. Судья утвердит любой вердикт, но выбор, решение, виновен Джеймс Уайтхаус или нет, насильник он или не в меру страстный любовник, наказал ли он свою жертву за то, что она «вертела перед ним бедрами», оставил ей синяки и разорвал нижнее белье, или всего лишь сделал пару затяжек на колготках и укусил в порыве страсти, – остается за ними.

Я удаляюсь в комнату барристеров, где царит суeta и оченьлюдно. Констебль Райдон и сержант Уиллис собираются в столовую выпить кофе, но я отказываюсь пойти с ними: в их компании я только еще больше нервничаю, а мне хочется полной тишины или разряжающего обстановку черного юмора коллег, ругающих неэффективность судебной системы, а порой и ослиную глупость, отравляющую нам существование. Джон

Спинни из нашего адвокатского бюро доведен до белого каления: заседание по делу об изнасиловании ребенка отложили, потому что ночью какой-то механик снял оборудование для видеосвязи с жертвой из зала суда.

– Они хоть отдаленно представляют, как трудно было убедить участвовать в процессе эту совершенно незащищенную девятилетнюю девочку?

Дэвид Мейсон, не стесняясь в выражениях, рассказывает о подсудимом, который испробовал все возможные и невозможные уловки, доказывая, что физически не может присутствовать на процессе, однако после оправдания мгновенно оправился от всех хворей. Каспар Дженкинс, брызгая слюной, говорит о досудебных слушаниях, которые пришлось отложить, потому что материалы не были представлены в электронном виде.

Густо пересыпанный бранью, этот разговор ласкает мне слух: адвокаты наперебой рассказывают о невероятных ляпах. Ощущение такое, что все мы воюем с бюрократической некомпетентностью и имеем дело с лишенными совести головоотяпами. О, как нам необходим этот дух товарищества, и наша претенциозная борьба за справедливость, и эйфория от *справедливого* решения! Только это и заставляет нас каждый день отправляться в какой-нибудь богом забытый суд на выездную сессию.

Слушая ерничанье коллег, я отвечаю на звонок: звонит Брайан насчет суда по делу об убийстве, процесс назначен в Норвиче на этот год. Я не занимаюсь защитой убийц, но в деле есть элемент сексуального преступления: женщину обвиняют в убийстве человека, который тридцать лет назад изнасиловал ее, тогда ребенка, и продолжал это делать не один год. Мне даже становится легче, когда я начинаю представлять, как можно выстроить аргументы в пользу смягчающих обстоятельств. Брайан сбросил на почту предварительную документацию, я пытаюсь ее читать.

Проходит шестьдесят минут. Интересно, присяжные вынесут вердикт до ланча? Вряд ли. В час дня я испытываю почти облегчение: теперь присяжных нельзя вызвать в зал до двух, потому что у судьи обед. Тим спрашивает, не хочу ли я сбежать в кафе съесть сэндвич, но я отказываюсь. Я не ем днем: слишком мало времени и слишком много кислоты в желудке, которая сейчас бурлит и с шипением пенится. Я держусь на нервах и адреналине – у меня подспудная потребность всегда быть готовой бежать из одного суда в другой, не теряя ни минуты, обязанность мыслить быстро и четко, ни на минуту не расслабляться, не переставать слушать или соображать, как ловчее проделать брешь в чьей-то версии или вытащить нужные показания.

И вот в четверть третьего по громкой связи раздается гнусавый голос:
– Всех участников процесса по делу Уайтхауса просят немедленно собраться в зале номер два!

Во рту сразу возникает желчная горечь. Я стараюсь немного утишить адреналин – любопытная комбинация капли волнения и моря страха распространилась во мне со скоростью только что стартовавшего спринтера. Руки, собирающие ноутбук, бумаги, сумку, нахлобучивающие на голову парик, трясутся. Я бегу в туалет – мне вдруг приспичило помаленькому, и я рискую постоянно отвлекаться на суде, если не схожу. В кабинке я приваливаюсь к двери, откинув голову, – неожиданно нахлынули воспоминания о том, что произошло в старинной оксфордской галерее: трение спиной о неровные камни, боль от его движений, тяжесть его тела, расплющившего меня, острое жжение внутри. Я вижу гаргулью, прикрывающую ладонями глаза и рот, а потом и себя, постаревшую, в обжигающей ванне, содрогающуюся в конвульсиях от горя. Я слышу вой, с которым прятала лицо под воду, – этот вопль рвется наружу все эти годы.

Я отодвигаю защелку. Надо держаться, хотя внутри у меня все обрывается и подкашиваются ноги. Я заставляю себя мыслить рационально, когда, постукивая каблуками, спускаюсь по лестнице вслед за Анджелой, шествующей своей обычной диктаторской походкой. Не может быть, чтобы присяжные уже вынесли решение, – у них нет необходимости спешить. Хотя все мы знаем, что бывают быстрые решения (семьдесят минут на оправдательный вердикт – мой рекорд), но они редки и немногочисленны. Присяжные совещались час двадцать – достаточно, чтобы для вида поспорить, если решение единогласное, но слишком мало, если у большинства есть обоснованные сомнения.

Сколько же им надо времени? Полчаса кладем на то, чтобы удалиться в комнату для совещаний и выбрать председателя простым голосованием – ну а куда же без него; потом переспорить тех, кто считает Уайтхауса невиновным, – я до сих пор цепляюсь за надежду услышать обвинительный вердикт. Парень из Эссекса, азиат и, надеюсь, упитанный председатель возьмут верх над Оранжевой Физиономией, и над ее хорошенькой подружкой, и над пожилой дамой, у которой в голове не укладывается, чтобы человек такого положения поступил бы совсем не по-рыцарски, и над ожиревшей матроной, которая все перекладывала свои гигантские груди на стойке, благоговейно тарашась на подсудимого.

Неужели их всех надо переубеждать? Много лет я слушаю вердикты присяжных, но до сих пор не всегда читаю в их душах. Городские присяжные склонны оправдывать подсудимого, жюри, в составе которых

преобладают женщины, – тоже. На процессах об изнасиловании присяжные вообще не любят выносить обвинительный приговор. Получается, все ставки против меня. Но ведь было же общее резкое «ах», когда Оливия повторила ту унижительную фразу, и ее показания были встречены с сочувствием! Кроме того, присяжные сильно усомнились – я это видела! – что Джеймс Уайтхаус неспособен рвать на женщинах одежду. Гнусное оскорбление «Нечего было передо мной бедрами вертеть» вряд ли по силам сочинить молодой женщине, дающей показания в деле об изнасиловании. Это не та фраза, которую захочется лишний раз повторять.

* * *

Мы толпой вваливаемся в зал номер два: адвокаты, судья, подсудимый – зубы у последнего сжаты, подбородок выступил резче, с лица сбежали краски. Судя по шорохам, верхняя галерея стремительно заполняется. Интересно, Софи там? В животе у нее тоже лег камень, как у меня? Наверное, сидит как на иголках в ожидании, признают ли ее мужа насильником. После этого ее жизнь уже никогда не будет прежней.

И вот громадное разочарование: присяжные не закончили совещаться. Судебный пристав выносит записку.

– Присяжные интересуются, можно ли им получить копию показаний мисс Литтон, – зачитывает судья Лакхёрст и снисходительно усмехается. – Боюсь, я вынужден отказать.

Пристав слегка кланяется и торопливо уходит. Никита велит всем встать – судья выходит. Мы несемся обратно в нашу тесную, душную раздевалку. Сколько еще ждать? Нельзя ни предсказать это, ни как-то ускорить.

– А я-то думала, все на мази, – фыркает Анджела, когда мы поднимаемся по мраморным ступеням.

Я ищу на ее лице хоть малейшее сомнение, но мисс Риган, как всегда, непроницаема. Я не могу ей ответить: в горле у меня комок. В голове теснятся мысли, в которых я не желаю признаваться: ликующий Джеймс после оправдательного вердикта – и я, униженная, лишенная веры, побежденная им во второй раз.

– Что-то вы притихли, – констатирует моя ученая коллега, глядя на меня искоса, как сойка на червяка. Ее темно-серые глаза пронизательней обыкновенного.

Я молча киваю, стараясь усмирить бешено мечущиеся мысли.

День тянется, как кошка на солнышке. Правосудие требует времени, и двенадцать человек, назначенные на две недели присяжными, относятся к своим обязанностям серьезно и не торопят события.

Стальные стрелки часов в раздевалке двигаются легкими толчками. Три тридцать. Три тридцать пять. Три сорок. Три сорок пять. В любую минуту может прозвучать объявление по громкой связи. Четыре часа. Пять минут пятого. Хватит ли им времени? Достаточно ли этим двенадцати людям нескольких часов, чтобы проанализировать показания и вынести единственно правильный, справедливый вердикт?

– Черт побери, вот уж надеюсь, что они не засидятся! Мне уже пора идти. – Анджела, меряя шагами комнату, с сухим щелчком отламывает кусочек шоколадного печенья и шуршит оберткой. – Отвратительно, – говорит она, отхлебнув теплый черный кофе из бумажного стаканчика, и продолжает ходить.

Исход процесса для нее очень важен: адвокатская практика мисс Риган отнюдь не увеличится, если она не сможет добиться оправдания для Джеймса Уайтхауса. Но это не идет ни в какое сравнение с тем, что вердикт присяжных значит для меня.

Я стараюсь не терять присутствия духа, но ночами меня охватывает ледяная уверенность в поражении, и сейчас надежда тает с каждой минутой. Я знала, что при вынесении решения без сложностей не обойдется. Изнасилование – одно из самых отвратительных преступлений, и если оно совершено не ужасным незнакомцем, о котором нас туманно предупреждали в детских сказках, а затем, более прозрачно, в отрочестве («вот накинется на тебя дядька в темном переулке и как приставит нож к горлу»), а, на минуточку, харизматичным импозантным представителем среднего класса, человеком интеллектуального труда, состоявшим с истицей в интимных отношениях, с которым вы с удовольствием поздороваетесь на улице или у школы, пойдете на ужин или познакомите своих детей или родителей, – если это *такое* изнасилование и *такой* человек, тогда перед присяжными непростая задача – решить голосованием, клеймить ли обвиняемого несмываемым позором.

Вне всяких сомнений – вот бремя доказывания, которое присяжным необходимо применить, прежде чем признать обвиняемого виновным. Однако куда проще «отнестись с пониманием» и сделать подсудимому подарок – обоснованное сомнение. Упростить случившееся до неудачного сексуального опыта – неприятного, небесспорного с точки зрения морали, но не преступного – и ни под каким видом не изнасилования.

Но постепенно, наблюдая за растущим раздражением Анджелы, я

начинаю робко надеяться, что чересчур пессимистично настроилась. Не исключено, что всего один-двое присяжных не верят в виновность Уайтхауса. Судья может уже вызвать жюри в зал и распорядиться вынести вердикт большинством голосов, пояснив, что примет решение, за которое будет отдано десять голосов, хотя, конечно, лучше, чтобы оно было единогласным, без особых сомнений или неясностей. Ведь некоторые до конца не поверят, что Уайтхаус виновен.

Я мысленно перебираю свои аргументы: заключительную речь я набросала сразу после получения дела Уайтхауса и оставила ее почти в неизменном варианте. У меня нет волшебной палочки – заключения судмедэксперта, где четко указывалась бы правда, потому что и синяк, и порванные колготки с трусами можно с грехом пополам объяснить. Я знаю, что он виновен. «Нечего было передо мной бедрами вертеть» выдает его с головой, даже если бы я не знала о его старом преступлении. Но для присяжных сегодня существует лишь слово женщины против слова мужчины, две истории, которые одинаково начинаются, но затем расходятся, сначала в мелочах – кто из них вызвал лифт, кто первым потянулся с поцелуем, – а потом и в самом главном, очевидном, непримиримом.

Если поверят Оливии, я не просто буду ликовать – хотя, разумеется, буду, – но и восстановлю свое попорченное достоинство. Джеймс Уайтхаус в глазах общества останется законченным нарциссистом, красивым, но абсолютно безжалостным, каким знаю его я. Если присяжные поверят Уайтхаусу, Оливия получит клеймо лгуни, а я... Мне невыносимо даже думать о том, что это будет значить для меня. Что это скажет о моем профессионализме и здравом смысле, если в угоду личным предубеждениям, из необъективности я нарушила профессиональный кодекс и все это время жила лишь желанием засадить за решетку Джеймса Уайтхауса.

– Всех участников дела Уайтхауса просят немедленно собраться в зале номер два.

Пятнадцать минут пятого. Прошло четыре часа пятнадцать минут. Диктор произносит слова безразличным тоном, не догадываясь, какой эффект его объявление оказывает на Анджелу и меня: мы вскакиваем с мест, хватаем бумаги, ноутбуки и нахлобучиваем парики.

– Вердикт – или отправит на сегодня по домам? – спрашивает моя оппонентка, немного успокоившись.

Повлиять на происходящее не в нашей власти, но, кажется, дело

движется.

– Второе, – говорю я, не представляя, как выдержать эту мучительную ночь. Придут ли завтра присяжные к справедливому решению, должным образом обдумав показания всех участников?

Атмосфера в зале сгустилась от напряженного ожидания. Места для прессы заполнены. Газетчикам медлить нельзя, им надо успеть к очередному номеру, а тележурналисты думают о шестичасовом выпуске новостей, в котором вердикт станет одной из главных сенсаций. Джим Стивенс сидит на первой скамье. Он не пропустил ни дня процесса. У меня перехватывает горло, когда я вижу, как он смотрит на пристава. Пристав кивает Никите – у них есть решение. Я с трудом сглатываю. Присяжные вынесли вердикт.

Присяжные входят в зал. Я вглядываюсь в их лица. Все держатся непроницаемо, на подсудимого никто не смотрит. Уайтхаусу не позавидуешь: присяжные обычно избегают зрительного контакта, если вынесли обвинительный вердикт. У Оранжевой Физиономии губы сложены в еле заметную усмешку, но это для нее обычное выражение; услужливый мужчина в годах, которого я прочла в председатели, серьезен, потому что все внимание сейчас направлено на него.

– Попрошу ответить на вопрос «да» или «нет». Вы вынесли решение по первому пункту? – спрашивает Никита. Кажется, в зале перестают дышать, когда председатель жюри опускает глаза на свой листок. На секунду я думаю о Софи Уайтхаус: небось перегнулась через бортик галереи, следя за человеком, в руках которого судьба ее мужа? Или смотрит на своего мужа, думая, знала ли она его вообще?

Кажется невероятным, что присяжные пришли к единому решению, но вот, однако...

– Да, – отвечает председатель жюри.

Зал дружно ахает. У меня сжимаются кулаки, белеют костяшки пальцев. Вот он, момент истины, способный изменить всю жизнь, как в ту июньскую ночь под сводами старинной галереи. Трение спины о камень, боль, когда Уайтхаус вошел в меня, «Нечего было передо мной бедрами вертеть». Он говорил тихо, но я отлично расслышала угрозу в его голосе.

– Согласно вынесенному решению, виновен ли подсудимый по первому пункту? – спрашивает Никита.

Я спохватываюсь, что не дышу, и впиваюсь ногтями в правую ладонь, когда председатель открывает влажный розовый рот и почти нагло, громко отвечает:

– Не виновен.

На галерее у какой-то женщины вырывается крик облегчения, а другая (Китти? потому что Оливии в суде нет) вскрикивает: «О нет!» Вскрикивается из глубины души – «нет» женщины, которая знает, что судебные ошибки никто не отменял, и она с этим ничего поделать не может.

Это именно то, что я хочу выкрикнуть и буду громко повторять снова и снова, закрывшись в своей ванной комнате, но сейчас я молчу и лишь слегка киваю в знак принятия вердикта – едва заметным угрюмым движением, будто уже сдала дело в архив.

Сидящая рядом Анджела поворачивается ко мне, уже не сдерживая улыбки. Хороший результат. Я вижу ее рот. Мое лицо окаменело, точно маска. Я остаюсь спокойной и профессиональной, но в душе все ревет и бушует.

Глава 28

Софи

1 мая 2017 года

Джеймс ликовал. Софи чувствовала исходящую от него эманацию возбуждения – здоровую, сексуальную, заразительную, будто он снова молодой человек на пике физической и интеллектуальной формы, как в те времена, когда их команда выигрывала ежегодную регату, или когда Джеймс перелезал через стену колледжа, чтобы устроить Софи ночной сюрприз, и занимался с ней любовью до двух часов ночи, а в шесть утра бежал на тренировку, или когда он до последнего тянул с подготовкой к экзаменам, но потом умудрялся все сдать, или когда получил место в парламенте с грандиозным преимуществом, поставив в тупик аналитиков, или когда требовал к себе повышенного внимания у школы Эм и Финна, в Вестминстере и даже в суде.

– Дорогая... – Он разгорячен, его поцелуй страстен, а хватка почти болезненна, когда он ловит Софи за талию и прижимает к себе. Движение это выглядит настолько отточенным, будто Джеймсу ставили пластику хореографы. – Только поглядите на мою прекрасную супругу! – говорит он Джону Вести и Анджеле и неистово целует Софи, после чего отпускает ее, намереваясь сделать краткое заявление возле здания суда, в ходе которого ликование будет умеряться благодарностью к справедливому британскому суду и проникательным присяжным, единогласно признавшим его невиновным, однако его беспокоит, что это дело вообще дошло до суда.

Толпа телерепортеров и журналистов буквально осадила Джеймса на тротуаре. Возникла суматоха: длинные объективы камер, которыми ему тыкали чуть не в лицо, наперебой кричавшие репортеры с круглыми микрофонами и блокнотами на спиральных. Глаза у всех так и горят от желания не пропустить ни слова, сорвавшегося с губ Джеймса Уайтхауса, выхватить эффектную цитату и напечатать ее на первых полосах или повторять в выпусках новостей.

– Сюда, Софи, сюда! – неслось со всех сторон от мужчин с видеокамерами и женщин в ярких жакетах с микрофонами, не менее (если не более) напористых и льстивых.

Завидев Джима Стивенса – вечно он в гуще событий! – Софи хотела спрятаться. Облегчение при оглашении вердикта, настолько сильное, будто

разжалась невидимая рука, сдавливающая ей сердце, сменилось почти неудержимым желанием сбежать.

Позже в новостях Софи едва узнала себя: выражение лица, как у кролика, застигнутого врасплох светом фар проезжающей машины, а поза такая, будто она старалась сделаться незаметной. Как это вышло, ведь она же радовалась? Однако Софи понимала: дело не в радости или горе, просто бремя свалившегося на нее облегчения не оставляло места беззаботности или ликования, которым был охвачен ее муж. Она растеряна, выжата как лимон после нескольких месяцев, проведенных в ожидании самого худшего, ее раздирают противоречивые чувства и не дают покоя оставшиеся без ответов вопросы.

Софи отступила от толчеи. Им нужен Джеймс с красиво сведенными бровями и звучным баритоном, нужно его лаконичное, но выразительное выступление. Крис Кларк советовал говорить коротко, не торжествовать, а просто поблагодарить близких за поддержку и подчеркнуть свою решимость сосредоточиться на защите интересов избирателей и обязанностях тори в правительстве, ведь работы там непочатый край.

Но муж, не понимая желаний Софи спрятаться, обратился к ней, поблагодарив за «неизменную твердую поддержку». Софи слушала, не понимая, о ком он говорит, и в ней шевельнулось чувство вины за сомнения, зародившиеся еще в Девоне и усилившиеся в последние часы.

– Эти пять месяцев стали кромешным адом для моей супруги и детей. Я хочу поблагодарить свою семью за поддержку и доверие, за веру в мою невиновность в этом гнусном преступлении...

Софи стояла под ливнем его слов – гладких, отрепетированных, похожих на болеутоляющее. Джеймс отказался – по крайней мере, публично – обсуждать саму возможность обвинительного вердикта.

Потом его голос зазвучал ниже, в нем появились еле уловимые будоражащие, обвиняющие нотки:

– Существуют серьезная озабоченность в отношении того, почему это дело дошло до суда: есть вопросы, на которые полиции и уголовной прокуратуре придется в должное время ответить. Мы хотим, чтобы инициаторы столь серьезных обвинений ответили перед законом. Никому не надо, чтобы тратились государственные деньги, если и так ясно, что все это не более чем месть за прекращение непродолжительной интрижки. Я благодарен всем двенадцати членам жюри присяжных, единогласно постановившим, что я невиновен. Сейчас я прошу дать мне побыть с семьей, а затем я намерен вернуться к работе, представлять интересы моих избирателей и поддерживать правительство во всем, что оно должно

делать.

По его кивку Джон Вести объявил, что на вопросы мистер Уайтхаус отвечать сейчас не будет, мистер Уайтхаус торопится. Их с Софи провели к подъехавшему черному такси – уже не министерская машина, по крайней мере, пока. Усевшись на сиденье, Джеймс сжал руку Софи.

За окном мелькал Лондон: они ехали по Ладгейт-Хилл к мосту «Блэкфрайерс» и набережной Виктории. Темза цвета стали катила свои воды в том же направлении. Такси везло их домой, в западную часть города, но сначала им предстояло проехать там, где происходила интрижка мужа Софи. Палата общин стояла точно окутанная золотой пеленой, а великолепный Биг-Бен, похожий на кирпичную стрелу с чугунным шпилем, гордо вздымал свою часовую башню, пронзая бледную голубизну вечернего неба.

Вокруг торопились пешеходы. Автомобиль пронесся по площади Парламента, мимо Вестминстерского аббатства и дальше по Миллбанк, словно нарочно выбрав туристический маршрут для женщины, которая от растерянности будто впервые видела хорошо знакомый город. Несколько месяцев прожив в коконе страха, Софи почти испытывала агорафобию. Яркость и суэта центра казались ей слишком резкими и интенсивными, машины проезжали слишком близко, туристы, снимающие все вокруг на мобильные телефоны (их не интересовали они с Джеймсом, но все-таки), щелкая камерами, надвигались на них.

У Джеймса пискнул телефон. Звонки шли один за другим – желающих поздравить нашлось много, но это сообщение было важным. От Тома. Джеймс снисходительно улыбнулся и – редкий случай – повернул телефон к Софи: «Поздравляю. Добро пожаловать назад. Т.».

Сообщений от премьер-министра не было с того дня, как Джеймсу предъявили обвинение. Эсэмэс трудно назвать самым защищенным способом связи, и Том не желал, чтобы пошли слухи, будто он поддерживает предполагаемого насильника. Однако он продолжал держать связь через Криса Кларка: «Один из ваших друзей передает: выше нос, скоро все закончится. Большой человек вас очень уважает». Приходилось довольствоваться этими скудными обрывками информации и пригоршней случайных разговоров: не было ни непринужденных вечерних бесед на Даунинг-стрит, ни игр в теннис в Чекерс^[8], ни домашних ужинов с Томом и его женой Фионой. Софи с Джеймсом целых полгода были практически персонами нон грата, но теперь для них открылись двери к социальной и политической реабилитации – и довольно широко.

– Это меньшее, что он мог сказать, – проговорила Софи, думая о

только что закончившемся оскорбительном отчуждении. Она не добавила: «После того, что ты для него сделал», но эти слова повисли в воздухе.

Джеймс улыбнулся, на этот раз снисходительно: сейчас он мог позволить себе сделать скидку и поиграть в благодушие. Софи неожиданно сильно задело это обещание возобновить дружбу. У нее вдруг вырвалось судорожное рыдание. Привычное самообладание ее почти покинуло, дыхание стало резким, неровным, хотя она и пыталась справиться с собой. Глаза щипало от слез, которые Софи, часто моргая, старалась прогнать.

– Иди ко мне, любимая. – Джеймс обнял ее на заднем сиденье, и Софи позволила себе поддаться огромному облегчению, вспомнить, какой у нее сильный муж, ощутить сильное, ровное биение его сердца под темно-серым шерстяным пальто, тепло его тела, знакомую, твердую, мускулистую грудь. Она сунула руки под его пальто, нащупала белую рубашку, заправленную под ремень, погладила Джеймса по спине, как гладила бы Финна или Эмили, стараясь вернуть былую близость, ободрить и успокоить, хотя нуждалась в этом сама.

– Все будет хорошо, – прошептал он ей в волосы.

По спине Софи пробежала дрожь.

– Не сглазь, – прошептала она ему в плечо. Слова вышли еле различимыми. – Ты уже это говорил.

Джеймс отодвинулся. На лице его выразилось недоумение, словно он искал и не находил такого воспоминания.

– Нет, – сказал он и произнес раздельно: – Все. Действительно. Будет. Хорошо.

Возражать не имело смысла. Все уже никогда не станет таким, как прежде, – Софи инстинктивно поняла это в ту же секунду, но не выяснять же отношения в такси. Кареглазый водитель и так поглядывает на них в зеркало из-за прямоугольных стеклышек очков. Он знает, что пассажир, которого он подобрал возле Олд-Бейли, – член парламента от партии тори, которого только что оправдали по обвинению в изнасиловании, о чем вот-вот сообщат по каналу Би-би-си, потому что уже пять часов. Софи услышала музыку, предваряющую новости часа. Но ее муж, как всегда, взял дело в свои руки. Нажав кнопку переговоров с таксистом, который старательно делал вид, что не смотрит на пассажиров, Джеймс спросил:

– Нельзя ли переключить на «Радио четыре»? – После чего вольготно раскинулся на сиденье и слушал, как новость о его оправдании идет в выпуске первой.

Софи немного успокоилась: авторитетный голос диктора делал сообщение более официальным, создавая иллюзию, что, по крайней мере,

во внешнем мире действительно все нормально.

– Иди ко мне, я люблю тебя. – Джеймс положил руку жене на плечи, выдохнув одними губами в знак невероятного облегчения, которое Софи, разумеется, разделяла, хоть и продолжала испытывать страх.

Ей не хватило бы слов объяснить – ведь причин для сомнения не было, поэтому она поступила как обычно: поддалась силе личности мужа и его настроению и подавила сумятицу в мыслях.

Дети, конечно, были в восторге: они бросились к отцу, едва Кристина открыла дверь. Джеймс быстро прошел мимо поджидавших фотографов, отказав вежливо, но решительно: «Я сказал все, что нужно было сказать. Теперь я хочу побыть с семьей». Личико Финна светилось радостью. Эмили держалась немного настороженно, потому что у нее имелось отдаленное представление о том, что произошло. Не о сути обвинения, конечно (об этом они умолчали – сказали только, что неадекватная леди напридумывала всякой всячины о папе), а лишь о том, что ее любимый папа был под судом.

Софи смотрела, как Джеймс прижимает к себе детей, будто от этого зависит его жизнь: глаза плотно зажмурены, голова покоится между двух пушистых мягких макушек. Она сглотнула, стараясь сдвинуть твердый комочек, который прочно устроился в ее горле, и не расплакаться в надежных стенах родного дома. Дети не должны видеть ее расстроенной. Они не поймут, что это не только слезы облегчения, но и страх перед неведомым, которое придет в свой день и час.

Джеймс посмотрел на Софи поверх головки Эмили и улыбнулся. В его взгляде читалась одна только любовь, и Софи машинально улыбнулась в ответ. Это Джеймс в своей лучшей ипостаси – любящий отец и муж, для которого счастье семьи превыше всего, Джеймс, которым он всегда хотел быть. Одна проблема: его личность слишком многогранна, он слишком сложен, противоречив и эгоистичен, чтобы всегда оставаться таким, как сейчас, – сразу подоспеют Джеймс-политик и Джеймс-донжуан.

– Мам, а ты будешь обниматься? – Финн, более открытый, чем сестра, более любящий и нежный, поворачивается, чтобы втянуть маму в групповые объятия. За последнюю неделю он растерял новообетенную взрослость, и его ребячливость свидетельствует, как сильно ему надо, чтобы папа с мамой были вместе. Софи позволяет сынишке даже не подвести, а подтащить себя. Финн крепко обнимает ее за талию, Эмили за спину, а Джеймс целует в голову.

– Все дома. Вся семья в сборе. – Эмили ищет способы снова

воссоздать их мир. Для нее существует только черное и белое, и никаких возражений.

– Все дома, и все снова вместе, – соглашается Джеймс.

«Ох, если бы все было так просто!» – думает Софи. Одновременно у нее мелькает мысль: остановись, мгновение. Теперь дети не увидят, как их отца объявят насильником и отправят за решетку, не испытают сиротства при живом отце, а в будущем – позора.

«Больше мне ничего и не надо», – думает она, наслаждаясь общим теплом и обнимающими ее детскими ручонками. Однако в ней растет беспокойство, Софи не может отмахнуться от кое-каких вопросов, а вместе с ними – и от желания оттолкнуть мужа, чтобы ее обнимали только дети.

* * *

В ту же ночь, уложив Эм и Финна, она рискнула завести этот разговор. Она даже и не собиралась – пила себе тихонько шампанское, которое Джеймс открыл, чтобы отметить радостное событие. Благодарность за счастливый исход брала в ней верх над воодушевлением и немного омрачилась усталостью: напряжение последних месяцев порядком подточило силы Софии. Так несколько дней болят мышцы после марафона или азартного гребного соревнования.

Джеймс по-прежнему в эйфории: принимает звонки с поздравлениями, уже договорился о частной встрече с Томом: все страшно засекречено, на Даунинг-стрит его проведут тайно. Он ходит по комнате, останавливается, подхватывает жену на руки и кружит, наконец с размаху усаживается на кровать, разливает оставшееся шампанское в два узких бокала и, радостный, тянется к Софи с поцелуем.

Сама нежность, он обнимает жену и начинает расстегивать ее блузку, зарываясь носом в шею, что Софи вообще-то очень любит. Однако теперь это ассоциируется у нее с другой женщиной. Она отвечает на поцелуй сжатым ртом, после чего высвобождается из его объятий и отодвигается.

– Что случилось? – На красивом лице мужа вопрос и недоумение, и Софи, почти смягчившись, вновь прижимается к нему, приказывая себе не усугублять положение. Но наступил момент истины, и если она промолчит, неотвязные вопросы будут разъедать их брак, как ржавчина, появившаяся на кашпо, которые Кристина оставила под дождем.

– Видишь ли, я не знаю, как это поделикатнее сформулировать...

– Что? – Джеймс сморщился от напряжения. Может, решил, что Софи

хочет от него уйти?

– Мне нужно точно знать, что произошло. Я все время думаю, что же случилось в лифте.

– Как? – говорит он. – Ты же знаешь, что там произошло. Я совсем недавно давал показания в суде и рассказал всю правду.

– Я слышала, что ты рассказал в суде... – Софи обернулась и посмотрела Джеймсу в лицо. Спустив ноги на пол, плотно обхватила себя за локти и ритмично покачивалась. – Мне нужно знать, как все было на самом деле. Неужели так, как ты рассказал?

– Поверить не могу, что ты это спрашиваешь. – Джеймс наклонился, взял телефон с журнального столика и покачал головой, будто страшно огорчившись ее вопросу. – После всего, через что мы прошли, после всего, в чем мне пришлось признаться, зная, что ты в зале, ты во мне все-таки сомневаешься? – Его голос стал жестче: – Я был о тебе другого мнения. Все, я пошел спать.

– Скажи, что она ни разу не просила тебя остановиться. – Софи слышала собственное отчаяние, но ей нужно было знать правду. – Что она действительно не говорила «Нет, не здесь», и... – тут ее голос сорвался, выдавая невыносимую неловкость, – что ты не говорил «Нечего было передо мной бедрами вертеть». – Эти пошлые слова вырвались у нее залпом. – Что ты ничего подобного не говорил!

– А ты сама как думаешь? – Джеймс смотрел на нее сверху вниз. Его голос снова стал спокойным и вразумляющим. Перед ней стоял Джеймс, который полностью контролирует ситуацию и будет доказывать свою правоту с полным присутствием духа.

– Я не знаю. Я волнуюсь, вдруг она как-нибудь сказала, чтобы ты остановился, а ты пропустил это мимо ушей, решив, что она не всерьез. – Слова, эхом звучавшие в голове, вдруг встали на свои места в этой ловко произнесенной фразе, которая пролегла между супругами невидимой чертой. Страстно желая уверений, Софи ждала.

Но Джеймс присел на диван, иронически покрутил головой и взглянул на жену с обожанием.

– А ты хорошо меня знаешь.

– Как это понимать? – Софи так и обмерла. «Я знаю, что ты можешь дозировать правду, когда тебе это выгодно», – хотела она сказать, но не решилась зайти так далеко.

– Ну, допустим, что она вяло пыталась меня отшить...

– Что?! – Софи вовсе не хотела, чтобы муж соглашался с ней и допускал, что она не ошиблась.

– Но это все была игра.

– Как ты можешь это говорить? Ты берешь на себя смелость читать ее мысли?

– Потому что я знаю, что она говорила не всерьез. Она всегда была не прочь. – Джеймс рассматривал сморщившееся лицо Софи, которой слова мужа показались ударом в живот. – Прости, может, это прозвучит грубо, но я стараюсь быть с тобой откровенным. Она всегда делала вид, что сопротивляется, а затем поддавалась. Для нее это была игра, так она чувствовала себя желанной. Так было не всегда, но она сама придумывала рискованные ситуации, когда мы занимались сексом и кто-то мог войти и нас увидеть.

Пораженная, Софи замерла, услышанное стало для нее потрясением – признание, что они регулярно занимались рискованным сексом, упоминание о желаниях Оливии и подробностях их ролевых игр. Софи ухватила за суть обвинения, выступавшую, как утес из воды, посреди туманных речей Джеймса.

– Так, может, в тот раз ей не хотелось?

– Очень сомневаюсь.

– Но она говорила тебе, что не хочет?

– Ну, может, и говорила.

– Говорила или нет?

– Ладно, ладно, вроде сказала один раз, довольна? – раздраженно повысил голос Джеймс. – Слушай, хватит уже об этом! Я не готов к допросу с пристрастием!

Но Софи, взяв след, уже не могла остановиться:

– Вроде или сказала?

– Господи Иисусе, да что же это, новый перекрестный допрос? Пойми, она сказала «нет» один раз и совершенно неубедительно!

От такого признания Софи задохнулась. Когда она заговорила, голос ее был тихим и почти недоверчивым:

– Но в суде ты клялся, что она ничего такого не говорила! Ты же сказал, что ничего не слышал!

– Ой, только не надо изображать из себя пуританку!

– Но ты так сказал!

– Ну, значит, я неточно запомнил.

– Неточно запомнил?!

– Я не лгал, Софи!

Она промолчала, анализируя услышанное. Неверная память, недосказанность, ложь – все оттенки неточности.

– А как насчет «нечего было бедрами вертеть»? Ты ей все-таки это сказал?

– Ну тут ты меня поймала. – У него хватило совести покраснеть. – Может, и сказал. Но раньше она не обижалась – она действительно любила меня дразнить.

– Так ты сказал это или нет? – Софи уже плакала.

– А если и сказал, то что?

Секунду они смотрели друг на друга в упор. Софи видела в глазах мужа неприкрытую злость, знала, что в ее глазах читается обида и замешательство от осознания, что все ее надежды оказались чепухой. Джеймс поспешил улыбнуться, стараясь нейтрализовать свой гнев, решив все сгладить.

– Послушай, – начал он, покаянно глядя на жену. Раньше такой взгляд действовал на нее безотказно. – Возможно, во время допроса в полицейском участке я неточно воспроизвел события. Чтобы не вносить путаницы, я придерживался этого заявления и в суде. Оливия без особого усердия сказала «нет» всего один раз, и я видел, что она говорит это не всерьез, потому что знаю ее и знаю контекст ситуации. Раньше она столько раз хотела секса в рискованной обстановке! Насчет этой фразы – да, возможно, я это сказал... Да, да, сказал, сказал, потому что она обожала дразнить, и ей нравилось, что я считаю ее ловкой соблазнительницей и даже полагаю, что она вертит передо мной бедрами! Честно говоря, она такая и есть... В суде я это отрицал, поскольку не считаю, что эти подробности имеют отношение к делу. Если бы я изменил свои показания – раньше-то я об этом не упоминал! – это бы только все запутало. Но присяжные и так справились! – Джеймс улыбнулся, уверенный, что склонил жену на свою сторону непревзойденным даром убеждать.

Софи потрясла его самоуверенность.

– Я знал правду и, как бы то ни было, что бы я там ни говорил и что бы она ни сказала один-единственный раз, неискренне и коротко, – всем этим можно пренебречь, потому что на момент проникновения, когда с юридической точки зрения согласие действительно имеет значение, Оливия меня хотела.

– Но всей правды ты все же не открыл? – осторожно уточнила Софи, словно выясняя причину ссоры между Эмили и Финном. У нее кружилась голова, и она наугад искала способ что-нибудь уразуметь.

– Я рассказал все достаточно близко к правде. Или правду, какой я ее вижу.

Ее качнуло.

– Но так не бывает!

Ей казалось, что это предельно ясно каждому.

– Да брось ты, Соф! Правда в том, что до этого она хотела секса в подобных рискованных ситуациях, поэтому я решил, что она меня нарочно заводит. Если я чего-то не упомянул в суде или даже противоречил Оливии, что ж, я всего лишь рассказал правду, как я ее вижу. Все мы порой корректируем истину, – продолжал он. – Вспомни, как мы в правительстве подделываем статданные, наводим глянец, замалчиваем цифры, подмывающие наши аргументы, выходим за рамки. Вспомни, что мы делаем с проектом бюджета, всю эту двойную бухгалтерию. А что делал Блэр с иракским досье?!

– При чем тут это? – Софи не дала себя сбить. Она видела, что Джеймс юлит, увиливает, пытается ее перехитрить. Это его тактика в спорах. – Мы сейчас не об этом говорим.

– Ты что, хотела, чтобы я признал то, что считаю не относящимся к делу, увеличив шансы схлопотать обвинительный приговор? Ты хотела, чтобы меня объявили насильником и отправили за решетку? Ты хотела такого для Финна и Эм?

– Нет, нет, конечно. – Софи пошла на попятный, потому что этого она и в самом деле не желала. – Но я считаю, ты должен был сказать правду! – Эти слова, невинные, неопытные, выскочили из нее, как ребенок из утробы. Сердце у нее болело от сознания, что Джеймс исказил правду себе в угоду, что он лгал в суде и считает, что ему это позволено. Софи знала все его недостатки, все до последнего неприятные нюансы, однако сейчас она не узнавала мужа.

– Слушай. – Улыбка Джеймса стала напряженной, превратившись в оскал, рассчитанный на то, чтобы Софи его выслушала. – Даже ты иногда передергиваешь карты.

– Неправда! – всполошилась Софи.

– Правда. Ты говоришь своей матери, что будешь рада ее приезду, даже когда нам это неудобно. На открытии парламентских сессий ты сказала Элли Фриск, что восхищена ее платьем, а мне шепнула, что платье ее старит. Ты даже Эмили сказала, что прокалывание ушей до шестнадцати лет повышает риск инфицирования!

– Но это же нельзя сравнивать! – опешила Софи.

– Отчего же? Ты говоришь все это, чтобы облегчить себе жизнь, а в случае Эм – чтобы напугать ее и заставить принять твою точку зрения. А я всего лишь сказал правду в моем понимании, чтобы не путать присяжных, а, напротив, облегчить им задачу и прояснить факты!

Софи стало страшно. Понимание правды ее и мужа настолько различалось, что ей показалось, будто она сходит с ума.

– Неправда. – Она лихорадочно искала аргументы. Разве Джеймс не признался, что сознательно утаил правду, не желая увеличить свои шансы отправиться в тюрьму? – Ты, находясь под присягой, изложил версию, которая тебя устраивала. Ты... – Софи запнулась, думая, не слишком ли сильно это будет сказано, но не смогла подобрать других слов для обозначения содеянного мужем. – Ты солгал под присягой, Джеймс. Ты лжесвидетельствовал!

– И что ты теперь намерена делать, Соф? – Джеймс смотрел на нее холодно, сжав челюсти.

Хороший вопрос. И что ей теперь с этим делать?

– Не знаю. Ничего.

Внутри стало пусто. Софи чувствовала себя жалкой, ощущала, как ее решимость рассыпается в прах: ведь не разрушать же семью, на сохранение которой она положила столько сил. Только не после того, через что она прошла!

Джеймс приподнял бровь. Они редко так спорили, обычно Джеймс раскрывал объятия в знак примирения, но сейчас он сидел неподвижно, да и Софи не пошла бы к нему, предложи он обняться.

Отвращение поднялось в ней при мысли, что он действительно мог принудить Оливию к сексу. Что он ее изнасиловал. Комната качалась, контуры предметов расплывались. Границы дозволенного тоже стали какими-то размытыми. Джеймс может сколько угодно доказывать, что не сделал ничего плохого, но в лифте Оливия не соглашалась на секс – Джеймс сам признался, что она сказала: «Нет, не здесь», а его презрительно брошенное «Нечего было передо мной бедрами вертеть» ясно указывало на то, что он все понимал.

Хватаясь за мебель, Софи вышла из комнаты на ватных ногах. Перед глазами все плыло. Она еле сдерживалась, стремясь уйти до того, как начнется истерика. Туалет на первом этаже маленький и темный, но там есть задвижка. Там она сможет побыть одна. Софи присела на опущенную крышку унитаза и перестала бороться с надвигавшимся ужасом. Изнутри рвался вопль – она заглушила его, заткнув рот кулаком. Рука стала мокрой, щеки скользкими, Софи чувствовала, как тает ее взрослая личность. Она совершенно не знала своего мужа – он не только нарциссист, который скрывает неудобную правду, называя это гибкостью, но – при этой мысли ей стало по-настоящему страшно – еще и насильник.

Сгорбившись в темноте, она припоминала, насиловал ли он ее хоть

раз. Нет. Непомерное облегчение подхватило ее, как волна, и в душе пробился лучик надежды, что Джеймс не законченный негодяй, что эта мерзость не распространилась, подобно плесени, на их отношения и не запятнала их брак.

Но разве в сексе он не настаивал на своем? Джеймс навязывал ей свои потребности так тонко, что Софи едва замечала, как это происходит. Потому что в их семье все всегда решал Джеймс. Слезы струились по ее лицу, пока она вела счет: именно Джеймс разорвал их отношения в Оксфорде, а потом определял их развитие, когда они встретились спустя восемь лет. С тех самых пор Софи боялась что-нибудь предпринимать из страха его отпугнуть. Именно Джеймс предложил ей бросить работу после рождения Эмили, аргументируя так напористо, что проще было не спорить. Именно он сделал ее женой парламентария, четко дав понять с самого начала, что будет заниматься политикой. Именно он выбрал этот избирательный округ и даже район в Лондоне, где им жить – как можно ближе к Тому.

Друзья семьи – в основном его друзья, Алекс и Кэт давно забыты ради Тома с его политическими союзниками. Отпуск Уайтхаусы проводили так, как нравилось Джеймсу: до появления детей – с Томом в Тоскане, а когда Джеймс стал членом парламента, то в Корнуолле из опасения, что дорогой отдых за границей покажется вызывающим на фоне мер жесткой экономии. Софи с радостью стала бы вегетарианкой, но ела красное мясо вместе с Джеймсом. Муж определял даже то, как она одевалась. Джеймс хотел, чтобы она тщательно следила за собой, была сдержанно-сексуальна, следила за модой. В Девоне Софи ходила в старых джинсах и майках, не делала прическу и сознательно не красилась. Она расслаблялась, как не могла расслабиться при Джеймсе.

На компромиссы практически всегда шла она. Муж ничего не диктовал, ни к чему не принуждал – просто озвучивал то, что ему нравится, и ей проще было подчиниться. Неудивительно, что до самого суда Софи не выясняла отношений – она существовала в браке, как лунатик, и увидела истину, только когда та вскрылась в суде со всей очевидностью.

Софи вытерла лицо, почувствовав, как горит кожа. Отчего она стала такой покладистой, такой слабой в браке? Ей вспомнилось, как на втором курсе она плыла на лодке по Темзе. Был конец весны, солнце висело низко над водной гладью. Тишину нарушал лишь тихий плеск какой-нибудь охотившейся выдры. Весла ритмично ныряли в воду, за лодкой тянулся треугольный след. Софи только недавно научилась грести и очень старалась: легко держась за ручки, она уверенно проводила веслами в воде,

посылая лодку скользить вперед, а когда та замедляла ход, снова опускала весла в воду. Энергия курсировала по ее телу, взлетая от стоп по ногам к ягодицам, спине и рукам, но Софи не чувствовала боли, ощущая себя непобедимой. Счастье казалось полным, как до прошлого лета, когда ее бросил Джеймс.

Та девушка давно исчезла, а женщина, пришедшая ей на смену, не может удовлетвориться таким незатейливым счастьем. Сердце ее заныло от острой боли, от горькой, невосполнимой потери.

А еще Софи не давал покоя вопрос: что теперь ей делать, зная то, о чем сказал ей Джеймс? Зная, что он изнасиловал Оливию и остался безнаказанным?

Глава 29

Софи

2 мая 2017 года

На следующий день они уехали к его родителям в Суррей. Несколько дней в провинции – это то, что было нужно Софи, которая чувствовала себя, как в осаде. Она не могла выйти в магазин: первые полосы газет трубили об оправдании ее мужа. Она не была готова к улыбкам и поздравлениям соседей, к эсэмэскам от мамаш из школы, наперебой сообщавших, «какая тяжесть» спала у них с души, хотя всего неделю назад они обдавали Софи холодом и отворачивались, когда она забирала детей с игровой площадки, чтобы везти их в Девон.

Вудлендс, солидное поместье Чарльза и Таппенс вблизи Хэслемера, давало желанное уединение: сюда вела частная дорога с длинной подъездной аллеей. Приземистая усадьба, занимавшая два акра принадлежавшей семье земли, была окружена ухоженной лужайкой, густо обсаженной соснами и другими хвойными деревьями, державшими внешний мир на почтительном расстоянии. Софи всегда считала эту вечнозеленую «стражу» провинциальной и неприветливой – подлинным отражением собственнической ментальности свекра, но сейчас впервые поняла ее смысл. Мой дом – моя крепость: мост поднят, крепостной вал хорошо защищен, луки натянуты, стрелы нацелены, обитатели в безопасности от двусмысленных шепотков и любопытных глаз. Мир не только прижался носом к окну их брака, но и навалился плечом на дверь, – самое время прибегнуть к защите в обескураживающей форме Чарльза и Таппенс Уайтхаусов, законопослушных англичан, на землю которых боже упаси ступить без разрешения, а к дому – подъехать без приглашения или чрезвычайно веской причины.

Джеймс ощутимо расслабился. Он уводил сына и дочь на теннисный корт и с ангельским терпением отрабатывал бэкхенд Эмили и одновременно учил форхенду Финна, легко и тактично учитывая различия в способностях детей.

Очень помогало и то, что его мать обожала своего сыночка. Таппенс, приятная женщина с тугим седым перманентом и жемчугом на шее, по которому она постукивала в минуты волнения, не имела обыкновения поддаваться эмоциям – по крайней мере, так говорили две ее дочери. Но

когда домой приезжал их младший брат, ее единственный сын, Таппенс смягчалась: на впалых щеках появлялись ямочки, серые глаза начинали светиться, плечи расслаблялись, и в довольно надменной старухе проступали прежние черты красавицы с пухлыми губами, которой она когда-то была. Таппенс наслаждалась присутствием сына, как солнечным теплом, становясь живой, как девчонка, и чуть ли не кокетливой. Когда она при встрече обнимала сына за плечи, изумрудные перстни в богатой оправе ар-деко гордо торчали на ее костлявых пальцах. Софи угадывала глубину терзавшего Таппенс страха, державшего ее в здешнем уединении, подальше от зала суда: ее дорогой мальчик – и вдруг насильник? Нависшая угроза будто издевалась над священной верой Чарльза в «правильный способ вести дела», который включал паи, акции, церковь по воскресеньям, трастовый фонд для внуков, гольф три раза в неделю, зимнее солнышко и рюмочку перед обедом, и открывала перед ними целый новый мир судебных процессов, пресс-конференций и юридических концепций согласия и виновности, о которых Таппенс предпочитала не думать, но которые – она отличалась бóльшим воображением, чем Чарльз, – не давали ей покоя в безмолвные ночные часы.

Теперь Таппенс могла вздохнуть с облегчением: ее дорогой мальчик в безопасности. Она стояла, наблюдая, как Джеймс гоняется за детьми по безукоризненно разделенной на полосы лужайке, а Софи, которая всегда старалась чем-то себя занять в этом внушительном доме постройки двадцатых годов (здесь ей было неуютно), заваривала чай. Теперь она жила на автопилоте, односложно отвечая, когда требовалось, с непривычной отстраненностью прокручивая в уме свой спор с Джеймсом до тех пор, пока уже не могла больше ни о чем думать. Тело у нее наливалось свинцовой тяжестью, ей требовалось прилагать усилия, чтобы просто ставить одну ногу перед другой – и сдерживать накопившуюся горечь.

Поэтому Софи не сразу заметила, что свекровь нервничает: Таппенс похлопывала по своим жемчугам коротким отрывистым движением, а нижнее веко ее левого глаза нервно подергивалось.

– Ты уйдешь от него? – Вопрос застал Софи врасплох. – Мы не будем тебя винить. – Свекровь скупно улыбнулась, будто говоря это через силу. – Конечно, мы бы предпочли, чтобы этого не случилось – так гораздо лучше для детей. – Она кивнула на Джеймса, который перевернул Эмили вверх ногами.

Длинные волосы девочки свесились, рот широко открылся в восторженном визге. Софи представила залиvistый безудержный смех, каким смеются маленькие дети и который она слышит все реже: ей не

удалось оградить дочь от шепотков на игровой площадке. Софи подозревала, что Эмили понимает гораздо больше, чем показывает. Так же, как она знает, что зубной феи не существует, дочка догадывается, что и Джеймс не так уж невиновен. Правда, на ее любви к отцу это никак не сказалось.

Они играли в салки: Джеймс дал детям фору, а потом бросился вдогонку. Финн, подражая футболистам, с гиканьем неся по саду, раскинув руки, словно крылья самолета. Эм стрелой полетела к зарослям за цветочными бордюрами. Весна уже наступила: это чувствовалось в цветении цeanотусов и тюльпанов, в ярком ковре колокольчиков, но солнце было тусклым и смутно просвечивало сквозь плотный облачный слой.

Софи подогрела чайник, обдумывая, что ответить свекрови, слова которой неприятно удивили ее, – точно пьяница нечаянно сболтнул правду. Таппенс продолжала:

– Я все думаю, когда мы его упустили... Может, когда не стали спорить, что его мнение всегда верное? Или это ему в школе привили... Чарльз, конечно, тоже никогда не терпел споров. Может, это чисто мужская черта? Предельная самоуверенность, убежденность, что глупо сомневаться в своем мнении. Вот у девочек и у меня такого нет... Он с детства такой был – вечно плутовал в клюдо, мошенничал в «Монополии», настаивая, что ему можно менять правила. Он был так мил и убедителен, ему все позволялось и прощалось. Может, поэтому он до сих пор убежден в своей вседозволенности?

Софи молчала. Со свекровью они всегда ограничивались разговорами о книгах, теннисе и садоводстве, Таппенс в первый раз позволила себе такую откровенность. От ее неожиданного самоанализа Софи стало неловко и досадно: ей хватает чем заняться и без того, чтобы утешать жаждущую ободрения Таппенс. К тому же, откровенно говоря, Софи и сама задумывалась, где свекровь промахнулась с воспитанием сына.

Она бросила в заварочный чайник пакетики и налила кипятка, оставаясь внешне бесстрастной. Чего Таппенс от нее хочет? Услышать, что это не ее материнская вина? Чтобы Софи обвинила во всем Чарльза и его выбор дорогой школы? Как бы она ни симпатизировала Таппенс – Софи любила свекровь, ее просто нельзя было не любить, хотя с внуками та была довольно холодна, – тут она не собиралась ее оправдывать.

Но Таппенс явно ждала ответа.

– Я не собираюсь от него уходить, – вырвалось у Софи, прежде чем она успела все обдумать и принять решение. Она кашлянула, подавляя сомнения и отвергая подобную возможность. – Так лучше для детей, а они

для меня – главное соображение, как вы говорите.

– Ты для него самый лучший вариант, знай это. – Таппенс взглянула на невестку с непривычным для Софи восхищением. – Не хочу даже думать, каким бы он стал, не будь у него такой умной и красивой жены. – Таппенс замолчала, видимо, представив себе бесконечную череду бессмысленных коротких романов сына.

Обязанность держать мужа в узде оказалась нелегкой, и Софи вдруг охватила ярость. Таппенс, ничего не заметив, продолжала:

– Он знает, что ему с тобой повезло. Мы с отцом ему так и сказали.

– Сомневаюсь, что он это знает. – Софи не желала выслушивать сказку о блудном сыне и сосчитала до десяти, чтобы не разразиться руганью и не шокировать свекровь. Когда она заговорила вновь, ее голос звучал тихо, но в нем отчетливо слышалась горечь:

– Как вы сказали, так лучше для детей. Я не в счет.

– Я так не говорила, – вскинулась Таппенс.

– Еще как сказали.

Атмосфера накалилась от новых для них обеих эмоций. От гнева Софи едва не забыла о приличиях.

Она осмотрела стол, накрытый к чаю, – пузатый чайник, молочник, чашки костяного фарфора, лимонный пирог, который они утром испекли вместе с Эмили, и заставила себя извиниться:

– Простите за резкость. Давайте всех приглашать, чай готов. – И она направилась к задней двери, чтобы позвать свою семью.

Глава 30

Кейт

26 мая 2017 года

После процесса прошло больше трех недель. Я стою на мосту Ватерлоо – это одно из моих любимых мест. Пятница, тротуары стремительно пустеют: все спешат начать выходные уже сегодня, чтобы как следует насладиться дивной погодой.

Я смотрю на красивейший закат – он похож на манговый сорбет, подернутый малиновой рябью и украшенный полосками карамели. При виде такого неба люди достают смартфоны, чтобы запечатлеть эту красоту, или просто останавливаются, как я, и смотрят.

Рядом целуется молодая испанская пара. Под таким небом в душе просыпаются романтические чувства: хочется заключить любимого человека в объятия и, не сдерживаясь, показать силу своих чувств и упоительный восторг при виде непостижимого великолепия жизни.

Никто не сожмет меня в объятиях. «Нет зрелища пленительней! И в ком не дрогнет дух бесчувственно-упрямый...»^[9], однако вид заката оставляет меня безучастной. Собор Святого Павла, «Корнишон» и Канэри-Уорф на востоке, неуклюжий бетонный Национальный театр и медленно поворачивающееся колесо обозрения «Лондонский глаз» на западе меня не трогают. Я невольно засматриваюсь на золотистое готическое здание – возможно, самый известный по фотографиям фрагмент Темзы с Биг-Беном и палатой общин, матерью всех парламентов.

Даже без этого визуального напоминания Джеймс Уайтхаус не уходит из моих мыслей, а ночами, когда я лежу в кровати, занимает их целиком. Я начинаю оправляться от сокрушительного удара, но поражение по-прежнему точит меня изнутри: в самые неподходящие моменты тупая боль становится нестерпимо острой. Разумеется, никто об этом не знает. Я холодна и деловита, как всегда, хотя сразу после окончания процесса едва справлялась с яростью.

– Добиться обвинительного приговора для лучшего друга премьер-министра изначально было гиблым делом, но вы хотя бы заставили их призадуматься, – утешал меня мой помощник Тим Шарплз. Помню, как я заталкивала парик и документы в свой чемодан на колесиках, кроя на чем свет стоит заедавшую молнию, к вящему смятению Шарплза, и изо всех

сил старалась не заплакать, когда мимо к выходу проплыла Анджела. Обуреваемый чувствами, Тим смотрел, не зная, что сказать.

– Это всего лишь один процесс, – наконец нашелся он, хотя мы оба прекрасно понимали: все не так просто.

Я рассчитывала, что дело Уайтхауса докажет: меня не зря так быстро сделали королевским адвокатом, и уже никто не поднимет бровь при виде столь стремительного взлета.

– Будет еще столько дел...

Дела не замедлили появиться, и я сделала то, что следовало, – встряхнулась и вновь взялась за работу, поддерживая государственное обвинение по самым отвратительным сексуальным преступлениям. Я работаю как одержимая, потому что если занять каждую клеточку мозга, то я перестану грызть себя за качество перекрестного допроса и параллели между пережитым мною и Оливией. Но теория, как мы знаем, суха – на практике расчеты редко оправдываются.

Я покосилась на целующуюся пару – не заметили ли они мои мокрые глаза. Мне до боли жаль себя. Ну где ж им обращать внимание на других: их лица прижаты друг к другу, молодые тела сплетены в объятии. К тому же я неприметна, даже в зале суда. «Полли? Молли?» Внутри плеснулась ненависть. Интересно, раскопает ли этот журналист, Джим Стивенс, что-нибудь из оксфордского прошлого Джеймса Уайтхауса? Может, я была такая не одна? Ходили же упорные слухи о вечеринках, на которых в напитки подсыпали наркотики. У «либертенов» своя омерта? Но у кого-то могла сохраниться компрометирующая фотография... Зажмурившись, я молюсь, чтобы Уайтхауса настигло возмездие, чтобы он испытал нестерпимое унижение, чтобы ему не сошло с рук то, что он сделал со мной, Оливией и бог весть с кем еще.

Солнце село – раскаленный шар скрылся из виду, оставив небо грустным и уже не ослепительным. Малиновый выцвел до розовато-серого. Жизнь идет своим чередом, твержу я себе, хотя с моей заикленностью трудно в это поверить.

Однако своей рациональной частью я понимаю, что это правда. Уже появились другие новости и даже очередной политический скандал: Малколма Твейтса, консерватора и председателя парламентской комиссии при министерстве внутренних дел, застали в момент, когда он расплачивался за секс с юношами, занимающимися проституцией. По сравнению с сальными подробностями («тройки» в постели, попперсы^[10], откровенные эсэмэс) секс Джеймса Уайтхауса в лифте – ибо жюри постановило, что это был всего-навсего секс, – сразу поблек. И момент

удачный: надо же, какое совпадение, что новый секс-скандал разразился через неделю после оправдания лучшего приятеля нашего премьер-министра! Политика – дело грязное, и мне почти жаль мистера Твейтса. Держу пари, меньше чем через год Джеймсу Уайтхаусу предложат пост заместителя министра и снова примут в ряды правительственных чиновников.

Нельзя озлобляться, от этого во рту появляется горечь. Лучше, пожалуй, впасть в отчаяние. Я знаю, что мой гнев нужно надежно запирать – твердый, четкой направленности и редкого качества, вроде вычурного коктейльного кольца, которое хранят на дне ящика и редко надевают. Я пока не могу им заниматься. А сейчас мне пора. В шесть утра я бегую по высокой набережной Челси и Бэттерси-парку. С утра день кажется полным разнообразных возможностей, а через семь километров я ощущаю короткий приятный прилив серотонина. Вечером у меня получается не так хорошо: я глушу боль ваннами и джином.

Я медленно шагаю к Стрэнду. Джин и ванна, а с утра – пробежка. Банковский выходной тянется бесконечно: пустыня одиночества с единственным оазисом – Эли. Слава богу, она снова ждет меня на обед в воскресенье.

Мне не хватает крепости ее объятий, которыми она приветствует меня в своем узеньком коридоре, не хватает ее тепла и молчаливого сочувствия, не хватает сознания, что Эли тоже в бешенстве. В студенческие годы ее гнев выражался потоками брани, но, став матерью и учительницей, она почти избавилась от этой привычки. После вынесения вердикта Эли приехала ко мне и осталась ночевать. Она обнимала меня, когда я тряслась от горя, слушала, как я проклинала Уайтхауса, и не позволила мне напиться до бесчувствия. Мы говорили, как будто и не было этих двадцати четырех лет, и когда я выдохлась – горло охрипло, тело будто избитое, – Эли прилегла рядышком и обнимала меня, пока я не заснула.

Теперь я вижу с ней каждую неделю и, должно быть, порядком надоела ее семье, гадающей, почему Кейт, которую раньше было не дозваться, сидит теперь на кухне с красными глазами, словно у их мамы появился еще один ребенок.

Но сейчас Эли мне необходима. Только с ней я могу быть собой. Только она еще помнит Холли.

Глава 31

Софи

22 июля 2017 года

Когда пришло приглашение на встречу бывших выпускников, Софи вначале решила не ехать: июльскую субботу придется провести без детей, потратив лучшую часть выходных на мероприятие, касающееся только ее.

Кроме того, придется набраться храбрости и показаться на людях, рискуя, что все начнут сплетничать о Джеймсе или демонстративно примутся одергивать сплетников. Процесс над ее мужем, а косвенно и прочность ее брака станут преследовать ее там.

Тем не менее плотная карточка с тисненым гербом колледжа и курсивным шрифтом не отправилась в корзину или в камин, а осталась на каминной полке. Ответить на приглашение предстояло через пару месяцев.

– А почему бы тебе не съездить? – поинтересовался Джеймс. – Дети побудут у моих родителей.

Даже несмотря на наличие Кристины, никогда не стоял вопрос, чтобы в выходные за детьми приглядел он сам.

– Я не смогу, – ответила Софи, не желая объяснять очевидное: муж и есть причина, по которой она старается не попадать в ситуации, когда придется рассказывать о своей жизни новым или старым знакомым. Да, она вышла за Джеймса, они живут в Северном Кенсингтоне, у них двое прекрасных детей – версия правды, широкими штрихами раскрашенная в основные цвета, без полутонов и мелких деталей, как ее нарисовал бы Финн или другой шестилетка.

Однако Софи не исключала возможность навестить свой колледж: приглашение точно дразнило ее, стоя на каминной полке рядом с фотографией в серебряной рамочке. «Софи Гринуэй», значилось там, и Софи начала искать свои старые фотографии. Вот она с Алекс и Джулс в лайковых спортивных костюмах: покрасневшие и шумные после гребной гонки «Торпидс». А вот она сидит возле «Кингс-Армз» после выпускных экзаменов, на лице нескрываемое облегчение, мантия выпачкана традиционными сырыми яйцами и мукой. Софи обыскала все в поисках других фотографий: вот вечеринка на втором курсе в совместно снимаемом доме в Парк-таун; откинув волосы назад, она пьет «Будвайзер» из горлышка, и на лице ее вызов: приди и возьми меня, если сможешь.

Фотография на миг перенесла ее в девяностые: большие серебряные серьги-кольца, леопардовое боди, глянцевого блеск для губ, брови, не тронутые пинцетом, – и почти забытая уверенность в себе.

На большинстве снимков Джеймса не было: в Оксфорде их отношения развивались в основном ночью – и в колледже Джеймса. Хотя Оксфорд ассоциировался у нее с Джеймсом, Софи там много времени проводила одна. Шрусбери был ее колледжем, и она очень тосковала о той девушке, которой харизматичный бойфренд не указывал, как жить, и которую теперь Софи хотелось возродить – вернуть себе дух Софи Гринуэй.

Это совпадало с ее желанием стать независимой, более сильной, выйти из тени мужа, потому что в прежней Софи после суда произошел перелом. Она изменилась сильнее, чем Джеймс. Их брак оказался шаткой конструкцией, прочной лишь на вид. Друг с другом они держались вежливо – даже, пожалуй, чересчур: Джеймс проявлял небывалое внимание – прислушивался к мнению жены (или делал вид, что прислушивается), покупал цветы и всячески подчеркивал, что его интересует только Софи и никакой новой Оливии на горизонте нет.

Однако фундамент их брака пережил серьезное потрясение, и карта, по которой они маневрировали, устарела. Муж стал для Софи незнакомцем – вернее, теперь она была вынуждена принимать более темную и непонятную версию Джеймса. Временами ее гнев походил на кулак, который разжимался от презрения Софи к себе: какое же она ничтожество, раз муж запросто сознался при ней во лжи, уверенный, что она его не выдаст. Иногда Софи пыталась себя обмануть, демонизируя Оливию и оправдывая вранье мужа, придумывая объяснения, которые позволяли считать Джеймса заблуждающимся, а не черствым, бесцеремонным и высокомерным.

Джеймс уверен, что *имеет право*, думала Софи в минуты наибольшего отвращения к себе. Он не считает, что сделал что-то неправильно. Он искренне верит, что Оливия с ним играла и притворялась, и для него имеет значение лишь его версия правды. Тогда как она, Софи, вынуждена терзаться его признанием.

Его жизнь возвращается в нормальное русло, работа с избирателями отнимает у него массу времени, как и закулисные советы премьер-министру: их дружба по-прежнему прочна. У Тома хватает политической дальновидности пока не показываться в компании Джеймса, однако тот ожидает перемен.

– Скоро все изменится, – заверил жену Джеймс. Его улыбка подогрета внутренней уверенностью, знанием хитросплетений истории, накрепко

связавшей их с юности.

Это ей приходится ежедневно проявлять мужество, терпя улыбки у школьных ворот и фальшивые поздравления – и от тех, кто желал им дурного, и, как ей хочется верить, от более искренних знакомых. Северный Кенсингтон – большая деревня, и Софи казалось, что слухи тянутся за ней в тренажерный зал, аптеку, супермаркет, кафе, химчистку. Она перестала туда заходить. Веди себя естественно, твердила она себе, но отчего-то сгорала со стыда. Она запачкана так же, как и муж. Пусть Джеймса оправдали и он теперь невинный, свободный человек, однако всему миру теперь известно, что он ей изменял, а Софи к тому же знает, что он лжесвидетельствовал и насиловал.

Большую часть времени она носит это знание тихо, и сердце ноет от печальной обреченности, но затем это знание ищет выхода – сжатый кулак ищет, по чему бы ударить, – и Софи приходится агрессивно тренироваться, много ходить пешком или заниматься на гребном тренажере, появившемся в свободной комнате, когда она перестала ходить в спортзал. Когда сердце уже готово взорваться и становится больно дышать, ненадолго наступает душевное спокойствие: физическое изнеможение и ощущение близящегося обморока от перенапряжения вытесняют все другие чувства.

Психотерапевт тоже оказалась бесполезной. Это была идея Джинни – Софи о таком даже не задумывалась и сочла бы эту затею баловством и эгоизмом, если бы мать не призналась, что обращалась к специалисту после ухода Макса и обнаружила, что это действительно приносит пользу.

– Просто поговорить с собеседником, который тебя не критикует, уже хорошо, – сказала она.

Джеймс знал об этом, но сделал вид, что не в курсе.

– Я не желаю знать никаких подробностей, – грозно заявил он.

Софи даже растерялась, подумав: а с какой бы стати мне с тобой делиться?

Конечно, о многом она рассказать не могла: неприглядная истина осталась невысказанной, слова долго подбирались и фразы репетировались перед каждым сеансом. Не говорить же: «На суде мой муж солгал под присягой, что не насиловал эту женщину, и я не знаю, как теперь с этим жить».

Это усложняло общение с психотерапевтом Пегги, сухой, седовласой, лишенной чувства юмора. Первая сессия прошла почти в молчании: Софи тщательно обдумывала каждую свою фразу, пока Пегги не подняла бровь при случайном упоминании ее отца – и весь оставшийся час Софи

проплакала. От судорожных, некрасивых рыданий лицо ее пошло пятнами. Стиснув в кулаке комок влажных бумажных платков, Софи смутилась от интенсивности эмоций, которые вызвало воспоминание.

– Простите меня, пожалуйста, – повторяла она, сморкаясь и рыдая безутешно, совсем как плакал Финн, когда проиграла его футбольная команда. – Не знаю, что на меня нашло.

Для повышения самооценки Пегги предложила ей съездить на встречу выпускников.

– Что самое плохое там с вами может случиться?

– Ко мне отнесутся с неприязнью... Начнут осуждать... – прошептала Софи, думая: знай ты то, что знаю я, ты бы меня первая осудила. Ты бы сочла меня тряпкой, соучастницей, такой же беспринципной эгоисткой, как Джеймс.

– А может, и не осудят, – возразила Пегги, заправляя за ухо пряди своего короткого каре.

Софи выжидающе смотрела Пегги в глаза, надеясь, что та вот-вот нарушит молчание, с каждой секундой становившееся все невыносимее. Но Пегги только пожала плечами.

– Ну, может, и нет, – в конце концов не выдержала Софи.

Вот так и вышло, что она оказалась в Шрусбери, в комнате с окнами, выходящими во внутренний двор, гораздо лучше той, в которой Софи жила на последнем курсе, – обшитой темными дубовыми панелями, с массивным двухтумбовым письменным столом (столешница обита потертой зеленой кожей) и даже с отдельной микроспальней, где стояла узкая кровать.

Софи провела кончиками пальцев по ввалившемуся животу: стресс последних девяти месяцев буквально выел ее изнутри. Кости таза торчали вперед, а маленькое черное платье уже не обтягивало, а висело, демонстрируя выпирающие ключицы. Ладони у нее вспотели. «Моя руки», – думала Софи, глядя, как блестят под струей воды ставшие слишком свободными кольца. Эти руки со свежим маникюром принадлежали другой женщине – прежней Софи, основной заботой которой было успеть в тренажерный зал и придумать, что приготовить, если на ужин ожидаются друзья. Или как справиться с разницей сексуальных appetитов у нее и мужа.

Софи прогнала эту мысль, а с ней и воспоминание о прежних компромиссах, и прислонилась к окну, глядя, как ее ровесники вереницей тянутся через двор выпить по коктейлю перед ужином. Им всем уже по сорок два, сорок три года – самый, можно сказать, расцвет сил, правда, уже

появились и обязательства: дети, ипотека, пожилые родители. Не успеешь оглянуться, как она и ее однокурсники станут стариками... Впрочем, стареют все красиво – это косвенный эффект богатства (хотя бы относительного) и приличного образования, думала Софи. Она всегда была уверена, что останется стройной, подтянутой и активной – так же, как не сомневалась, что поступит в Оксфорд. С прекрасной осанкой, самоуверенные и самонадеянные, они по-прежнему выглядели так, будто весь мир лежит у их ног, как и четверть века назад, когда они впервые ступили на плиты этого двора: некоторые – сознавая свою недюжинную одаренность, большинство – воспринимая это как должное. «Счастливые засранцы», – сказал ее отец Макс, неожиданно согласившийся отвезти дочь в университет.

Теперь они взрослые, закаленные испытаниями люди: кто-то пережил развод, потерю близких, бесплодие, увольнение, депрессию. После сорока стрессы переносятся труднее... Софи знала, что одного с их курса уже нет в живых – несчастный случай с винтовкой в южноафриканском сафари-парке, – а еще один болен раком. Но есть ли среди них кто-то, кого обвиняли бы в уголовном преступлении? Она пристально вгляделась в гуляющих по двору: у одних наметилось брюшко, двое или трое с возрастом стали элегантнее – и усомнилась. Максимум пьяное вождение или мошенничество, вроде финансовой аферы. Ни у кого больше нет мужа, которого судили бы за изнасилование.

У нее затряслись руки. О чем она думала, решившись приехать? Болезненные воспоминания конца первого курса, пройдя через призму процесса над Джеймсом, стали невыносимыми. Софи помнила свое отчаяние оттого, что с ним произошло что-то ужасное, помнила ужас Джеймса, что его будут допрашивать в полиции; помнила всеобщий шок, когда новость облетела университет, и свое страдальческое недоумение, когда Джеймс практически сразу ее бросил.

Зачем же она рискнула расшевелить эту память, сделавшись потенциальной мишенью для всеобщего осуждения? Как только все напьются, кто-нибудь обязательно с огромным удовольствием станет нарываться на скандал, громко спрашивая: «Софи, а ты во время суда верила, что он невиновен? Да ладно, неужели нисколько не сомневалась?»

Она заранее подготовилась – отрепетировала, как со смехом отделаться от непрошеного собеседника, и придумала пару бойких фраз: «Конечно, я ни секунды не сомневалась в своем муже. Разве иначе я бы с ним осталась?»

Она сыграет роль верной жены, как обещала свекрови, как обязана

поступить ради своих детей. Она еще не подготовила себе иную роль.

Мягкий ореол вокруг зажженных свечей, отражавшихся в столешницах красного дерева, мягко освещал лица увлеченных беседой гостей, сглаживая следы прошедших десятилетий и молодя собравшихся: уже не студенты, а взрослые, состоявшиеся люди, не позабывшие свою альма-матер.

Пили портвейн: полусухой, марочный, густой – и коварный. Софи пила из ностальгии: летней ночью на первом курсе, впервые попробовав портвейн, она улеглась на газон возле Старого корпуса, игнорируя таблички «Траву не мять». Небо было утыкано крохотными кристаллами, обступавшие газон здания тянулись к небесам. Софи помнила сырость росы на голых ногах, задрывшую юбку и, кажется, Ника из их английской группы, склонившегося к ней с нежнейшим поцелуем. На долю секунды Софи прочувствовала всю полноту романтики, но ее тут же накрыло волной тошноты.

Гипотетический Ник засмеялся, помог ей подняться на ноги и отвел в туалет у лестницы, где терпеливо ждал, пока Софи прочистит желудок.

– Тебе нужно выпить воды, – сказал он, когда она вышла, пристыженная и благодарная. – Я тебя найду, когда тебе полегчает. Сама-то дойдешь?

Софи кивнула, покачиваясь. Перед глазами все плыло.

– Иди поспи.

Теперь она гадала, кем же мог быть тот полузабытый благородный юноша, позаботившийся о ней и не настаивавший, когда стало ясно, что она пока не годится для амурных подвигов. Многие парни не проявили бы подобного великодушия, и Софи, к своей неловкости, не считала это шокирующим. Но она приняла как должное, что ей повезло не проснуться без трусов.

Оглядывая зал, Софи перехватила взгляд Пола. Может, это был он? На неделе первокурсников они целовались. Софи сразу поняла – не ее тип: биохимик из общеобразовательной школы для одаренных детей в Кенте, талантливый, но неспортивный. Она инстинктивно почувствовала, что они слишком разные, хотя между ними и вспыхнула пресловутая искорка сексуального притяжения. Теперь ей подумалось: может, начало было не таким уж плохим? Остроумный, красивый парень – и о чем она думала? Ей представилась картинка иначе сложившейся жизни – ускользающий, неосязаемый мираж, все же мелькнувший на горизонте. Софи считала себя страшно умной из-за того, что выбрала Джеймса, – снобизма в ней всегда хватало. Но были ведь и другие кандидаты, и ни один из них не сел бы на

скамью подсудимых в Олд-Бейли, никто не стал бы лгать под присягой, чтобы наедине признаться жене, что на самом деле он насильник, и оставить ее жить с этим знанием.

Она отпила большой глоток портвейна, согревшего горло, и отщипнула от марципановых фруктов, ощутив на языке приторную сладость. Нужно жить настоящим и гнать от себя негативные мысли.

– Не передадите ли мне портвейн? – послышалось слева от нее.

– Ах да, простите. – Софи на секунду растерялась, но тут же наполнила бокал Алекс, сидевшей справа от нее, и передала графин соседу слева.

Обладателем голоса – смуглым, добродушным, с правильными чертами лица – был Роб Филиппс, старый бойфренд Алекс, ставший юристом. В последний раз Софи видела его на одной из свадеб, приуроченных к миллениуму. Уже не женат, как можно видеть по следу от кольца на его левой руке, но, насколько ей помнилось, не гей.

– Ну что... как ты держишься? – спросил Роб. В его голосе слышалась сердечность, будто он спрашивал искренне, а не просто из вежливости.

– О, прекрасно. Отлично. Хорошо все-таки побывать в альма-матер, пусть даже говядина по-веллингтонски не так вкусна, как раньше.

Роб усмехнулся, ничего не сказав.

– Я очень рада, что приехала, – продолжала Софи. – Здесь очень мило.

Она и вправду была благодарна за возможность предаться ностальгии, отдохнуть от реальности. Софи смотрела на тяжелые полотна, украшавшие стены, на портреты знаменитых выпускников колледжа и меценатов из рода Тюдоров, на добродушные, улыбающиеся лица бывших однокурсников, у которых хорошо сложилась жизнь – или им хотя бы удастся справиться с испытаниями. Она дышала свободнее, чувствуя, как округлился живот. В кои-то веки она наелась, не ограничивая себя, и наконец немного расслабилась.

– Я спрашивал не про говядину, – сказал Роб.

Софи чувствовала на себе его пристальный взгляд.

– Не про нее, – согласилась Софи. Не в силах поднять глаза, она крутила десертную вилку, поворачивая ее то так, то этак в надежде, что Роб поймет намек и отвернется.

– Прости, я не хотел быть бесцеремонным. Давай лучше поговорим о погоде или отпуске. Ты в отпуск куда поедешь?

– Во Францию и в Девон, к моей матери.

– А-а, прекрасно. А куда именно?

Разговор свернул на менее опасную почву: лучшие пляжи в

Саутгемптоне, плюсы отдыха в межсезонье, невообразимые пробки на крутых узких дорогах, обсаженных живыми изгородями. Вскоре ее голос стал прежним – позитивным, уверенным голосом Софи Уайтхаус, привыкшей к встречам с избирателями, на которых ей тоже приходилось бывать, к отвратительным напиткам, которые подают на конференциях, и к благотворительным ужинам. Это был шелковистый голос привилегированной дамы, не ведавшей эмоциональных (не говоря уже о финансовых или физических) потрясений, которая умеет создать непринужденную атмосферу и избегает серьезных тем. Так она могла щебетать часами, но как только ей захотелось поговорить о чем-то менее поверхностном, пусть даже о политике – не касаясь Джеймса, разумеется, – Роб пристально посмотрел на нее и сказал:

– Знаешь, если тебе когда-нибудь понадобится собеседник, я готов.

Софи окаменела. Сердце ее бешено забилося, под ложечкой похолодело. Это что, непристойное предложение?

– Я... У меня все в порядке, спасибо. – И она отодвинулась, как старая дева в романе Джейн Остин, почуяв подвох и насторожившись.

Роб улыбнулся, будто ожидал такой реакции.

– Я не имел в виду... Слушай, я, наверное, бесцеремонно лезу в чужие дела, но я знаю отличного адвоката по разводам, если вдруг тебе понадобится. – Он улыбнулся, и весь их искусственный светский разговор разом отодвинулся.

Софи взглянула на Робба в упор и увидела в его темных глазах деловитость и откровенное знание того, что сказочные браки на самом деле бывают чем угодно, кроме сказки, и условие «пока смерть не разлучит нас» уже необязательно.

– Ты себя имеешь в виду?

– Нет, я не суечусь в поисках заказов... Мы с Джо развелись два года назад. Я обращался к коллеге. Она очень хороший адвокат – умеет сделать так, чтобы все пошло по самому простому сценарию... Держи, вот моя визитка. – Он покопался в бумажнике и подал Софи плотный картонный прямоугольник. – Извини, это не мое дело... Просто я сам через это прошел. Бесчисленные компромиссы, попытки сохранить то, чего уже не сохранишь... – Роб поморщился. Его жесты стали почти комичными – этакий самокритичный англичанин, доведенный до крайности. Это было впечатляюще и трогательно, и Софи невольно смягчилась.

– Спасибо, но я вряд ли позвоню, – сказала она через силу, удивляясь, что ее голос звучит твердо и ясно.

Роб пожал плечами, будто говоря: «Я не обижусь», – и допил остатки

вина из своего бокала. Софи повернулась к Алекс, ставшей успешным консультантом по вопросам управления и новоиспеченной мамашей, – она всем показывала фотографии своих годовалых близнецов, зачатых с помощью ЭКО.

– О, Алекс, какие прелестные малыши!

Подруга, сияя от гордости, бесконечно рассказывала о первом детском лепете. Слушать ее было скучно, но на преобразившееся лицо Алекс приятно было смотреть. Софи старалась не думать о предложении Роба, которое не давало ей покоя, как настойчивый, требующий внимания маленький ребенок. Развод. Бесчисленные компромиссы. Адвокат, которая умеет сделать так, чтобы все прошло по самому легкому сценарию.

Сидевший рядом с ней Роб заговорил через стол с Андреа, которую Софи едва узнала. Они говорили все громче, а Софи продолжала пить свой портвейн, и ей казалось, что атмосфера становится теплее и душевнее. Прижавшись к теплему плечу Алекс, рассказывавшей о необычных пристрастиях своих крошек в еде, Софи вспоминала их дружбу, которую, как оказалось, можно возобновить спустя столько лет.

Почувствовав на себе чей-то взгляд, она через два столика заметила темноглазую блондинку с небрежным каре. Плотно сжатый рот остался неподвижным, не ответив на ее улыбку. Странно. Женщина отвернулась, и улыбка сползла с лица Софи.

Алекс по-прежнему болтала, и Софи снова начала слушать, одобрительно поддакивая, когда требовалось, мыча и ахая, а про себя удивляясь счастью, которое подруга принимала как должное. Софи вспоминала, как родилась Эмили и Джеймс был захвачен первым опытом отцовства, а после рождения Финна и вовсе влюбился в своих детей. Короткие золотые дни...

Ей не давали покоя мысли о кареглазой блондинке, которую уже заслонил плотный ряд смокингов, и о Робе, после разговора с которым одолевавшие ее мысли приняли новое направление. Развод. Бесконечные компромиссы.

Убедившись, что Роб смотрит в другую сторону, Софи незаметно взяла визитку и опустила ее в сумочку.

Через несколько часов они вышли во двор. Было уже за полночь, многие отправились спать, причем двое, как не без юмора заметила Софи, вместе: возобновился старый роман, вспыхнуло пламя прежней любви, пусть даже всего на одну ночь.

Роб весело помахал ей на прощание.

– Прости, если я перешел границы приличий... – начал он, но Софи

сразу перебила:

– Ничуть. Не за что извиняться. – Таким вежливо-отстраненным тоном она говорила с избирателями, названивавшими им в Терлсдоне, во что бы то ни стало добиваясь Джеймса.

Роб взглянул на часы, продемонстрировав мятую сорочку – «Ого, уже так поздно?» – и скрылся за поворотом готической лестницы в углу двора.

– Ну что, идем в бар? – Алекс взяла Софи под руку, и они пошли вокруг газона.

Ночь была теплая, а звезды такие же яркие, как в ту ночь, когда она лежала здесь на траве и смотрела, как они кружатся. Подняв глаза, Софи споткнулась – сказывался портвейн, а может, ностальгия по иным, несбывшимся версиям ее жизни.

– Ты в порядке? – Алекс поддерживала ее, пока она, держась за руку подруги, надевала слетевшую туфлю.

– Прости... Да.

Нежность этой поддержки и столь легко возобновленной дружбы растрогала Софи до слез. О Джеймсе они не говорили. Софи собиралась проболтать с Алекс до утра, но сообразила, что это невозможно – вдруг она проговорится насчет мужа?

– Я сейчас тебя догоню, только посижу пару минут.

– Точно? А что тебе взять? Полпинты сидра за дружбу прежних дней? Или «Будвайзер», ты же его любила?

Софи не пила пива несколько лет.

– Вообще-то... можно мне односолодовый виски со льдом?

– Ничего себе! Точно?

– Точно. Обещаю, я приду через две минуты. Мне нужно посидеть и кое о чем подумать.

Взгляд Алекс смягчился – она отнюдь не глупа, и Софи вдруг стала невыносима жалость подруги.

– Обещаешь?

– Обещаю.

– Ну ладно тогда, жду. – И Алекс с наслаждением пошла по газону.

Некоторое время Софи сидела на скамейке в углу двора, глядя, как бывшие однокурсники медленно разбредаются, уходя в бар или в студенческую комнату отдыха. Прежние компании держались вместе: фанаты точных наук едва разговаривали с «искусствоведами», не позабыв былой снобизм. Впрочем, теперь миром правят ботаны, а историки и специалисты по английской литературе подались в учителя и журналисты,

если только после выпуска не переквалифицировались в менеджмент-консультантов или бухгалтеров, засунув подальше свои дипломы.

От холода жесткой каменной скамьи головокружение почти прошло. Софи вглядывалась в гулявших во дворе, представляя, что восемнадцатилетние тени прошлого призраками ходят за своими сорокалетними воплощениями. Некоторые почти не изменились, зато других стало не узнать: обесцвеченные волосы или дреды, которыми щеголяли до первого собеседования, превратились в аккуратные каре и очень короткие стрижки с просвечивающими макушками.

Когда почти все разошлись, Софи вдруг поняла, что рядом кто-то сидит. Взглянув на непрошеную соседку, она со смятением узнала ту самую женщину, которая сверлила ее взглядом за ужином. По-прежнему не улыбаясь, незнакомка длинно и тяжело вздохнула.

– Простите, никак не вспомню ваше имя. – Софи попыталась взять инициативу в свои руки.

– Эли. Эли Джессоп. В колледже я называла себя Элисон. Мне казалось, так солиднее. – Повернув голову, женщина посмотрела на нее в упор, и Софи увидела, что она очень пьяна. Покрасневшие глаза горели странным, пугающим огнем. – Не волнуйся, ты со мной не общалась, – сказала она, будто прочитав мысли Софи. – Я была не из красавиц и училась на математическом, а не на твоём.

– О... – Софи попыталась успокоиться, но ей мешал отзвук обиды в голосе собеседницы. Может, Софи относилась к ней свысока или перед ней просто одна из тех женщин, которые беспричинно обижены на всех, кто красивее? Наверное, она чувствует себя здесь не в своей тарелке: некрашенные корни, прическа явно из дешевой парикмахерской, заметный лишний вес, на черных колготках дорожка, светлой чертой поднимающаяся от пятки. Вот Софи обязательно заметила бы, если бы у нее поехали чулки... Она цеплялась за эти соображения, пока ей в голову не пришло, что перед ней, наверное, та, из-за кого сегодняшний вечер все-таки не обойдется без конфликта: не вспыльчивая выпускница политэкономического, которой Джеймс предпочел Софи, а какая-то рьяная сторонница лейбористов. – Простите, что я вас не помню. У меня плохая память на имена. А у нас были общие знакомые?

– О да, – протянула Эли с горьким гортанным смехом. – Помнишь Холли? Холли Берри?

У Софи шевельнулись волосы от тягостного предчувствия и образа полузабытой девушки, о которой она недавно вспоминала.

– Да, да, конечно! Я как раз ее вспоминала несколько месяцев назад –

мне ее кое-кто напомнил...

– Вас распределили к одному тьютору.

– Да, но это недолго продлилось. Мы очень дружно жили весь семестр, но в конце первого курса Холли бросила учебу. Я так и не узнала, почему. – Софи помолчала. – Простите, я не знала, что вы дружили.

– Ну еще бы. Ты меня даже не помнишь.

– Довольно смутно. – Обескураженная Софи попыталась направить разговор в менее бурные воды. – Как она поживает? Вы с ней общаетесь?

– Да, я с ней общаюсь. – Несколько секунд Эли смотрела на Софи, затем откинулась на спинку скамьи и уставилась прямо перед собой, на верхние окна в середине корпуса, под солнечными часами.

Софи, озадаченная таким поведением, ждала, все более проникаясь предчувствием, что эта пьяная, но с хорошо подвешенным языком особа вот-вот бросит эмоциональную гранату.

– Что касается того, как она поживает... Нормально. Прекрасная карьера, не замужем, без детей...

– А чем она занимается? – уцепилась за соломинку Софи.

Эли повернула голову и уставилась на собеседницу:

– Она стала адвокатом.

Софи бросило в дрожь, воздух вокруг вдруг стал ледяным, все чувства мгновенно обострились. Старательная Холли – толстенькая, вся такая правильная, почти хорошенькая, довольно милая, очень наивная – и вдруг адвокат! На ум Софи пришла Кейт Вудкрофт, но она сразу отмахнулась от этой мысли: такое уж точно невозможно. Однако получается, эта Холли завоевала не менее влиятельное и авторитетное положение, чем она, Софи!

– Там была ее комната. – Эли указала взглядом. – Там я ее и нашла на следующий день. Она сидела запершись, и я целых двадцать минут убеждала ее открыть. Когда я вошла, она не позволила к себе притронуться, обхватила себя руками, напялила мешковатые обноски, которые я насилу убедила ее не носить... – Голос Эли прервался, но она тут же справилась с собой. Она больше не смотрела на Софи, поймав взглядом точку в окне под часами. – Тебя интересует, почему она ушла? Что заставило ее бросить Оксфорд, хотя она пахла как вол, чтобы сюда попасть? А что может заставить молодую девушку так поступить? – Эли повернулась к Софи.

– Не знаю. – Софи пыталась придумать любое, самое дикое объяснение, но внутри у нее вдруг стало пусто. Ей показалось, что она кубарем катится куда-то внутрь себя. Она догадалась, что сейчас услышит. – Она забеременела?

– Ее изнасиловали.

Сказанные шепотом, эти несколько слогов показались ружейными выстрелами, эхо от которых раскатилось по гулкому двору.

– Твой муж не в первый раз отличился, Софи, – продолжала Эли негромко и деловито, скорее с грустью, чем со злорадством. – Я это тебе говорю только потому, что я пьяна, – мне пришлось напиться, чтобы это сказать. Так что не сочти за пьяный бред... Он изнасиловал восемнадцатилетнюю девственницу в конце первого курса и, думаю, ни разу не задумался о последствиях своего поступка. Может, он даже ничего и не понял – решил, что это очередной случайный секс. Но он это совершил, и от этого никуда не деться.

Страшные колющие слова налетели на Софи, как рой жалящих насекомых. Она вскочила, готовая бежать прочь. Ноги не слушались, но сердце сильно билось, тяжелыми толчками гоня кровь к голове.

– Не говорите чепухи. – Софи понимала нелепость сказанного, но нужно было чем-то ответить. – Вы бог знает что несете! Вы лжете! Какая гадость, грязь какая!

Эли подняла на нее взгляд и едва заметно двинула плечом.

– Я не лгу. Мне очень жаль.

– Ах ты сучка! – Софи сама опешила от вырвавшейся фразы, но инстинкт самосохранения у нее оказался сильнее, чем она думала. Она ни под каким видом не может допустить, чтобы о Джеймсе сложилось такое мнение.

Скорее прочь от этой женщины! Софи развернулась и пошла, высоко держа голову, цокая по дорожке острыми «кошачьими» каблучками. Цок, цок, цок. Спину прямо, иди вперед, не беги, ты уже почти ушла. В отчаянии Софи искала хоть какой-то просвет. Дети! Она вспомнила крепкие объятия Финна, затуманенное сомнением личико Эмили, когда ей сказали, что папа в суде из-за наговоров злой тети. Нога подвернулась, Софи оступилась, покачнулась – и неуклюже бросилась бежать. Истина обрушилась на нее, и факты с мягким щелчком, как грани кубика Рубика, встали на свои места.

У библиотеки Софи вновь перешла на шаг, но голос Эли нагнал ее у выхода со двора. Последняя фраза, негромкая и насмешливая, будет преследовать ее всю бессонную ночь и еще много дней и недель.

Софи пыталась сделать вид, что не слышит, но ночь была тихая, а во дворе пусто.

– Я говорю правду, и, похоже, ты это знаешь.

Глава 32

Софи

3 октября 2017 года

Уставшие после конференции делегаты собрались на фуршет. Зал был переполнен, лица блестели от пота, перевозбуждения и восторга – надо же, они пьют вместе с членами парламента!

Полусухое белое вино успело нагреться. На приемах «Спектейтор» подают шампанское «Поль Роже», а на фуршетах вроде этого найдешь только такую кислятину да апельсиновый сок из концентрата или газировку. Софи все же отпила жиденького винца. Послевкусие перебило ощущения во рту и должно было, по идее, вскоре заглушить и другие чувства. Сейчас она пила намного больше, чем раньше.

Где ее муж? Софи оглядела зал, сознавая, что по-прежнему только о нем и думает, желая расслабиться, не паниковать, если он отсутствует, и не проверять, где он. С другой стороны, она здесь только ради Джеймса... Это просто смешно – можно подумать, она не хочет от него уйти! Проснувшись утром, она несколько секунд лежит в спокойном неведении, в полусне, когда ощущается только тепло постели и чистота простыней (Софи непременно меняет постельное белье еженедельно или даже дважды в неделю). В эти мгновения день еще кажется мирным, потому что больше всего, больше даже такой амбициозной штуки, как счастье, Софи желает душевного покоя.

Но через мгновение иллюзия исчезает и все вспоминается. Память возвращается, как физическая боль: едкая в желудке, ноющая в сердце. Софи словно парализует от невыносимой тоски, знание грозит выесть ее изнутри, если она не спустит ноги с кровати и не встанет немедленно – скорей, скорей, потому что нужно везти детей в школу, и дневные дела ждут, и нет времени на самокопание, которое надо сразу подавить, пока оно не овладело ею и не выжгло изнутри.

Софи пыталась применять методы когнитивно-поведенческой терапии, которым ее научила Пегги (с психологом Софи по-прежнему не до конца откровенна – а как иначе?), но в основном переключалась с помощью физических упражнений и беспрестанной, тщательной, ненужной уборки, помогавшей лучше всего.

Так ей удавалось отгородиться от мыслей, начинавших крутиться

калейдоскопом сразу после пробуждения, не дававших покоя, пока Софи стояла под душем. От мыслей немного отвлекали только заботы о детях. Неужели Джеймс – злостный насильник? От него пострадали только Оливия и Холли – Софи с горечью признала, что слова Эли были правдой, – или были и другие молодые женщины? Инциденты, а не «моменты слабости»? Значит, так будет продолжаться и дальше? Нескончаемый поток любовниц, чьи желания он привычно проигнорирует, потому что его потребности важнее? При мысли об этом Софи всякий раз оказывалась в тупике и, стоя под душем, боролась с желанием никогда не выходить отсюда, навсегда остаться стоять под текущими струями.

Он вообще хоть иногда думает о том, что натворил? Разумеется, они об этом не заговаривали. Джеймс был настолько непоколебим в своей уверенности («Я рассказал все достаточно близко к правде. Или правду, какой я ее вижу. Раньше она несколько раз хотела секса в похожих ситуациях»), что Софи понимала: муж не изменится. Но если у него такой «гибкий» подход к согласию партнерши и понятию правды, что это говорит о ней, по-прежнему живущей с ним?

Когда наваливались эти мысли, Софи принималась как одержимая драить дом, обрабатывать кухонные шкафы антибактериальным спреем, выбрасывать из детских комнат игрушки, с которыми Эм и Финн уже давно не играли, но и расставаться не желали; складывала белье согласно строгим указаниям гуру стиля жизни: любые непарные носки или испорченная одежда отправлялась в мусорный контейнер, чтобы хоть в доме, раз уж не в жизни Софи, царил образцовый порядок.

Наконец неумолимый водоворот в голове начал успокаиваться, чему способствовал отъезд из Лондона подальше от Джеймса, в Девон к Джинни, а в конце августа – просто невероятно! – всей семьей во Францию. Джеймс был на редкость заботлив с детьми и нежен с женой. Софи не ощущала никакого волнения от прикосновений мужа, но ради Эмили и Финна делала вид, будто смягчилась. Дети по-прежнему оставались – должны оставаться – ее основным приоритетом.

Притворяться, заговаривая о новых планах и о том, что жизнь понемногу налаживается, становилось все легче, потому что Софи – той немалой частью себя, которая хотела забыть слова Эли и признание Джеймса, – стремилась в это поверить. Однако в редкие моменты, когда они с мужем занимались любовью, она представляла, как наводит порядок в кухонных шкафах, заменяя банки «Килнер» на «Джейми Оливер» с крышками фирмы «Хардвик Грин». Узнав на примере собственного мужа, что обособленность становится второй натурой, когда заводишь интрижку,

Софи скрывала себя настоящую. Она выполняла движения вместе с Джеймсом, но настоящая Софи, Софи Гринуэй, уверенная в себе девушка, которая спускалась по Темзе на весельной лодке и ощущала себя личностью и без харизматичного мужа-диктатора, существовала в эти мгновения где-то еще.

Так Софи и терпела, кое-как справляясь: жила сегодняшним днем, думала только о детях, цеплялась за любые плюсы, руководствовалась мудрыми изречениями, улыбалась при необходимости – вот как сейчас. Отель с толстыми ковровыми дорожками, где проходила конференция, в середине восьмидесятых серьезно пострадал от взрыва, устроенного террористом ИРА, – тогда погибли пять человек. Мысль об этом не позволяла Софи чересчур углубляться в собственные переживания: какими бы серьезными ни были ее проблемы, они и в сравнение не идут с непоправимостью смерти.

Она взяла еще бокал у официанта и выпила за эту мысль, сознавая, что ее лицо стянуло в маску задумчивости, контрастирующую с развязностью остальных.

– Веселей, а то не сбудется! – Проходивший мимо краснолицый тип в розовой рубашке, выбившейся из-под ремня и обнажившей похожий на сардельку валик жира, положил руку ей ниже талии.

Софи, мгновенно напрягшись, с отвращением отстранилась от влажной ладони.

– Зачем же так неласково смотреть, дорогуша! – Толстяк приподнял руки с насмешливой покорностью. Под тоненьким слоем обходительности в нем ощутимо чувствовалась агрессия. Софи через силу улыбнулась и отвернулась.

Однако кое-кого она успела заметить: худой, довольно пожилой человек слушал Малколма Твейтса, склонив голову набок. Темные глаза пристально разглядывали лицо говорившего. Залоснившийся темно-синий костюм казался довольно поношенным, плечи усыпаны перхотью, худые пальцы сжимали бокал красного. Софи видела его в зале суда: это Джим Стивенс, один из репортеров, сидевший на местах для прессы. Это он кричал ей тем страшным утром, когда Джеймс шел давать показания: «А что, премьер-министр по-прежнему полностью доверяет вашему мужу, Софи?» От этого вопроса ее до сих пор будто кипятком ошпаривает. Софи помнила, как настойчиво Стивенс добивался ответа и как это действовало ей на нервы вместе с его неряшливой внешностью, старым замызганным плащом, кислым запахом кофе и табака.

У Софи тоненькими иголочками закололо кожу под волосами. Стивенс

не аккредитован в парламенте, зачем он здесь? Вынюхивает новую грязную историю о Джеймсе? На прошлогодней партийной конференции ее муж переспал со своей референткой. Кто поручится, что Джеймс недостаточно авантюрен, чтобы не приняться за старое? Или Стивенс ищет новые жареные факты? Газеты до сих пор беснуются из-за той фотографии «либертенов», где Том и Джеймс самодовольно позируют на лестнице оксфордского колледжа. Это было яркое, почти сатирическое свидетельство сознания собственной привилегированности. Софи подумала о кошмарном происшествии в конце первого курса, о страданиях Джеймса, рассказавшего ей все на следующий день. В его глазах с покрасневшими веками застыло недоумение. Это был единственный раз, когда Софи видела плачущего Джеймса. Она с трепетом подумала: только бы об этом не пронюхал Джим Стивенс!

Репортер встретился с ней взглядом и приподнял бокал. Софи, чувствуя, как жар распространяется по шее вверх, к щекам, отвернулась и стала пробираться между плотно стоявшими активистами в тесных костюмах, желая уйти как можно дальше. Она схватила еще бокал вина – что угодно, лишь бы отвлечься. Так-то лучше: когда пьешь третий бокал, вкус почти не чувствуется. Софи выпила залпом и взяла еще. В желудке бурчало от кислоты и страха.

Надо найти Джеймса: его сегодняшнее присутствие в кругу верных соратников задумывалось как часть политической реабилитации. Все должны увидеть, что он не чурается самой тяжелой работы – пожимания рук и внимательного выслушивания избирателей – и что опала его многому научила. Кающихся грешников любят, поэтому Джеймс был нарасхват: на параллельном совещании, где шла речь о важности укрепления семьи, все сочувствовали его «меа culpa» и замерли, когда у Джеймса треснул и сел голос, когда он прикусил зубами костяшки пальцев, чтобы удержать слезы. Аудитория не желала его отпускать, хотя в ней преобладали пожилые семейные пары, от которых Софи ожидала скорее осуждения, и решительные дамы на шестом десятке в малиновых и васильковых жакетах.

– Нельзя не восхититься мужчиной, который умеет протянуть людям руки и сказать: я был не прав, но я усвоил преподанный жизнью урок, – так высказалась одна из них.

Софи захотелось схватить эту женщину за лацканы жакета и закричать ей в лицо. Но конечно же она этого не сделала. Новая, более циничная Софи – невыносимо, что Джеймс сделал ее такой, – должна была покорно стоять, пока он обрабатывал избирателей, как по нотам разыгрывая

раскаяние и изображая интерес, которого, как знала Софи, муж не ощущал. Она почти восхищалась его мастерством, хоть и не доверяла ни единому его слову. «Все мы порой упрощаем истину», – сказал он ей с таким равнодушием, что это прозвучало почти убедительно. Однако к честности это заявление отношения не имело и не имеет. Большинство людей живут иначе. Только сейчас Софи начала сознавать, как часто муж лгал – своей уклончивостью, недомолвками, полуправдой, сохраняя таким образом лицо.

Ну здесь делать нечего. Софи в последний раз оглядела зал и увидела того, кого предпочла бы не видеть, – Криса Кларка. Он перехватил ее взгляд – Софи не успела отвернуться – и двинулся к ней сквозь толчею. Толпа незаметно расступалась перед ним, и Крис как-то очень быстро оказался рядом.

Взяв Софи под руку, он повел ее в сторонку, за какие-то раздвижные двери, где был стол, уставленный пустыми бокалами и тарелками с шелухой арахиса и остатками чипсов. Джим Стивенс был далеко, на другом конце зала, да еще и повернулся к ним спиной, «кулуарные» журналисты были заняты написанием отчетов, а делегаты оказались слишком далеко, чтобы расслышать их разговор.

– Ну вот и мы и встретились при более благоприятных обстоятельствах, – сказал Крис Кларк самым оптимистическим тоном, но улыбка лишь растянула его губы, глаза же оставались серьезными.

– Более благоприятных, чем в суде, вы хотите сказать?

Крис Кларк заморгал, как крот.

– Простите, – процедила Софи. Она готова была на все, лишь бы он ушел.

– Не унывайте, он держится молодцом. – Крис оглянулся. Через толпу шел министр внутренних дел, окруженный кольцом будущих членов парламента. – Не успеете оглянуться, как он снова окажется в министерстве...

– Давайте сменим тему, – сухо попросила Софи.

– Помощником государственного секретаря – например, по вопросам борьбы с наркотиками. Не самая приятная должность, конечно, но Джеймсу удавались дела и потруднее. И, разумеется, он по-прежнему пользуется доверием премьер-министра. Смелый шаг, но премьер считает, Джеймс справится.

– Черт!

Крис был шокирован: Софи не имела обыкновения сквернословить.

В ней закипела ярость: только не этот пост! Да как же Том может быть

так непроходимо глуп, так пустоголов? Она представила, как премьер-министр улыбается своей милой, невинной улыбкой, не задумываясь о самонадеянности такого решения, о том, что он ходит по краю – да и Джеймс тоже. Пока им все сходило с рук, видимо рассуждал он, так что мешает дать Джеймсу такое назначение? В конце концов, он, Том, премьер-министр страны. Но каков апломб, каково лицемерие!

Софи взглянула на Криса, чувствуя, как жжет глаза, и понимая, что не удержит слез. Надо уходить, пока она не сказала то, о чем потом пожалеет.

– Может, я чего-то не знаю? – Крис всматривался в ее лицо пронизательными голубыми глазами. Софи подхватила жакет и сумочку, еле удерживаясь от того, чтобы не побежать.

– Неужели премьер-министр излишне добр?

Софи показалось, что Крис над ней издевается.

– Вы что, действительно ничего не знаете?

Крис не покачал головой и никак иначе не признал своего неведения. Софи опустила глаза, машинально отметив толщину ниток коврового покрытия.

– А вы спросите их о вечеринке «либертенгов» после выпускных экзаменов. Там были и Том с Джеймсом. Июнь девяносто третьего. – На этом она поспешила прочь из зала с низким потолком – от его удушающей жары, ослиного хохота, отвратительных людей, занятых интригами, заговорами и сплетнями, и вышла в относительную прохладу прибрежного района Брайтона. Спускался свежий октябрьский вечер.

Глава 33

Джеймс

5 июня 1993 года

В комнате Алека на третьем этаже яблоку было негде упасть: после бурной вечеринки там собрались «либертены» – третьекурсники. Облегчение от того, что экзамены позади, серой тенью ложилось на непривычно усталые лица.

Джеймс сладко потянулся в кожаном кресле: действие шампанского накладывалось на почти лихорадочное изнеможение. Он смертельно устал от хронического недостатка сна – готовился к экзаменам, было много ночной зубрежки. Высший балл ему обеспечен – самоуверенность Джеймса была слишком жизнестойкой, чтобы оставить место каким-то сомнениям, – но только за счет метода «ночь перед экзаменом»: таблетки «Про плюс», сигарет «Мальборо лайтс» и кофе, чтобы продержаться полуночные часы, а затем виски, чтобы заснуть. Кокаина тоже было в избытке, и Джеймс писал рефераты в состоянии гиперактивности и штурмовал самые сложные вопросы по экономике всего после четырех часов сна.

Он вовсе не собирался ложиться костью – во главу угла он ставил спорт и фитнес и академическую часть не забывал густо сдабривать удовольствиями, доходя до крайностей, – однако надеялся, что у него прокатит. Оксфордский диплом с отличием и золотая медаль в составе университетской спортивной команды – такие отметки в паспорте станут пропуском в любые закрытые общества, клубы внутри клубов, избранные круги, где он считался своим уже сейчас.

Джеймс беспокойно шевельнулся: сказывался переизбыток кофеина и алкоголя. Завтра с утра он выйдет на долгую пробежку – через университетские парки, оттуда по Джерико, Порт-Медоу и вдоль Темзы до Годстоу, где тренируется первая лодка. Он обогнет «зеленые легкие» Оксфорда в чистом свете раннего утра, когда город только еще принимается за дела и жизнь кажется белым листом, и снова почувствует себя прежним – подтянутым, сильным, мужественным, способным размяться и бежать, с радостью отбросив гнетущую необходимость круглые сутки готовиться к экзаменам и корпеть над учебниками, чтобы продемонстрировать свою академическую подготовленность. Молодая

энергия, томившаяся, пока Джеймс бездельничал в библиотеках, стучаясь коленями длинных ног о крышку стола и задевая плечами книжные шкафы, когда качался на стуле, наконец получит выход. Мышцы будут работать, сердце станет ритмично сокращаться, в ушах зашумит кровь, кроссовки промокнут от росы, и Джеймс будет бежать по освещенным солнцем улицам, гулко стуча ногами по плиткам.

Он вытянул руки над головой, почувствовав каждую жилку от самых плеч, и рассеянно полюбовался своими длинными, красивыми пальцами. Какие пальцы, такой и... ну вы понимаете. Голова стремительно пустела – знания, втиснутые в память за последние четыре недели, улетучивались, и Джеймс поймал себя на одной упорной мысли. Семестр заканчивается только через две недели, впереди еще четырнадцать дней пьянства, гребли, ставок на бегах – и секса. Много секса. Он повезет Софи вверх по реке, к шлюпочной пристани в Червелле, и устроит пикник в одном из университетских парков. Он сорвет ее цветок – хороший эвфемизм у Шекспира – в высокой траве, и солнце будет ласкать их теплом, и облака будут медленно плыть в пронзительно-голубом небе. А может, они возьмут велосипеды и уедут далеко в поля, к Вудстоку и Бленхейму. У него будет время уделить Софи побольше внимания. У нее курсовые экзамены, но они ни на что не влияют... Впрочем, это хорошо, что она занята. Проблема с женщинами – ну помимо отсутствия у них мужества отстаивать свои убеждения – в том, что они бывают навязчивыми. Соф, кажется, поняла, что назойливости он не потерпит, но Джеймс все равно ощущал ее привязанность, походившую на тайное глубинное течение, которое захватит его и утащит на дно, стоит ему только расслабиться и проявить заинтересованность.

Он отмахнулся от этих мыслей, с удовольствием предвкушая упоительно долгое, полное наслаждений лето. Правда, он еще не решил, как включить в свое лето Софи. Джеймс рассчитывал, что к сентябрю их отношения сойдут на нет – у него начнется новая жизнь в Лондоне, но до этого можно встречаться еще несколько месяцев! Он не предлагал Соф вместе провести каникулы, не желая давать девушке напрасную надежду. Джеймс планировал провести три недели в Италии, на вилле родителей Ника, а оттуда со старыми друзьями поплыть на яхте в Сент-Мауэс.

Но родители рано или поздно уедут, и тогда пусть Софи является. Пустой дом, знойное лето – он так и видел ее раскинувшейся поперек кровати, с простыней между ног. Пара беззаботных месяцев, конец затянувшейся, жадной до наслаждений юности, последние деньки безответственности и ожиданий, когда можно будет предаться

развлечениям. В сентябре ему приступить к работе в крупной фирме, работающей в сфере управленческого консалтинга. Признаться, такая перспектива его не очень вдохновляла, но если он хочет сделать карьеру в политике, нужно попробовать настоящую жизнь – и заработать серьезные деньги.

Джеймс опрокинул в рот виски, которое налил ему Ник, и открыл пиво. Створчатые окна были распахнуты навстречу ночной прохладе. Алек и Том выбрались на каменный балкончик, выходивший на Медоуз, и звуки молодого буйного смеха разлетались до самой Темзы.

На крыше можно было встать на свинцовый желоб, прижаться спиной к черепице и смотреть на звезды или пройти по коньку, как Алек, – Джеймс слышал быстрые шаги по черепице. Сам он не одобрял такие забавы. Перелезть через стену – одно дело, лазить по крышам – совершенно другое. Его влекло наверх, а не вниз. Любопытно, что Джеймс мог быть безрассудным, когда дело касалось женщин, учебы, даже клубных наркотиков – теперь, когда соревнования уже закончились, – но в компании приятелей в нем просыпался сильнейший инстинкт самосохранения.

Спотыкаясь, Джеймс вышел на балкон глотнуть воздуха. Ночь была тихой, поэтому, несмотря на открытые окна, в комнате висел густой табачный дым и пахло несвежим дыханием, пропитанным шампанским и пивом. Джордж, пригнувшись к кофейному столику, заставленному бокалами и пустыми пивными бутылками, втягивал дорожку кокаина. В уборной блевал Кассиус – толстое брюхо свесилось над поясом брюк. Джеймса охватило отвращение. Теперь, когда пребывание в Оксфорде подошло к концу, они с Томом должны дистанцироваться от этой братии, и не только из соображений простой безопасности, но и из уважения к себе.

На противоположной стороне комнаты послышался стук и скрежет – Достопочтенный Алек сполз с крыши на балкон, торжествующе помахивая полиэтиленовым пакетиком с порошком. Рядом ездивший в Лондон за заначкой и немного опоздавший Том попытался смеяться, но у него выходило принужденно: он бы предпочел, чтобы Алек немедленно унес порошок обратно. Распущенный, неумный Алек под кайфом был непредсказуем: он мог высыпать химический «снежок» во двор, возбужденно хохоча и рискуя выдать всех причастных. Сейчас, перед вручением дипломов, нет никакой необходимости оповещать руководство колледжа о запрещенных веществах в его комнате.

Алек что-то лопотал и не спешил выбрасывать пакетик.

– Парень, да ты гений. – Он обнял Тома за плечи. – Давай, давай скорей пробовать. – Зрачки у него были огромные и тусклые, как сливы.

Неизвестно, что он принял, но, судя по всему, принял слишком много.

У Джеймса шевельнулось скверное предчувствие: вот-вот начнется что-то новое и потенциально опасное. Он пригляделся к пакетику, свисавшему из пальцев Алека, как использованный презерватив, заметил сочетание любопытства и опаски на лице Тома.

Алек нервно дергался – от него так и било нервным возбуждением.

– Прия-атель, это будет круто!

Том, сосредоточившись, кивнул и достал из спортивной сумки сверток фольги и пластмассовую соломинку.

– Зажигалка есть?

Алек помахал слегка потускневшей серебряной зажигалкой, доставшейся ему от деда, и нажал на кнопку. На мгновение в воздух взвился оранжевый султан.

По спине Джеймса побежали мурашки.

– Это то, что я думаю?

Том пожал плечами.

– Это герыч, что ли?!

Лучший друг кивнул.

– Не волнуйся, товар лучшего качества. Я на прошлой неделе его с Тинном пробовал...

– Ты доверяешь этому придурку?!

– Да брось, Джеймс, он свой парень...

– Он же нарик! – Джеймс отступил, не в силах скрыть презрение.

Сдав последний экзамен, Том вдруг принялся рьяно отмечать это с Чарли Тинном, богатеньким бездельником, окончившим Оксфорд годом раньше. Фамилия ему подходила как нельзя больше^[11]. Том был страшно горд, что попробовал с Тинном героин в прошлые выходные, но Джеймс видел только неестественное возбуждение Чарли и его вертящую дерганость. Джеймсу хотелось встряхнуть Тома, заставить его пробежаться вдоль реки или отжиматься, пока голова не закружится от напряжения. От тонких как спички рук и ног Чарли Тинна, от его прозрачного бледного лица ему становилось противно.

Он обернулся к балкону, где Том раскладывал героин на оторванной фольге – благоговейно, словно викарый во время святого причастия.

– Да что ж это за... – Джеймс напряженно думал. Нельзя допустить, чтобы Том превратился в такого же Чарли, чтобы старый друг, с которым они бегали кроссы, стал жалким параноиком. К тому же это поставит под удар всю его политическую карьеру!

– А-астынь, Джеймс! Па-аследняя вечеринка, э? – беззаботно протянул

Алек, имитируя акцент кокни, и подмигнул, когда Том поднес огонек зажигалки к фольге. Порошок начал плавиться, превращаясь в коричневую жидкость. – Вот это дело! – Как всегда жадный до новых ощущений, Алек схватил соломинку и вдохнул. – А-а-а-а... чува-а-ак... – Лицо у него стало, как после оргазма – по нему разлилось невероятное облегчение.

Это подстегнуло Тома, который тут же схватил соломинку и тоже вдохнул.

– Ух... че-о-о-орт! – Его голос стал ниже, протяжнее. Руки на краю балкона обмякли, граница между кожей и камнем почти исчезла.

Джеймс мгновенно протрезвел. Он вытащил соломинку из руки Тома, закрутил пакет с оставшимся порошком и побежал в туалет. Кассиус полулежал на бачке, закрывая своей тушей унитаз. Джеймс с размаху отвесил ему пинка.

– Что за ...!

Джеймс еле удержался от второго пинка.

– Ты чего?

– Заткнись! – свирепо огрызнулся Джеймс, высыпал порошок в унитаз и нажал на слив. Порошок затянуло водоворотом и смыло, но комок полиэтилена плавал и не тонул. Джеймс начал отрывать и комкать туалетную бумагу, пихая ее в унитаз и нажимая на слив.

– Ты чего, Джеймс, ну ты чего, а?

– Заткнись! – Он сжал ручку слива так, что пальцы побелели, и даже затаил дыхание, боясь отодвинуться, чтобы Кассиус не увидел, что он делает. – Черт возьми, – выдохнул он, следя, как подхваченный потоком полиэтиленовый комок устремился в канализационную трубу.

Том. Нужно срочно заняться Томом. Джеймс выбежал на балкон мимо Джорджа и Ника, которые, развалясь, сидели на потертом кожаном диване в густом дымном ореоле.

– Джеймс? – вяло встрепнулся Ник.

– Выпей, друг. – Джордж протянул ему свой бокал. – Или вот кокаину нюхни... Давай, чувак! – Он вскочил и обхватил Джеймса тощей жилистой рукой.

– Не сейчас, Джордж. – Высвободиться из его хватки было несложно, но Джеймс сделал это элегантно, не давая волю гневу.

– Джеймс! – возмутился обиженный Джордж, но Джеймс решительно прошел на балкон. Ему нет дела до этих лузеров, важен лишь Том, его лучший друг в последние вот уже десять лет, сидевший сейчас с идиотской блаженной улыбкой.

– Том, иди-ка сюда, приятель. – Джеймс готов был схватить обмякшего

Тома за плечи и трясти, как грушу. – Пора, пора идти, парень. Тебе это не нужно, тебе не нужен чертов героин. – Он перешел на шепот. Потом схватил Тома за щеки и уставился ему в глаза, силясь взглядом привести в чувство. Он не повышал голос, хотя его трясло от ярости и глубокой жалости, забурливших и взорвавшихся холодным, зловещим шепотом: – Герыч и кокаин – разные вещи, ты, идиот!

– Что-о-о? – протянул Том. Выражение его лица было мягким, щеки разгорелись. – Я люблю тебя...

– Ладно, ладно, давай-ка уберемся отсюда прямо сейчас, ясно? – Злость придала Джеймсу сил: он приподнял Тома и взвалил на себя все его восемьдесят килограммов. – Ты не хочешь быть таким, как он. – Он кивнул на Достопочтенного Алека, которого совсем развезло у края балкона. – Стоп, а ему не много?

– А-а-а?

– Лучше и это забрать, чтобы он догоняться не полез. Так, на всякий случай. – Джеймс скомкал обожженную фольгу и сунул поглубже в карман. Пальцы обожгло жаром неостывшего листа. От этого прикосновения Джеймс показался себя грязным. – Пойдем, а ну, пошли! – Он забросил руку Тома себе на плечо и потащил друга к двери.

– Не-е-е, я... здесь останусь... – Ноги Тома волочились по полу.

– Обойдешься! – От гнева Джеймс был как натянутая струна. – Я тебя здесь не оставляю, ты не какой-нибудь вонючий торчок!

В глазах Тома наконец мелькнуло что-то похожее на понимание.

– Ладно...

– Да идем же отсюда на фиг! – Джеймс не мог объяснить, отчего ему вдруг так захотелось уйти, но желание было непреодолимым. Такой прилив адреналина он иногда ощущал на старте гонки. Его лучший друг не ускользнет от него, безвольно поддавшись тому, что высосет из него здоровье или вообще уничтожит. Наркотик – это неуправляемая неизвестность, которая, как понимал Джеймс, способна быстро поработить Тома – или стать грязным секретом, который будет разлагаться и заражать все вокруг.

Джеймс тащил Тома к дверям, шепча слова ободрения и утешаясь тем, что Том, вялый от наркотика, все-таки позволял себя вести, тяжело навалившись на него.

– Мы сейчас уйдем, Алек ничего не скажет, а другие и не заметят.

– Голова кружится...

– А, ну да, от этого и не такое бывает. – Он провел Тома мимо остальных, ощущая предательский комок фольги, царапавший его ногу

через карман.

– Мы отчалили! – крикнул Джеймс в обшитые дубом комнаты, где Ник и Джордж втягивали очередные дорожки кокаина. – Пойдем разбудим Соф. Том со мной.

Их проводили буйным ревом:

– Повезло девчонке!

– А она с двумя справится?

– А третьего ей не надо? – выдал Джордж.

– Все, пока. – Джеймс, не поддаваясь на провокации, почти выпихнул Тома на лестницу. Дубовая дверь скрипнула, словно вздохнув с облегчением.

И они ушли – Джеймс практически нес Тома три лестничных марша, поддерживая на вытертых ступенях, когда голова у того кружилась особенно сильно. Во дворе Том перегнулся через живую изгородь, и его бурно вырвало.

– Лучше?

– Жарко. – У него горели щеки. – И голова кружится.

– Знаешь, пойдем отсюда подальше.

Они побрели через двор ко вторым воротам. Джеймс вел приятеля, требуя, чтобы Том пошевеливался. Время было позднее, навстречу им никто не попался. Выходя с территории колледжа Медоуз, они оглянулись на корпус, ища глазами комнату Алека. Окна были по-прежнему широко распахнуты, а на балконе фигура в кремовой шелковой рубашке и расстегнутом жилете подставила лицо луне. На лице было написано блаженство.

– Что за идиот! Небось возомнил, что умеет летать! – Джеймс покачал головой и пошел вперед, с усилием таща за собой Тома. И лишь в воротах у него мелькнула страшная мысль.

Сзади послышался жуткий крик, полный безумного веселья. Он продлился лишь долю секунды – за ним последовал тяжелый глухой удар тела о гравий. С крыши поползла, звонко стукаясь о землю, черепица.

– Черт! Бежим! – Инстинкт не подвел его. Внутри у Джеймса все превратилось в лед, и он кинулся бежать.

– А Алек? – заикаясь, выговорил очнувшийся от ступора Том.

– Беги, придурок! – Джеймс схватил его за запястье и с силой сжал, вдавливая пальцы в мягкую плоть.

– Так ведь Алек...

– Беги, черт тебя возьми! – Джеймс дернул Тома за собой, и они выскочили в ворота и побежали по Хай-стрит, по пыльной мостовой, сразу

протрезвев. Многолетний опыт кроссов по пересеченной местности позволял им стремительно удаляться от Медоуз.

– Но Алек... Слушай, ему же «Скорую» надо вызвать, – блеял Том.

– Нельзя! Ты сам дал ему герыча, идиот!

– Блин! – До Тома начинала доходить чудовищность случившегося. Рот у него сжался и искривился от распиравших его эмоций.

– Черт, у меня фольга. – Джеймс показал на карман. – Ах ты ж...

– Надо выбросить. – Лицо Тома стало жестким: инстинкт самосохранения быстро вытеснял сочувствие. – В начале Брасенос-лейн.

Они свернули налево и добежали городской урны, где засунули комок фольги под пустые картонки из «Макдоналдса», обертки от шоколада, банки «Карлсберга» и банановые шкурки.

Рубикон был перейден. Том с безжалостностью, которую Джеймс увидит вновь, когда приятель, перепрыгнув через головы других, окажется в парламенте, а затем, ловко маневрируя, станет одним из руководителей консервативной партии, отложив на время угрызения совести, резво неся к своему колледжу. Джеймс бежал за ним с бешено бьющимся сердцем и наползающей на глаза чернотой.

У двери в свою комнату Том согнулся пополам.

– Может, все же вызовем «Скорую»? – спросил он, задыхаясь.

– Другие вызовут. Или охрана.

– Точно? – Том дышал неровно, готовый вот-вот разрыдаться.

– Он все равно не выживет.

– Черт! – Лицо Тома сморщилось. – Черт, черт, черт...

– Слушай, ты сейчас поспи. Я утром приду. – Джеймса трясло – сказывались выброс адреналина и животный страх.

Они с Томом коротко обнялись, и Джеймс хлопнул приятеля по спине.

– Я перед тобой в долгу, – сказал Том.

– Брось. Нас там не было, мы ничего не видели.

– Не были, не видели, – повторил Том. Если говорить это достаточно убедительно, может, им и поверят.

– Я приду с самого утра.

Том опустил голову.

– Кодекс чести «либертенов», – пробормотал он.

Джеймс поморщился. Да, на это, блин, вся надежда.

– Я ни словом не проговорюсь.

В Шрусбери, лежа в объятиях Софи, он почувствовал себя в безопасности. Наутро пришла полиция, но Джеймс объяснил, что они с

Томом сразу ушли со злосчастной вечеринки, когда стало ясно, что парни разбуянились. У него прелестная подружка, он предпочел провести ночь с ней, если детективы его понимают... Нет, наркотиков они не видели, правда, они ушли довольно рано. Героин?! Боже упаси! Алек, при всей своей распушенности, наркоманом не был, это не про него. Трагическая случайность... Нет, имен дилеров они не знают. Джеймс, боясь сорваться и нагрубить недоверчивым детективам, говорил тихо и печально. Много лет спустя он назовет свою тогдашнюю мину «сочувственным лицом консерватизма».

Руководство колледжа подтвердило алиби своих выпускников и дало им хорошие характеристики. Джеймс входил в состав гребной команды колледжа, дисциплинированный, сознательный спортсмен. Член обеденного клуба, да, но если бы он пил, то никогда не стал бы чемпионом. У парня огромная самодисциплина, к тому же он собирается в политику и вряд ли стал бы пачкаться, связавшись с наркотиками. Том? Блестящий ум, окончил университет с одним из самых высоких баллов – вот, проверьте результаты. Два молодых человека с прекрасным будущим, гордость колледжа и, как считали, всего Оксфорда.

Так Джеймс и Том выбрались сухими из воды. Они все ждали, когда кто-нибудь брякнет – это Том принес героин в комнату Алека, но либо «либертены» действительно чтит омерту, либо оставшиеся накачались до того, что ничего не помнили. Действо с фольгой на балконе длилось недолго – Джеймс сразу унес пакет с порошком в туалет.

Полицейские, позже предъявившие Джорджу Фортескью обвинение в хранении кокаина, не нашли ничего, что можно было бы инкриминировать Тому и Джеймсу, и вынуждены были поверить в непричастность к трагедии студентов с такой безупречной репутацией. Вежливые, смирные, они явно тяжело переживали случившееся, а один из них был еще и будущим крупным политиком – в нем ощущались задатки лидера.

Поблагодарив за уделенное им время, детективы взялись за тех, кто находился в комнате, когда Достопочтенный Алек Фишер, всеми любимый студент с географического факультета, шедший на диплом с отличием третьей степени, игрок в крикет, виолончелист, любимый сын и брат, трагически погиб.

Глава 34

Софи

3 октября 2017 года

Свинцово-серые волны облизывали гальку, отступая, и вновь набрасывались на берег Суссекса. Убаюканная мерным ритмом моря, Софи засмотрелась на прибой, представив, что волны омывают ее, донимаемую мыслями, от которых болела голова и ныло сердце.

Приехав в Брайтон в этот раз, она старалась почаще бывать одна. Набережная была переполнена делегатами и любовниками, поэтому ей приходилось уходить в Хоув и отыскивать скамью, где можно было посидеть и подумать. Она не плакала, помня о прохожих, которые с любопытством поглядывали на нее, привлеченные видом хмурой женщины, смотревшей на море или подчеркнуто опускавшей глаза, избегая контакта.

Сидя в одиночестве, она думала об Алеке – не как о мажоре и кокаишке, но как о чьем-то сыне, брате и, что бы там ни заявляли «либертенны» после трагедии, об их товарище. Она помнила фотографии с его похорон, появившиеся во всех газетах: отец, ссутулившийся под бременем горя, мать, сразу постаревшая, с глазами, походившими на серые озера боли на неподвижном, как маска, лице.

Она помнила Джеймса наутро после смерти Алека: красные, как у кролика, глаза, предчувствие кризиса, незащитность. Погибшего она лично не знала, поэтому переживала за Джеймса. Софи очень боялась, что его арестуют, и убедила себя, что он любящий, верный и почти благородный – высыпал героин в унитаз, чтобы уберечь приятелей, и увел Тома. Софи долгое время не было известно, что Джеймс с Томом видели, как Алек упал с балкона (она до сих пор сомневалась, что знает эту историю до конца), но она о многом догадывалась и понимала, насколько Том обязан Джеймсу. Услышав последний, леденящий душу акт трагедии, она перестала считать поведение Джеймса благородным. А если там и была дружеская преданность, пусть и извращенная, Софи не сомневалась, что свою роль сыграл и сильно развитый у мужа инстинкт самосохранения, а также его склонность не задумываясь придавать правде нужную форму.

Она сидела на берегу и думала – серьезно, не отмахиваясь от приходивших в голову мыслей. Анализировала, почему намекнула Крису

Кларку на тайну, которую Джеймс не раскроет, по крайней мере пока работает на Тома, и благодаря которой теперь пользуется неограниченной властью. Может, ее вывело из себя присутствие Стивенса или сказала предельная усталость от священной веры Тома и Джеймса в свою неприкосновенность? Блэра за политическую живучесть называли Тефлоновым Тони, но эти двое возомнили, что принадлежат к самой высшей лиге.

С сухими глазами Софи вернулась в отель, где проходила конференция. Без четверти девять фуршеты уже выдыхаются или продолжаются в баре для тех, кто опоздал на обед. Но прием для консерваторов нетрадиционной ориентации был в самом разгаре: воздух густел от сладкого уксусного запаха чипсов и паров алкоголя. Софи готова была уйти и позвонить Джеймсу из номера, но вдруг заметила его в толпе, и сердце ее забилось чаще. Раньше она считала это любовным трепетом при виде мужа, но сейчас чувствовала лишь узнавание, и больше ничего. Джеймс ее не видел – где уж ему, он занят – обходит зал.

Надо отдать мужу должное, он справлялся с этим мастерски. Вот он заговорил с какой-то молодой женщиной, чуть наклонив голову, будто важнее собеседницы для него сейчас нет никого на свете. Его взгляд устремлен в ее лицо, пальцы легко касаются ее локтя, что-то волнующее сквозит в улыбке – и вот уже кандидатка в парламент от Северного Саттона, залившись румянцем, позабыла профессиональную бдительность, хотя не могла не знать о репутации Джеймса Уайтхауса (его же судили за изнасилование, черт бы все побрал!), и начала вести себя как молодая женщина, которой льстит внимание красивого мужчины.

Софи не могла оторвать глаз от мужа, который обеими руками держал маленькую ручку собеседницы и смотрел ей в лицо с особенной теплотой. Софи знала, каково нежиться в этой улыбке, уступать этому взгляду, который откровенно, без стеснения говорит: «Вы очень красивая!», намекая, что в иной ситуации секс был бы более чем возможен, причем весьма качественный секс.

И этот взгляд, в котором угадывалась крошечная доля предательства, заставил Софи осознать, что она никогда больше не сможет доверять своему мужу. Колодец благожелательности и преданности верной жены столько раз за эти годы был вычерпан до дна, что окончательно пересох. Она никогда не ощутит к нему прежней любви, все кончено. Возврата нет. Она дошла до точки.

Осознание пришло с абсолютной ясностью. Гнева не было – по крайней мере, в ту минуту, – было лишь странное бесчувствие. В том, что

касается женщин, признания истины, способности не пасовать перед прошлым и проявить настоящую принципиальность, Джеймс никогда не изменится.

Софи верила в духовное перерождение и очень старалась думать о муже как можно лучше. Она не уходила от него, надеясь на обращение в духе Дамаскина: может, он вдруг поймет, что его версия событий не соответствует истине? Но при всем своем оптимизме Софи отнюдь не была душой. Она снова взглянула на мужа, заметила, как светится его лицо, сделавшееся на десять лет моложе, и тут увидела, как он незаметно огляделся по сторонам, проверяя, не следит ли за ним кто-нибудь, после чем вновь сосредоточился на собеседнице.

После этого Софи ушла с приема, оставив мужа среди толчеи и всеобщего подхалимства. Он ей позвонит, но всего один раз, ведь он уверен: жена – это надежный порт в любой шторм, это тело, которое можно обнять ночью в кровати после легкого флирта на стороне. В Софи рос гнев, набухая в горле и грозя задушить. Так и задохнуться недолго. Дыши глубоко, приказала она себе, успокойся, все тщательно обдумай. Не поступай импульсивно.

Она уйдет от Джеймса, это решено. Поднявшись в номер, Софи достала визитную карточку, спрятанную в сумке между скидочной картой «Джон Льюис» и черной картой «Коутс». Визитка Роба Филиппа была ободряюще солидной и дорогой на вид: визитная карточка человека, который способен ей помочь. Она провела пальцем по гладкой кремовой поверхности с водяными знаками, читая выпуклые строки, как шрифт Брайля, способный дать ответы на все вопросы в ее теперешнем состоянии слепоты. Прекрасно понимая, что муж не изменится, Софи тем не менее не знала, как строить свое будущее, не представляла, какие у нее возможности, и понимала лишь, что идти к цели надо крошечными шажками.

Воспоминание о том, как Эмили крепко обнимает папу, будто стараясь удержать его силой своей любви, мелькнуло перед ее глазами. Тут же ей вспомнился и Финн – внешне копия Джеймса, но с другим характером, несомненно, ее сын. Софи представила, как обнимает Финна: ее щека прижимается к его щеке, память о его младенчестве – словно призрачный шепот. Ее вдруг пронзило острое чувство вины: какую боль она причинит своим детям, когда позвонит по этому номеру и начнет процесс отделения их от отца! Но она тут же подумала о своей нынешней полужизни, о непрерывной эмоциональной боли...

Она легла на кровать, застеленную тяжелым одеялом, создававшим

иллюзию пышности и роскоши, но скользким и постоянно сползавшим. Подушка в наволочке из египетского хлопка казалась приятно тяжелой. Теперь ситуация показалась ей немного более ясной. Ее брак мертв, и хотя Софи сомневалась, что развод станет спокойным процессом сознательного разъединения, она знала, что с детьми Джеймс поступит как порядочный человек. Он все же не мерзавец.

Но в остальном... Она думала о циничном признании им факта своего лжесвидетельства в уверенности, что жена сохранит его тайну. Думала о его надменности – слова мужа крутились у нее в голове ночи напролет:

– Я рассказал все достаточно близко к правде. Или правду, какой я ее вижу!

– Это же лжесвидетельство!

Софи вновь ощутила прежний ужас. Она хорошо помнила, как Джеймс пожал плечами и с издевкой спросил:

– И что ты сделаешь?

Действительно, что же ей теперь делать? Софи подумала о женщине-детективе, которую она увидела у здания суда: ответственная и честная на вид, лет тридцати с небольшим. Офицер Райдон – Джеймс упомянул ее имя. В ушах у нее застучало: как отреагировала бы Райдон на звонок Софи?

Но она понимала: еще одного суда ей не вынести. Да и мотив вызовет сомнения – типичное поведение отвергнутой женщины. К тому же Софи не хотелось так поступать из-за детей, пусть даже правда на ее стороне и надо поддержать Оливию Литтон, несчастную женщину, которой не поверили...

Софи тут же подумала о Крисе Кларке. Можно позвонить ему и посвятить в подробности – тогда политические амбиции Джеймса будут окончательно похоронены: он навсегда останется заднескамеечником, разве что поднимется до уровня председателя парламентского комитета, но не получит никакой реальной власти. Это не жажда мести, просто мысль о Джеймсе и Томе, нагло попирающих правду, выводила Софи из себя. Позолота на бывших золотых мальчиках порядком поистерлась и потускнела.

Ее дыхание участилось – боже, какой риск! Можно позвонить Джиму Стивенсу или хотя бы однокурснику Джеймса Марку Фицуильяму, который сейчас работает в «Таймс». И хотя Софи понимала, что прямо сейчас (а может, еще много лет) она ничего подобного делать не станет, от самой этой возможности она почувствовала себя сильнее, не такой беспомощной и одинокой.

– Проблема с женщинами в том, что у них не хватает мужества

отстоять свои убеждения, – подтрунивал Джеймс над своими коллегами-женщинами и над самой Софи, когда ей случалось мучиться над каким-то решением. Она знала: он шутит лишь наполовину. Его уверенность в себе всегда была сильнее, чем у нее.

Но тут же она подумала о женщинах, которые проявили смелость и силу духа: Оливия дала показания в суде, и самое болезненное из пережитого ею разбиралось по крупицам и ставилось под сомнение. Она сделала это, рискуя, что ложь Джеймса окажется убедительнее ее правды. Китти Леджер, стойкая, непреклонная, всегда готовая прийти на помощь, выполнила свой долг, хотя это было нелегко. Даже Эли Джессоп со своей преданностью Холли тигрицей бросилась на защиту подруги, узнав ее тайну. Возможно, своими произнесенными спяну словами она неуклюже хотела помочь и ей, Софи?

Софи свернулась клубочком, глядя на пылинки, танцевавшие в луче света, и заставила себя думать о Холли, прилежной, наивной, мягкой, несмотря на внешнюю неприступность, а перед самым исчезновением – болезненно замкнутой, ставшей почти отшельницей. Эли сказала, что Холли теперь адвокат. Воплощение уверенной в себе, настойчивой женщины. Софи вспомнилась Кэти Вудкрофт, как она давила на Джеймса, провоцируя у того вспышку раздражения, – такой твердости характера не занимать.

Софи играла с цепочкой на шее, трогала ключицы и ребра, ощущая свою хрупкость. Затем она представила себе мышечный слой, который становится все плотнее и сильнее, окутывая тело крепким объятием. Вот она в лодке на Темзе – гребет, напрягая в едином движении стопы, ноги, ягодичные мышцы, спину и руки. Молодое, прекрасное тело радуется нагрузке и словно поет от счастья, когда нос лодки разрезает воду, а за веслами по водной глади тянется треугольный след.

– Проблема с женщинами в том, что они не знают, чего хотят, – втолковывал Тому Джеймс, и они смеялись, как старшеклассники. Но Софи медленно, дюйм за дюймом приближалась к осознанию того, чего ей хочется.

Она спустила ноги с кровати и села прямо, чинно сжав колени и положив сверху телефон: поза, говорящая о том, что она собирается с силами и настроена решительно. Тонким пальцем Софи коснулась экрана.

Глава 35

Кейт

7 декабря 2018 года

Парик на письменном столе, куда я его швырнула, напоминает выброшенную на берег медузу. Туфли лежат одна на другой там, где я их сбросила. Начало декабря. Конец очень длинной недели.

За окном на небе настоящий взрыв красок: зеленовато-голубой, сияющий оранжевый, почти флуоресцентный розовый. Воздух свеж от надвигающегося мороза: тем, кто ночует в картонных коробках, сегодня будет холодно. Я думаю о девушке, которая исчезла прошлой зимой: надеюсь, она каким-то образом, несмотря ни на что, все же устроила свою жизнь.

Лестница гудит от топота ног: все торопятся в бар перед первыми рождественскими вечеринками. Может, присоединиться к молодым сотрудникам? Неделя прошла продуктивно – в деле о незаконной перевозке людей есть безусловные подвижки. Я, конечно, поддерживаю обвинение. Шестьдесят афганских мигрантов в возрасте от двух до шестидесяти восьми лет пытались нелегально проникнуть в страну в грузовом контейнере через порт Тилбери. Каждый из пяти обвиняемых нанял собственного адвоката, отсюда тонны исков и встречных исков и всякая канитель. Но мне даже нравится работать над делом о злоупотреблении властью и эксплуатации, не связанных с сексуальным насилием.

На следующей неделе у меня заключительное выступление. Я опускаю взгляд на свою речь, которую написала, когда получила документы по делу, и переработала на этой неделе – добавила важные детали, выжав их из обвиняемых в ходе перекрестного допроса. Я правила текст, пока в нем не осталось ни одного лишнего слова, и выучила практически наизусть – можно не повторять.

К тому же сегодня пятница, есть и другие занятия. Завтра у меня «свидание» – при этой мысли я морщусь. Все устроила Эли: Роб Филиппс, юрист, окончивший наш колледж, они с Эли виделись в прошлом году на встрече выпускников. Разведен, двое детей. Внутренний голос подсказывал мне твердо отказаться – я не желаю напоминаний об Оксфорде. К тому же у этого Роба многовато «багажа». Но с другой стороны, у кого его нет, этого багажа... Я наконец начала избавляться от своего – после процесса над

Уайтхаусом обратилась за помощью к психологу. Выговориться оказалось полезно: меня реже охватывают воспоминания, и я учусь противостоять ненависти к себе, хотя это мне по-прежнему дается нелегко.

После оправдательного вердикта многое изменилось. Я отошла от дел, связанных с сексуальным насилием, и занялась более стандартными случаями, хотя это тоже серьезные процессы с участием сильных мира сего. Взять хоть этот эпизод нелегальной иммиграции или суд, который скоро начнется над бандой, орудовавшей в провинциальных музеях и похищавшей произведения искусства на заказ (украдено на сорок миллионов фунтов китайского нефрита и фарфора). Число разбирательств, связанных с преступлениями на сексуальной почве, не уменьшается, поток резонансных дел с каждым днем становится полноводнее, расплескавшись от индустрии развлечений до футбола и прочих видов спорта. Иногда меня посещает искушение вернуться к работе над подобными делами, особенно когда я думаю о жертвах, которые в суде во второй раз подвергаются унижению и ощущают на себе недоверие, но во мне просыпается инстинкт самосохранения. Рано или поздно я вернусь к ним, но ежедневный рацион из подобных историй мне больше не переварить. Сейчас – нет. Пока нет.

Я откидываюсь на спинку кресла и сосредоточенно потягиваюсь, наслаждаясь обжигающим ощущением, распространяющимся до кончиков пальцев рук и ног. Прошло уже два года с тех пор, как Брайан подал мне документы по делу Уайтхауса, невольно сорвав струп с раны, которая, как я себя убеждала, давно затянулась. Уже больше девятнадцати месяцев минуло с тех пор, как Джеймс Уайтхаус сел на скамью подсудимых в Олд-Бейли и был оправдан.

Пора двигаться дальше, как делают другие – и не в последнюю очередь Софи, чью просьбу о «быстром» разводе удовлетворили в марте на основании «неприемлемого поведения» супруга. Эта новость дала газетам возможность разворошить прошлое и намекнуть на выходы «либертенов», однако и это не нанесло Уайтхаусу заметного ущерба. Он снова в правительстве – заместитель министра в департаменте транспорта, отвечает за безопасность на железных дорогах и развитие строительства. Чрезвычайно скучная, пусть и полезная, должность, отнюдь не синекура, но там Уайтхаус заработает необходимые баллы и пролезет обратно в верха. Готова поспорить на сотню фунтов, что он получит повышение во время очередной перестановки в министерстве. Эта мысль вызывает у меня горечь, как и недавняя фотография Уайтхауса с премьер-министром, на которой они выглядят так, словно обменялись шуткой, понятной лишь им двоим. Стало быть, Уайтхаус полностью реабилитирован, его карьера

восстановлена, и дружба не замедлила разгореться вновь, если вообще затухала.

Уайтхаус уже обзавелся новой подружкой, гораздо моложе его бывшей жены, – она юрист из Сити, двадцати с чем-то лет. На фотографии, сделанной во время бракоразводного процесса, она шагает по Треднидл-стрит с опущенной головой – лицо ее закрывает густая прядь выпрямленных темных волос. Я ожидала увидеть кого-то попроще и недоумевала, как такая умная женщина могла связаться с мужчиной, ранее обвинявшимся в изнасиловании и оправданном только благодаря своему неотразимому очарованию? Нет дыма без огня? Только не в случае Джеймса Уайтхауса!

В животе у меня заурчало, и я отпила диетической колы. Еще одна перемена: я перестала налегать на алкоголь, и сейчас мой холодильник забит едой. От белого вина я не отказалась, просто начала есть и уже перестала быть костлявой, приблизившись к определению «стройная».

Жизнь течет ровнее, и если кажется, что я по-прежнему одержима желанием отомстить Уайтхаусу, поверьте, это не так. Проходят дни и даже недели, а я ни разу не вспоминаю о нем. Правда, меня по-прежнему корбит оправдательный вердикт, вынесенный словно в издевку надо мной. Несмотря на скромную должность Уайтхауса, его имя мелькает в газетах, и я вспоминаю о нем (и о своем профессиональном поражении) всякий раз, когда вхожу в Олд-Бейли. Это примечание к моей подростковой мании, малозначительный контрапункт – очень тихий, но все же различимый. Если в моем присутствии упоминают Уайтхауса или что-то с ним связанное, я всегда это слышу.

Я сидела, занятая своими мыслями, когда в дверь постучал Брайан. Резкий характерный тук-тук-тук – значит, он по делу.

– Войдите. – Я встретила его улыбкой, радуясь возможности отвлечься от тягостных размышлений. – Принесли что-нибудь интересное?

Уши его порозовели, а губы таили усмешку, будто Брайан старался не выдать секрет. В руках его не было рабочих документов, только свежий номер «Кроникл», ежедневной лондонской газеты.

– Что там? – В его глазах я заметила искорку, и мне не терпелось узнать причину. Брайан опустил взгляд, наслаждаясь моментом славы.

– Старина Джим Стивенс времени не теряет. – И Брайан присвистнул тонкими губами.

Я совсем забыла, что он знаком со Стивенсом еще с тех времен, когда Флит-стрит называли не только улицей, но и всю английскую прессу: издательства тянулись до самого Королевского суда Лондона, и газетчики

работали буквально в двух шагах от здания, в котором сейчас находимся мы и другие адвокатские корпорации.

– Ох и волну же он поднял...

– А ну, дайте сюда. – Я нетерпеливо протянула руку.

Брайан проворно отступил на два шага, словно танцуя джигу, и лишь затем отдал мне газету с широкой улыбкой – ему это было позволительно, ведь мы вместе работаем уже больше двадцати лет.

– Ну как, интересно?

Я знаю, что он смотрит на меня, ожидая моей реакции, но не могу оторваться от статьи: мое внимание привлек заголовок на первой полосе. Вокруг все будто замерло: такие моменты способны изменить судьбу. Так было, когда я получила письмо о зачислении в Оксфорд. Или в тот вечер в открытой галерее, когда моя спина терлась о неровные камни, а его шепот громом отдавался в моих ушах.

«ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ДОПРАШИВАЮТ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ В ОКСФОРДЕ», – кричал заголовок, а ниже помещалась фотография премьера с мрачным лицом и косящими глазами. «Полиция долины Темзы вновь занялась расследованием гибели в 1993 году приятеля премьер-министра, употреблявшего наркотики», – говорилось в первом абзаце. Я прочитала второй, и сердце мое гулко забилося: «Министр Джеймс Уайтхаус также будет допрошен в связи со смертью молодого представителя высшего общества». Кровь прилила к голове, зашумела в ушах, но я машинально фиксировала в памяти детали, выхватывая из текста ключевые слова: гибель, наркотики, эксклюзивный клуб любителей выпить, оргии, «либертены» – и дату, начало июня 1993 года.

Это тот самый день, когда он меня изнасиловал, – пятое июня. Смерть Достопочтенного Алека Фишера случилась в тот самый летний вечер, когда Джеймс столкнулся со мной под сводами открытой галереи. Я помню, что он был одет в клубный костюм «либертенов», который я находила весьма эффектным: кремовая шелковая рубашка с шейным платком, узкий жилет и брюки, в которые он заправил что полагается, после чего застегнул молнию, пряча доказательство случившегося. Я тогда еще подумала, что он наверняка возвращается с вечеринки, потому что от него пахло виски и немного «Мальборо лайтс». И мне отчетливо запомнилось, что он очень нервничал. Зрачки у него были как пуговицы – но не от кокаина, а от адреналина: Уайтхаус буквально летел по двору, а избыток энергии, безрассудство и острая потребность в физической разрядке означали, видимо, не только то, что он хотел секса и не задумывался о том, как и с кем его получить, – но и реакцию на другое, не менее сильное чувство. Это

была реакция на огромный страх.

Смерть, секс, насилие – все это сошлось той ночью. Я издала странный звук – нечто среднее между глотанием и кашлем – и притворилась, что хочу прочистить горло, надеясь обмануть Брайана. Я отпила еще колы, ожесточенно думая. Потом запрокинула голову, пряча выступившие слезы.

– Вы в порядке, мисс? – Помощник присел на корточки рядом со мной, по-отечески обеспокоенный, и вглядывался мне в лицо, наверняка заметив слезы, блестевшие на ресницах. Насколько хорошо он меня знает? О чем он уже догадался? При нем я сделала карьеру от стажера до адвоката, при нем сформировалась как барристер и как женщина. Брайан даже видел меня плачущей – совсем, можно сказать, недавно, вскоре после оправдания Джеймса Уайтхауса, когда я думала, что все уже ушли из конторы.

– Вполне, – подтвердила я твердым тоном, который никого не обманул. – Новость и в самом деле невероятная. – Я кашлянула. – Но Стивенс должен быть абсолютно уверен в своем источнике.

– Такое не затевают, не убедившись, что это правда, мисс.

– А что там на Би-би-си? – Я повернула ноутбук, надеясь хоть немного отвлечь Брайана, и открыла последние новости. В голове настойчиво билась мысль: неужели это начало конца непостижимого везения Джеймса Уайтхауса?

– О, они только об этом и говорят, – сказал Брайан.

На секунду я растерялась, не зная, выдержу ли ежедневные упоминания о бесчинствах Джеймса и его оксфордских дружков, но тут же во мне начал расти воздушный пузырек надежды, крепнувшая с каждой секундой странная уверенность, что я смогу с этим справиться, какие бы грязные подробности ни всплыли. Потому что Джим Стивенс и его коллеги не успокоятся, пока не докопаются до сути, а я всегда на стороне истины, а не на стороне победителей. И если откроется неприглядная правда и Джеймс Уайтхаус наконец-то впадет в немилость, тогда и моя честь будет восстановлена, и я, как бы иррационально это ни прозвучало, перестану винить себя в том, что произошло.

Брайан все говорит, и во мне усиливается эта вера, и я замечаю, что голос моего помощника, мягкий, но с едва заметной гнусавостью кокни, меняется. Привычные оживленно-легкомысленные интонации исчезли, и тон стал настолько неожиданно нежен, что я перестаю просматривать новости Би-би-си и жду, что еще он скажет.

Брайан внимательно смотрит на меня, словно зная, что я жажду услышать. И хоть мне известно, что закон не всегда наказывает виновных, что умелый барристер способен выиграть дело, даже если все

свидетельствует против его клиента, что адвокатское искусство состоит в том, чтобы быть убедительнее оппонента, я знаю еще и то, что суд общественности руководствуется иными соображениями. Если сомнительных поступков несколько, в совпадение никто не поверит, а если приговор общественного мнения произносить достаточно громко и часто, можно сломать негодяю жизнь.

Я думаю об этом, пока Брайан продолжает говорить. Его слова словно обволакивают мою веру, пока она не оказывается надежно упакованной и не вручается мне в виде готового свертка, и это гораздо приятнее любого *billet doux*.

– Не беспокойтесь, – говорит Брайан, и его улыбка похожа на мою – слабая, едва заметная, но все же улыбка. – На этот раз он не останется безнаказанным.

От автора

«Анатомия скандала» многим обязана моему опыту журналистки и репортера, политического корреспондента и студентки факультета английского языка в Оксфорде, однако это все-таки художественное произведение, действие которого разворачивается в мире, не имеющем отношения к «Брекзиту» или выборам в США, с другим премьер-министром и политическими деятелями.

Описанный мною Оксфорд тоже отчасти вымышленный – в настоящем никогда не было Шрусбери и Уолсингема, хотя в последнем угадываются некоторые черты моего колледжа. Но если Холли чем-то напоминает простодушную провинциалку, которой я когда-то была, то ее история, к счастью, не имеет с моей ничего общего.

Выражение признательности

Порой пишущему книгу выпадает зигзаг удачи. Мне, например, посчастливилось увидеть, как Элоиза Маршалл поддерживала обвинение в Олд-Бейли. Впоследствии я творчески переосмыслила увиденное, описывая процесс по делу об изнасиловании в другом королевском суде. Элоиза ознакомилась с фрагментами романа и ответила на мои бесчисленные вопросы, за что я ей безмерно благодарна.

Второй раз удача сделала зигзаг, когда я прочла книгу «Адвокат дьявола: бойкая полемика о том, как по-настоящему хорошо работать в суде» королевского адвоката Йена Морли, раньше служившего в одном бюро с Элоизой – на Эссекс-стрит, 23. Одна фраза: «Правда – коварная территория. Нравится вам это или нет, но состязательное судопроизводство – это не поиск истины» – произвела на меня такое впечатление, что я ее позаимствовала, немного изменив. За это я считаю себя в долгу перед Йеном Морли, а также Ханной Эванс с Эссекс-стрит, 23, подсказавшей эту цитату, перед пресс-службой коллегии адвокатов и перед Саймоном Кристи на начальных этапах подготовки к написанию «Анатомии».

Огромная благодарность моему бесподобному литературному агенту Лиззи Кремер, самой страстной защитнице «Анатомии» с самого начала, и юридическому отделу «Дэвид Хайем ассошиэйтс» – Элис Хауи, Эмме Джемисон, Эмили Рэндл. Камилле Дьюбини и Марго Виаллерон: благодаря их энтузиазму и энергии «Анатомия скандала» будет переведена на четырнадцать языков.

Работать с моими редакторами Джо Дикинсоном в «Саймон и Шустер» и Эмили Бестлер в «Эмили Бестлер букс» было одно удовольствие. Спасибо за их дальновидность, готовность к сотрудничеству, прекрасные идеи – и тактичное отношение. Йен Аллен оказался толковым и грамотным редактором, а Мартин Сомс из «Саймонс, Мьюрхед и Бертон» развеял все мои тревоги. Это был лучший опыт редакторской работы из возможных.

Еще мне повезло войти в «Прайм райтерс» – группу писателей, дебют которых состоялся после сорока лет (мне был сорок один год). То ли благодаря словесным баталиям, то ли просто вспомнились студенческие годы, но «Прайм райтерс», сами того не подозревая, мне очень помогли. Особая благодарность Терри Стиастни, которая не только заговорила о

противоречиях в сюжете, но в итоге и предложила название для книги. Карин Сальваджио, Сара Луис Джасмон, Клэр Фуллер и Пегги Райли всячески придирались к языку романа, а Доминик Аттон, Рейчел Лукас, Джеймс Ханна и Джон Текман прошерстили терминологию и подбрасывали специальную информацию.

Прежде чем начать писать книги, я работала политическим корреспондентом в «Гардиан». Общение с моим бывшим боссом, политредактором Майком Уайтом, оказалось бесценным в смысле новых сюжетов, а мой бывший коллега Энди Спэрроу и Бен Райт с канала Би-би-си великодушно проверяли для меня факты.

Спасибо Шелли Спратт из пресс-службы полиции Кембриджшира и пресс-службе «Эддакшен»^[12]. В отношении экспертов, принимавших участие в создании романа, заверяю: если в повествование вкрались ошибки, они целиком мои. В двух случаях я воспользовалась своим правом писателя задавать темп.

А еще я безмерно благодарна своей семье. По окончании факультета английского языка я некоторое время тешила себя надеждой пойти по стопам отца и заняться юриспруденцией. Адвокат из меня вышел бы никудышный, но профессиональный энтузиазм Криса Холла разжег во мне интерес и раздражил мой аппетит к происходящему в зале суда.

Моя мать Бобби Холл и моя сестра Лора Теннант всегда безоговорочно меня поддерживали, но трио, которому я благодарна больше всего, – это мой муж Фил и дети Элла и Джек. «Анатомия скандала» стала экскурсом в темную сторону жизни, о которой люди предпочитают не задумываться, и семейная жизнь с ее любовью, шумом и бьющей через край энергией была для меня желанным антидотом.

СНОСКИ

Старейшая и самая известная из четырех судебных гильдий Великобритании. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Любовное письмо (*фр.*).

В красных кожаных кейсах высшие правительственные чиновники Великобритании перевозят официальные документы.

4

Организатор парламентской фракции правящей партии.

Прозвище Оксфорда – Город дремлющих шпилей.

Холли Берри (holly berry) – остролист (*англ.*).

У. Шекспир. Макбет. Акт 1, сцена 5.

Летняя резиденция премьер-министра Великобритании.

У. Вордсворт. Сонет, написанный на Вестминстерском мосту 3 сентября 1802 года. Перевод В. Левика.

Вещество сосудистого действия, якобы улучшающее качество полового акта.

Фамилия Thynne созвучна английскому прилагательному thin, что означает «тонкий, худой».

Британское благотворительное общество, помогающее людям, борющимся с алкогольной и наркотической зависимостью.